

4
1758

Р.Н. Попов

Фразеологизмы
современного
русского языка
с архаичными
значениями
и формами слов

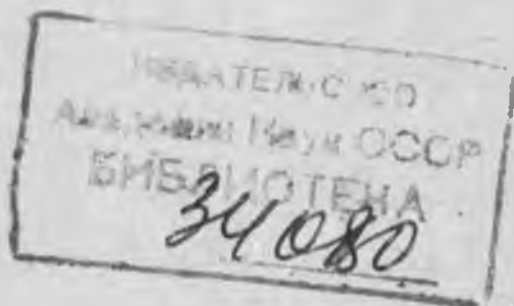


4
П-58

Р. Н. Попов

Фразеологизмы
современного русского языка
с архаичными значениями
и формами слов

Допущено
Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для филологических специальностей
педагогических институтов



Москва «Высшая школа» 1976

Рецензенты: кафедра русского языка Астраханского педагогического института (зав. кафедрой докт. филолог. наук Г. А. Селиванов), профессор В. И. Кодухов (ЛГПИ им. А. И. Герцена)

Попов Р. Н.

П58 Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. Учебн. пособие для филол. специальностей пед. ин-тов. М., «Высш. школа», 1976.

200 с. Библиогр.: с. 187—190.

В пособии рассматриваются устойчивые сочетания слов с архаичными чертами. В нем дается объяснение устаревших слов, форм и конструкций в составе фразеологизмов. Завершается пособие указателем фразеологических единиц с историзмами, лексическими, фонетическими и грамматическими архаизмами в своем компонентном составе.

П $\frac{60602-139}{001(01)-76}$ 154-76

4

© Издательство «Высшая школа», 1976

Предисловие

В книге рассматриваются устойчивые словосочетания современного русского литературного языка, которые содержат в своем составе либо устаревшие слова, либо слова в устаревших грамматических формах.

Книга написана применительно к программе по русскому языку для студентов филологических факультетов педагогических институтов¹. Она может быть использована для проведения спецкурсов и спецсеминаров по фразеологии русского языка, исторической грамматике и лексикологии².

Устойчивые словосочетания (или, как их еще называют, фразеологизмы, фразеологические единицы), содержащие в своей структуре различные архаичные элементы, образуют весьма значительный пласт во фразеологическом составе современного русского языка. Этот «слой» устойчивых сочетаний слов составляет примерно четвертую часть его основного фразеологического фонда.

В современном русском литературном языке насчитывается около тысячи фразеологизмов, содержащих в своих компонентах лексические архаизмы и историзмы, например: *бить челом, беречь как зеницу ока, подпускать турысы на колесах, гол как сокол*, а также грамматические архаизмы — *притча во языцех, темна вода во облацех, лечь костьюми, ничтоже сумняшеся, еле можахом* и т. п.

В первой группе приведенных выше фразеологизмов, в отдельных компонентах их, сохранились слова, вытесненные из употребления в свободных словосочетаниях другими синонимичными словами (ср. *чело* — *лоб*, *око* — *глаз*), либо слова, вообще исчезнувшие из употребления в языке в связи с тем, что прекратили свое существование те предметы и явления действительности, которые они прежде обозначали, например: *турысы* — «башни на колесах для осады крепостей», *сокол* — «длинное острое бревно, очищенное от коры, подвешиваемое на ремнях и предназначенное для разрушения крепостных стен».

Во второй группе фразеологизмов, в составляющих их компонентах, содержатся слова в устаревших для нашего времени грамматических формах. Так, существительные *во языцех, во облацех* на-

¹ См.: Современный русский литературный язык. Программы педагогических институтов. М., 1973, с. 7, 8; Русский язык для государственных экзаменов. Программы педагогических институтов. М., 1973, с. 10, 11, 16, 17.

² См.: Историческая грамматика русского языка. Программы педагогических институтов. М., 1963, с. 8, 10, 11, 12; Старославянский язык. Программы педагогических институтов. М., 1971, с. 11, 12, 13, 14.

ходятся в старых формах местного падежа множественного числа, существительное *костьми* имеет архаичное окончание *-ьми*, вытесненное в современном языке более новым *-ами* (*-ями*). Глагольные компоненты *сумняшеся* и *можахом* во фразеологизмах *ничтоже сумняшеся* и *еле можахом* находятся в формах, давно вышедших из употребления в русском языке, а именно: в формах имперфекта, свойственных древнерусскому языку.

Изучению фразеологических единиц современного русского литературного языка, содержащих в своем составе лексические и грамматические архаизмы, в русском языкознании не уделялось еще достаточного внимания. Между тем систематизация данных фразеологии в этом отношении помогает полнее представить общую картину развития языка. Она помогает лучше осознать, во-первых, «многослойный» характер современной языковой системы, а во-вторых, воссоздать его прежний словарный состав и грамматический строй путем реконструкции последних, опираясь на факты современного языка и исходя из его современного состояния.

На фразеологическом материале живого современного языка становится возможным выявление фактов его глубокого исторического прошлого, и таким образом данные фразеологии становятся еще одним, дополнительным источником изучения истории языка наряду с памятниками письменности и данными областных говоров. «Материя и форма родного языка,— писал Фридрих Энгельс,— становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным омертвевшим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹.

Фразеологизмы живого современного литературного языка в своем компонентном составе содержат большое количество «омертвевших форм», что и создает предпосылки для воссоздания прежних именной и глагольной систем словоизменения и реконструкции прежнего словарного состава.

Привлечение данных фразеологии современного литературного языка в качестве третьего нового источника для изучения его истории (наряду с данными говоров и памятников письменности) должно плодотворно отразиться и в самом процессе преподавания исторической лексикологии и грамматики, должно оживить эти дисциплины, ибо отправными и исходными моментами для выявления исторических языковых закономерностей здесь становятся хорошо всем известные единицы нашей повседневной речи.

Изучение фразеологических единиц русского языка, содержащих в своей структуре устаревшие слова и архаичные словоформы, имеет большое значение для самой науки о природе устойчивых словосочетаний и своеобразии их употребления в языке — фразеологии. По сравнению с такими разделами науки о языке, как фонетика, лексикология, морфология и синтаксис, фразеология представляет собой относительно новый раздел.

Фразеологизмы с архаичными элементами в своей структуре, составляющие в количественном отношении около тысячи единиц, образуют основное ядро русской идиоматики², которая во мно-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 20, с. 333.

² В понимании этого термина мы придерживаемся концепции С. И. Ожегова, который писал: «В качестве основного, родового термина для обозначения собственно фразеологических явле-

гом характеризует национальное своеобразие и богатство современного русского языка. Представляется важным поэтому определить роль лексических и грамматических архаизмов в структурно-семантической организации самих фразеологических единиц, объяснить причину их живучести в компонентном составе последних.

Содержащиеся в структуре фразеологической единицы грамматические архаизмы усиливают экспрессивность ее значения, увеличивают устойчивость и «прочность» ее лексико-грамматического состава. Они содействуют стабильности порядка расположения слов и незыблемости их словоформ, поскольку последние оказываются изолированными от современной грамматической системы. Компоненты фразеологизмов, содержащие лексические архаизмы и историзмы, тоже оказываются в изоляции от современной лексической системы, а потому приобретают особую «экзотичность» и сообщают особую выразительность всей фразеологической единице.

Естественно предположить, что лексические и грамматические архаизмы в компонентном составе фразеологической единицы выступают в качестве детерминирующих элементов, «притягивающих» к себе другие, не содержащие архаизмов. Образно говоря, они цементируют структуру всего фразеологизма.

Наличие лексических и грамматических архаизмов в структуре сравнительно большого количества фразеологизмов современного русского языка вытекает из самой природы последних, а именно: устойчивости и идиоматичности, обуславливающих их длительную жизнь в языке. В процессе многовекового существования фразеологизмов в их структуре постоянно накапливаются различные архаичные элементы. Заключенные в устойчивые словосочетания отдельные слова в определенных формах отстают от развивающихся лексической и грамматической систем языка.

Архаичные элементы, накапливающиеся в компонентном составе фразеологизмов, являются важным постоянным свойством их материальной структуры. Во фразеологических единицах архаизмы как бы получают свою особую новую жизнь в языке и до известной степени воспринимаются как «живые» архаизмы, так как продолжают свое существование, а не исчезают бесследно.

Лексические и грамматические архаизмы в структуре фразеологизма выступают в качестве дифференциальных признаков этой единицы (например, лексические архаизмы *телец*, *одр* и грамматический *замуж* во фразеологизмах *золотой телец* — «богатство, деньги», *на смертном одре* — «при смерти», *выйти замуж* — «вступить в брак»), являются показателями ее фразеологичности. Наличие архаизма в компонентном составе того или иного устойчивого словосочетания помогает ему обособиться и отграничиться от свободного словосочетания (ср. *Он работал засуч-а рукава*, т. е. «с большим желанием и трудолюбием», и *Он работал засуч-ив рукава*, т. е. «с подвернутыми рукавами рубашки, пиджака и т. п.»). Роль таких

ний следует предпочесть термин фразеологическая единица. Термины В. В. Виноградова — фразеологическое сращение, фразеологическое единство и фразеологическое сочетание можно было бы рассматривать как видовые. Идиома — один из семантических видов фразеологической единицы, примерно соответствующий фразеологическому сращению». (О структуре фразеологии. — Лексикографический сборник, вып. 2. М., 1957, с. 42).

компонентов в составе фразеологической единицы сводится к тому, что они выполняют функцию условного знака применительно к восприятию всей единицы в целом в сознании людей, говорящих на данном языке.

В книге освещаются вопросы, связанные с обновлением устаревших элементов в структуре фразеологизмов и вызванной этим их вариантности (ср. *не на живот, а на смерть* и *не на жизнь, а на смерть*), приводится характеристика внутривидовых отношений между компонентами, содержащими архаизмы и не содержащими их, определяется стилистическая дифференциация фразеологизмов в системе современного литературного языка.

Поскольку в данной книге на материале фразеологизмов современного литературного русского языка по существу реконструируется древнерусская языковая система, то, естественно, иногда используются памятники письменности XI—XIV вв.

Вместе с тем принадлежность тех или иных фразеологических пластов (с архаичными элементами в структуре фразеологических единиц) к современному языку не только доказывается ссылками на различные словари, но и подтверждается многочисленными примерами употребления указанных фразеологизмов в разных стилях современного литературного языка. С этой целью употребительность фразеологических единиц с архаичными элементами выявляется на материале художественных, эпистолярных и публицистических произведений XIX—XX вв., а также произведений, опубликованных в газетах и журналах.

Автор книги стремился показать основные закономерности употребления фразеологических единиц с лексическими и грамматическими архаизмами в системе современного литературного языка. При этом особое внимание обращается на те изменения в структуре фразеологизмов, которые происходят под воздействием современной языковой системы.

Рассмотрение в книге таких понятий и явлений, как лексикализация и фразеологизация, словообразование на почве фразеологических единиц, значение и форма фразеологизма, наряду с вопросами, указанными выше, представляют интерес для студентов и для преподавателей филологических факультетов высших учебных заведений как при изучении фразеологии и лексикологии современного русского языка, так и при изучении исторической лексикологии и грамматики.

Автор выражает благодарность проф. Г. А. Селиванову и проф. В. И. Кодухову за ценные замечания при рецензировании рукописи.

Глава I

Фразеологическая система языка как объект особой лингвистической дисциплины

§ 1. Объект изучения фразеологии

В понимании природы фразеологических единиц как единиц особой системы языка среди лингвистов наметилось два направления, которые в конечном счете обусловили два подхода к объему фразеологического состава языка, а именно узкое и широкое понимание его границ.

Если одни ученые в определении фразеологической единицы подчеркивают особый характер ее соотнесенности с действительностью, ее единство номинации, способность выражать единое понятие, направленное на какой-либо предмет (в широком смысле слова), то другие ученые на первый план выдвигают образные, выразительные свойства данной единицы. Ее соотнесенность с понятием и обозначаемым им предметом происходит, по их мнению, через призму другого нейтрального одиночного слова, по отношению к которому данный фразеологизм воспринимается в качестве экспрессивного синонима.

Представители широкого понимания объема фразеологического состава языка включают в него все устойчивые сочетания слов, не отграничивая собственно номинативных от образно-экспрессивных.

О. С. Ахманова особенно подчеркивает единство номинативной функции фразеологизма в отличие от ее «множественности» в свободном словосочетании. «Во фразеологической единице «цельность номина-

ции» довлеет над структурной разделительностью, выделение признаков, характеризующих обозначаемый предмет, оказывается подчиненным его целостному обозначению» [1, 170]¹.

Этот важный признак фразеологической единицы обусловлен в свою очередь ее свойством воспроизводимости в акте речи, постоянством ее компонентного состава и структуры. «Номинативная цельность фразеологических оборотов, направленность их на «предмет», — пишет Н. М. Шанский, — не является их всеобщим свойством и само, как таковое, обусловлено их воспроизводимостью... Иначе говоря, в смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое даже в том случае, когда их семантика зеркально отражает значения образующих слов (ср. обороты *всерьёз и надолго, поджигатели войны, на данном этапе* и прочие)» [28, 171].

Таким образом, любая «сверхсловная» единица языка может быть отнесена к фразеологическому составу языка, если она обладает целостным значением и устойчивостью своей структуры, а также постоянством своего компонентного состава.

Представители узкого понимания объекта фразеологии считают, что в процессе фразеологизации вместе с потерей своих значений компоненты устойчивого словосочетания, как и все оно в целом, непременно утрачивают знаковую, назывную функцию по отношению к «обозначаемому» ими предмету.

Данную точку зрения отстаивает, например, Е. Н. Толикина, утверждая: «Признак сопоставления, заключенный в конкретном словесном выражении, в процессе фразеологизации абсолютизируется, значение всего словосочетания растворяется в этом признаке, приравнивается к нему и становится целостным, благодаря чему старая форма получает новое содержание... а фразеологическая единица сохраняет образную силу и является элементом выразительных средств языка» [50, 168].

Е. Н. Толикина считает, что значение фразеологической единицы не определяется связью с обозначаемым предметом, что оно находится «в ряду синонимов и воспринимается через призму значения слова, которое

¹ Здесь и далее первая цифра в скобках указывает порядковый номер, под которым в конце книги помещен цитируемый источник, а вторая — страницу цитируемой работы.

имеет направленность на предмет и является носителем номинации» [Там же].

Нам представляется, что во фразеологическом составе языка существуют и повседневно пополняются два различных пласта единиц, отличающихся своей коммуникативной функцией: это номинативные фразеологические единицы и экспрессивные фразеологические единицы.

Они вызываются к жизни постоянной потребностью в общении между людьми. Появление номинативных фразеологизмов обуславливается все возрастающими темпами социально-экономической жизни и научно-технического прогресса, необходимостью обозначать новые явления и понятия, возникающие в процессе социально-экономической и культурной жизни общества. Таковы, например, фразеологизмы, сформировавшиеся для обозначения новых понятий и нового отношения человека к социалистической действительности: *резервы производства, полевой стан, торговая сеть, детский сад, узловые вопросы, подхватить инициативу*.

Для наиболее всестороннего удовлетворения потребностей в общении между людьми во фразеологической системе языка образуются также наряду с номинативными фразеологизмами экспрессивные единицы, необходимые для образно-эмоционального воздействия говорящих на слушающих. Таковы, например, фразеологизмы *встретить в штыки, отбиться от рук, у черта на рогах, скрепя сердце, медведь на ухо наступил* и мн. др.

Эти пласты фразеологических единиц имеют одинаковые права на свое отнесение к фразеологическому составу языка, из которого в равной степени нельзя исключать как единицы первой разновидности, так и второй.

Общим, что их объединяет, является устойчивость структуры и тех и других, единство и целостность их значения. В этой связи методологические позиции ученых, придерживающихся широкого понимания объекта фразеологии, представляются более объективными.

С понятиями «идиоматичность» и «фразеологичность» большинство лингвистов связывают рассмотрение структурно-семантических особенностей устойчивых словосочетаний как в русском, так и в других языках. Они считают указанные выше понятия основными для отграничения устойчивых словосочетаний от свободных, не являющихся объектом фразеологии.

Однако понятия «идиоматичность» и «фразеологичность» используются в работах некоторых лингвистов в более широком значении. Они не «прикреплены» непосредственно к устойчивым словосочетаниям в качестве признаков, отличающих их от свободных словосочетаний, изучаемых в синтаксисе. Они «обнаруживаются» этими лингвистами на разных уровнях языка и служат для характеристики единиц, принадлежащих к разным уровням языковой системы.

Одни лингвисты (М. В. Панов, Д. Н. Шмелев) распространяют понятие «фразеологичности» на статус отдельного слова, а другие (И. А. Мельчук, Н. А. Янко-Триницкая) даже на статус морфем. Становится возможным, таким образом, обнаруживать явления идиоматичности и фразеологичности на единицах морфологического уровня (морфемах), на единицах лексического уровня (словах) и на единицах синтаксического уровня (предложениях).

Выделимость слова на «фоне» других единиц языковой системы, по мнению Д. Н. Шмелева, «дает возможность говорить о его цельноформленности (фонетической и грамматической), а непредсказуемость значения (немотивированность или неполная мотивированность) — о его идиоматичности» [31, 55].

В понимании идиоматичности (фразеологичности) слова Н. А. Янко-Триницкая исходит из непредсказуемости его значения (ср. *вконец* — «совсем»). «Начиная от слова, — от уровня к уровню фразеологичность единиц убывает» [54, 433]. Но уже применительно к единицам других уровней языка в понятие «фразеологичность» Н. А. Янко-Триницкая вкладывает иное значение. Фразеологичность понимается ею как отступление от норм конструирования тех или иных единиц языка. Так, по ее мнению, в образовании слова *козёл* (каз'ол), состоящем из двух морфем, на лексическом и морфологическом уровнях языка допущены «два отступления от системности: а) названия особей мужского пола не соотносятся с названиями женского пола, как с базовыми (сравни *коз-а*); б) компонент (морфем) *-ол* не встречается ни в каком другом слове» [54, 433].

Хотя некоторые лингвисты и используют термины *идиоматичность* и *фразеологичность* в качестве синонимов, содержание, которое они в них вкладывают, отличается большим своеобразием. Оно является далеко не адекватным у каждого из них.

Можно согласиться с понятием фразеологичности слова как единицы, обладающей определенной «заданностью смысла», невыводимостью значения, но расширять объект фразеологии за счет «экзотичных» слов и

морфем помимо устойчивых словосочетаний в наше время представляется нецелесообразным.

Положение о «сверхсловности» фразеологических образований в языке представляется прочно устоявшимся в советском языкознании.

Нецелесообразно расширять объект фразеологии за счет единиц разных уровней языка и в сугубо методологическом отношении. Единицы всех уровней языка являются объектом изучения науки о языке в целом. Что же касается единиц отдельных уровней языка, то они изучаются соответственно фонетикой и фонологией, морфологией, лексикологией и синтаксисом.

Объект изучения фразеологии тоже целесообразно ограничить вполне определенными единицами, которые, кстати, уже давно получили свое терминологическое обозначение в отечественном языкознании: фразеологические единицы, фразеологизмы, устойчивые словосочетания. Эти единицы уже достаточно хорошо изучены, определены их специфические свойства (семантическая целостность при грамматической и акцентологической раздельнооформленности), отличающие их от свободных словосочетаний, являющихся объектом изучения синтаксиса.

С достаточной полнотой определены советскими фразеологами не только фразеологические единицы в целом, но и составляющие их основные разряды: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения [9, 22—30; 79, 84]. Изучать различного рода отступления от норм образования единиц разных уровней языка должна не фразеология как научная дисциплина с четко очерченным, устоявшимся уже своим объектом исследования, а соответственно те дисциплины, в которых встречаются аномальные явления на уровне морфем, лексем и синтаксем.

Более 25 тысяч устойчивых словосочетаний современного русского языка различных структурно-семантических разрядов — фразеологических сращений, единств, сочетаний и выражений, содержащихся в «Словаре современного русского литературного языка» (т. 1—17; М.—Л., 1951—1966), представляют собою достаточно обширное поле исследования для отечественной фразеологии, если даже не принимать во внимание возможность изучения их в диахроническом аспекте.

§ 2. Межуровневое положение фразеологической системы языка

Объектом фразеологии должны стать и действительно стали в практике советского языкознания не единицы всех уровней языка, а вполне определенные «сверхсловные» образования, представляющие собой устойчивые комбинации слов, которые определенным образом входят в уровневую систему языка.

Но какое место они занимают в этой уровневой организации языковой системы, как соотносятся они с единицами других уровней в онтологическом и в генетическом отношении?

Решение этого вопроса предопределяет задачи и методы исследования фразеологического состава языка.

В этом плане небезынтересными представляются высказывания об объекте фразеологии и ее задачах как особой лингвистической дисциплины, сделанные Е. Д. Поливановым еще в 30-е годы. «Я позволю себе употребить термин «фразеология», — писал он в 1928 г., — для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и... лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии» [43, 20].

Е. Д. Поливанов ощущал «потребность в особом отделе (науки о языке.— *Р. П.*), который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний, подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными значениями конкретных слов» [43, 20]. Именно Е. Д. Поливанов указал, что фразеология «займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т. п.) в лингвистической литературе будущего» [19, 61].

Наше понимание и обоснование места фразеологической системы среди других уровневых систем языка и взаимодействия ее с ними не противоречат приведенным выше высказываниям Е. Д. Поливанова и как будто должно их подтвердить.

Если понимать уровни языка не только как методику изучения его различных единиц, но и как организа-

цию его структуры, то «переход от единицы более низкого уровня к единице более высокого уровня осуществляется, как правило, в результате комбинирования, т. е. реализации синтагматических свойств элементов более низкого уровня (речь идет об устройстве языка в его синхронном состоянии). Так, комбинации фонем составляют звуковые оболочки морфем, комбинации морфем образуют слова, а комбинации слов — предложения» [48, 13].

Уровневая система языка



В этой цепи иерархических отношений от уровня к уровню между единицами языка — фонемами, морфемами, словами и предложениями — «за бортом» оказываются, во-первых, свободные словосочетания, имеющие определенную типологию моделирования (инвентарь моделей словосочетаний в каждом языке более ограничен, чем, например, инвентарь слов), а во-вторых, вне уровневой организации языка оказываются устойчивые словосочетания. И те, и другие образуют особые системы в уровневой орга-

низации языка, занимающие особое, промежуточное положение по отношению к основным уровням, имеющим свой «набор» языковых единиц. И та, и другая системы занимают особое межуровневое положение между лексической и синтаксической системами языка. Графически это можно было бы показать следующим образом (см. рис. на стр. 13).

Как увидим далее, отношения между единицами высших уровней языка более сложные, чем чисто интегративные на его низших уровнях.

Об этом свидетельствует и самый факт наличия двух межуровневых систем между лексическим и синтаксическим уровнями языковой структуры.

В чем состоит своеобразие отношений языковых единиц между этими уровнями и межуровневыми системами?

Прежде всего оно заключается в том, что единицы лексического уровня могут формировать непосредственно единицы синтаксического уровня, т. е. предложения (например: *Ночь. Смеркается*). Однако чаще всего единицы лексического уровня в результате интеграции образуют те или иные словосочетания, «словесные блоки», необходимые для построения предложений.

Единицы лексического уровня в качестве интегрантов для построения предложений используются, таким образом, через посредство системы свободных словосочетаний, например:



Связь системы устойчивых словосочетаний с синтаксическим уровнем и лексическим уровнем языковой структуры в онтологическом плане носит совсем иной характер. Прежде всего, немало фразеологических единиц разных структурно-семантических разрядов представляет собой разные «застывшие схемы» предложений (*шутка сказать, дело в шляпе* — фразеологические сращения, *ничего греха таить, нашего полку прибыло* — фразеологические единства, *волков бояться — в лес не ходить* — фразеологические выражения),

т. е. они «созданы» по моделям тех или иных предложений в процессе различных семантических сдвигов, происходивших в их лексическом составе.

Далее, на основе фразеологических единиц различными способами создаются, хотя и нерегулярно, единицы лексического уровня, т. е. возникают те или иные лексемы: а) путем вычленения компонентов, осложненного и не осложненного аффиксацией, — *телец* — «символ богатства, деньги» (ср. *златой телец*), *баклушничать* (ср. *бить баклуши*); б) в результате сложения компонентов, неосложненного аффиксацией и осложненного, — *светопреставление* (ср. *преставление света*, т. е. «конец света»), но *злободнев-н-ый* (*злоба дня*), *чел-о-бит-чик* (*челом бить*), *шапк-о-закида-тель-ств-о* (*закидать шапками*), *очк-о-втира-тель-ств-о* (*втирать очки*), *христарад-нич-а-ть* (*христа ради*); в) путем объединения компонентных словоформ в сложное слово без аффиксации и с помощью аффиксации — *сей-час* (*сей час*), но *сиюминут-н-ый*, *сюсекунд-н-ый* (*сию минуту*, *сию секунду*).

Таким образом, «деривационная цепочка» в левой части схемы (см. стр. 13) тянется здесь не снизу вверх, а сверху вниз по сравнению с межуровневой системой свободных словосочетаний. Из единиц синтаксического уровня возникают фразеологизмы, хотя и далеко не регулярно (эта нерегулярность графически выражена пунктирной линией). В свою очередь, из фразеологических единиц возникают лексические единицы, тоже очень нерегулярно.

Происходит как бы деривационный круговорот единиц разных уровней и межуровневых систем, ослабевающий и прерывающийся в своей «левой фазе» по направлению от «высшего» уровня, т. е. синтаксического, к более «низкому» уровню, т. е. лексическому.

Впрочем, в строгом смысле деривации здесь нет, ибо деривация предполагает интеграцию единиц низшего уровня, в результате которой образуются единицы высшего уровня, например: *малин-ов-ый*, *красн-ый* и т. д. Здесь происходит либо своеобразное «застывание» предложений, утрата синтаксической членимости его компонентов в результате различных семантических преобразований (*игра не стоит свеч*), если говорить о возникновении фразеологизмов из единиц синтаксического уровня, либо «конденсация» фразеологизма в лексему

в смысловом и формообразовательном отношении (*ни бе, ни ме — нибенимекнет* — «ничего не сможет произнести вслух»), если говорить о возникновении новых лексем из единиц фразеологической системы.

Особый характер отношений устанавливается и между языковыми единицами двух систем языка, занимающих промежуточное место между лексическим и синтаксическим уровнями языковой структуры.

Прежде всего, на основе свободных словосочетаний, построенных по определенным синтаксическим моделям, создается большинство фразеологических единиц разных структурно-семантических разрядов: *намылить голову* — «сильно отругать кого-либо»; сравни производное от него *задать головомоюку* (по аналогии с *задать жару*) — фразеологическое сращение; *гнуть спину* — «работать на кого-либо», «унижаться перед кем-либо» — фразеологическое единство; *телячий восторг, крошечная тьма* — фразеологические сочетания.

Характерно, что многие фразеологизмы имеют в системе свободных словосочетаний омонимичные им сочетания слов, в компонентном составе которых слова выступают в своих прямых значениях (ср. *намылить голову* — «натереть голову мылом», *гнуть спину* — «сильно сгибаться» и т. п.). Во фразеологических же единицах эти компоненты словосочетаний подвергаются существенной семантической трансформации.

Образование устойчивых словосочетаний на основе свободных — основная линия пополнения фразеологической системы языка. В то же время и фразеологическая система пополняет и обогащает систему свободных словосочетаний, хотя и не очень продуктивно, что графически передано в виде пунктирной линии.

В чем выражается эта «обратная» деривационная зависимость системы свободных словосочетаний от системы устойчивых словосочетаний?

Она проявляется в том, что во фразеологической системе складываются и формируются новые типы синтаксических конструкций, наполняемые новой грамматической семантикой. Фразеологизированные конструкции, все более и более расширяя свой лексический состав, имеют тенденцию к переходу в типовые структурно-семантические модели свободных словосочетаний.

Примером подобного рода конструкций может служить такая, как *выйти в люди* (в летчики, в шахтеры, в генералы и т. п.) со значением «перехода лиц из одного общественного или должностного, профессионального состояния в другое, более высокое». Любопытно, что продуктивности фразеологизированной конструкции типа *выйти в люди* не препятствует даже то обстоятельство, что в ее структуре содержится грамматический архаизм (старая форма винительного падежа — *в люди*; ср. *вижу (кого?) людей*).

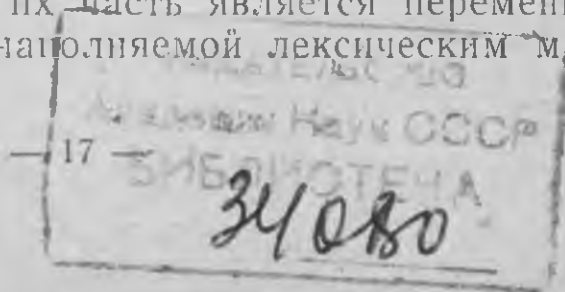
По мнению Н. Ю. Шведовой, подобного рода фразеологизированные конструкции могут быть трех групп:

1) конструкции, специфика которых состоит в том, что они строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собой изолированные структуры — следы когда-то свободных и легко расчленимых построений. «Одним из формантов такой конструкции является застывшая форма, оторвавшаяся от парадигмы соответствующего слова и в той или иной степени утратившая свои лексические и категориальные значения» [30, 269]. К этой группе относятся фразеологизированные конструкции, в которых сочетание компонентов не определяется действующими в языке синтаксическими нормами и не мотивировано ими. Такими являются модели словосочетаний: «*Чем не* плюс одушевленное существительное в именительном падеже единственного числа?» (*Чем не жених!*); «*Что за* плюс существительное неодушевленное в именительном падеже единственного числа!» (*Что за картина!*); «*Нет чтобы* плюс инфинитив глагола!» (*Нет чтобы подождать!*). Как отмечает Н. Ю. Шведова, незаменимый компонент в них (*чем не, что за, нет чтобы*) лишен своих прямых категориальных значений;

2) конструкции, формы компонентов которых могут быть легко объяснены существовавшими, «но изменившимися или устаревшими нормами. Формальные связи неизменяемого компонента с соответствующей категорией слов не утрачены: «*На то и война*»; «*Что так, то так*» [30, 270];

3) конструкции, являющиеся по своему характеру как предложениями, так и словосочетаниями, построенными по живым синтаксическим моделям, но «включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента слово, которое, претерпевая отход от своего прямого лексического значения, в то же время не утрачивает категориальных связей с соответствующим грамматическим классом, например: «*Хорош друг!*»; «*Одна рамка чего стоит!*» [30, 270].

Нетрудно заметить, что часть компонентов подобных конструкций («*выйти в* + вин. пад. сущ. во мн. числе»; «*что за* + им. пад. сущ. неодушевл. в ед. числе»; «*чем не* + сущ. одушевл. в им. пад.») является постоянной, в то время как другая их часть является переменной, относительно свободно наполняемой лексическим материалом.



Таким образом, фразеологическая система «не остается в долгу» перед системой синтаксической и системой свободных словосочетаний. Она не только развивается за счет различных семантических трансформаций свободных словосочетаний, но она также содействует формированию новых типов словосочетаний и предложений.

Своеобразие межуровневой фразеологической системы состоит также и в том, что она испытывает со стороны лексической системы языка различные нормализующие импульсы, а сами единицы ее (и даже их компонентный состав) находятся в межсловных связях и омонимических, синонимических и антонимических отношениях как между собой, так и с единицами лексической системы.

Так, например, оба компонента фразеологизма *кот наплакал* имеют омонимы в свободных словосочетаниях и через них прочно соотносятся с парадигмами словообразования и словоизменения, присущими словам данных структурно-семантических классов, а именно: *кот* — *котенок*; *кот*, *кота*, *коту*... *коты* и т. д.; *наплакал*, *наплачет*, *наплакал бы* и т. д. В антонимических отношениях находятся компоненты фразеологизмов *спустя рукава* и *засуча рукава*; в синонимических — *ни кола, ни двора* и *ни кола, ни угла* и т. д.

В отличие от единиц других систем языка единицы фразеологической системы имеют значительное количество различных архаичных элементов, которые выполняют в их структуре важную дифференциальную функцию и отграничивают «несвободные», устойчивые словосочетания от свободных словосочетаний. Наличие архаизмов в структуре фразеологических единиц является определенной закономерностью их структурной организации.

Однако в силу межуровневого характера фразеологической системы компоненты фразеологических единиц подвергаются воздействию со стороны лексической и синтаксической систем языка и в том случае, когда содержат в своем составе лексические и грамматические архаизмы. В процессе обновления компонентов фразеологических единиц, содержащих собственно лексические архаизмы (*как зеницу ока, и иже с ним*), фонетические и лексические (*златой телец, от младых ногтей, за тридцать сребреников, по градам и весям, яко тать*

в нощи, глас вопиющего в пустыне), словообразовательные и лексические (*недреманное око, семи пяденей в лбу*), воздействию лексической, словообразовательной и фонетической систем современного русского языка подвергаются прежде всего те компоненты, которые не выпадают из системных отношений и сохраняют свою связь с родственными словами, имеющими нормативное фонетическое и словообразовательное оформление. Под влиянием существительных и прилагательных в свободном словоупотреблении (*золото, серебро, город, голос, ночь, золотой, молодой*) наблюдается в ряде случаев «выравнивание» архаичных компонентов в структуре указанных выше фразеологизмов: *золотой телец, за тридцать серебряников, по городам и весям* и т. д.

Инертными к давлению системы языка (на его различных уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом) остаются те компоненты фразеологизмов, которые выпадают из системных межсловных и иных отношений. Так, например, архаичные существительные *весь* — «селение», *тать* — «вор» — полностью вышли из употребления и современному литературному языку свойственны лишь в составе устойчивых словосочетаний: *по градам и весям, яко тать в нощи*.

§ 3. Отличие фразеологических единиц от единиц других систем языка

Мы предлагаем выделить фразеологическую систему в самостоятельную межуровневую систему языка подобно тому, как это предложено сделать со словообразовательной системой в ряде работ советских и зарубежных лингвистов. Причем если у межуровневой словообразовательной системы самостоятельной языковой единицей признается морф, то тем более такой самостоятельной языковой единицей у межуровневой фразеологической системы можно было бы считать фразеологизм, или фразеологическую единицу.

В ряде работ советских лексикологов и фразеологов в последнее время наметилась тенденция объединить единицы лексической системы (слова) и фразеологической системы (фразеологизмы) в одну лексико-фразеологическую систему языка. Так, например, Д. Н. Шме-

деи отмечает, что «в ряду слов, обозначающих родственные отношения, оказываются такие составные наименования, как *двоюродный брат, двоюродная сестра*. Парадигматическая связанность этих обозначений определяется не их семантической «нерасчлененностью» — ее у них нет... а тем, что они занимают вполне определенные клеточки соответствующей лексической «матрицы»: дядя — тетка — племянник — племянница — двоюродный брат — двоюродная сестра» [3], 264].

Опираясь на известную схожесть процессов словообразования и оборотообразования (фразообразования), Н. М. Шанский на этом основании предлагает объединить фразеологические единицы и слова «в одну лексико-фразеологическую систему» [28, 3].

Однако наличие моделированного фразообразования (оборотообразования) и моделированного словопроизводства, о которых идет речь в работах Н. М. Шанского, как в сфере фразеологической системы (ср. *не хлебом единым жив человек и не работой единой жив человек*), так и в сфере лексической системы (ср. *самолет и вертолет, смертолет*), еще не дает необходимого основания для объединения этих качественно различных единиц языка в одну общую для них лексико-фразеологическую систему.

В одну «общую» для них систему языка логичнее было бы объединить устойчивые словосочетания со свободными словосочетаниями, ибо отличие устойчивых словосочетаний от «неустойчивых» (свободных) состоит в различной степени их воспроизводимости, семантической слитности, при сохранении акцентологической и грамматической раздельноформленности составляющих их компонентов.

Структурно устойчивые словосочетания ближе к «неустойчивым», свободным, чем к отдельным лексемам, являющимся единицами лексической системы языка.

Основным признаком разграничения устойчивых словосочетаний и свободных в работах многих лингвистов выдвигается признак воспроизводимости «в готовом виде» в сознании людей первых и конструирования, созидания каждый раз заново — вторых. Несмотря на это устойчивые словосочетания структурно ближе всего к единицам системы свободных словосочетаний.

Однако, при всей близости единиц межуровневой фразеологической системы к единицам межуровневой системы свободных словосочетаний, мы все же не объединяем эти единицы в одну «общую» для них систему словосочетаний. Фразеологическая единица представляет собой сложную лингвистическую единицу, «набор» признаков которой неоднозначен. Он исчисляется нередко десятью — двенадцатью характеристиками, сущность которых сводится к семантической спаянности и неделимости при «внешней» раздельнооформленности компонентов данной языковой единицы.

Фразеологические единицы, по нашему мнению, входят в состав особой межуровневой системы языка. Характерными признаками этих единиц являются сверхсловность (наличие нескольких словных компонентов), семантическая слитность при акцентологической и грамматической раздельнооформленности компонентов, что обусловлено самой природой образования этих единиц на основе переменных, или свободных, словосочетаний.

Итак, понятия «идиоматичность» и «фразеологичность» используются в современных работах лингвистов в неадекватном значении. Они понимаются и как невыводимость лексического значения в структуре слова, т. е. как определенная «заданность» смысла (М. В. Панов, Д. Н. Шмелев), и как нестандартность, «экзотичность» структурных элементов той или иной языковой единицы (Н. А. Янко-Триницкая, И. А. Мельчук), и как неразложимость значения устойчивых словосочетаний, предполагающая их воспроизводимость в речевой деятельности людей (Н. М. Шанский, В. П. Жуков и др.).

Мы полагаем, что объектом фразеологии как научной лингвистической дисциплины не могут быть одновременно единицы всех уровней языка. Ее объектом исследования следует считать лишь единицы межуровневой фразеологической системы, а именно устойчивые словосочетания.

Глава 2

Формирование фразеологических единиц в системе языка и их разновидности

§ 1. Причины возникновения фразеологических единиц

Будучи важнейшим средством человеческого общения, язык не имеет возможности безгранично увеличивать свой словарный состав, потому что пределы человеческой памяти тоже не безграничны. Для обозначения возникающих понятий об окружающей действительности в системе языка возникают устойчивые комбинации слов, состоящие из нескольких прочно сросшихся слов с единым значением. По мере развития общества возникают десятки тысяч новых единиц в языковой системе — устойчивых сочетаний слов. Они стабильно используются носителями данного языка в той или иной номинативной или экспрессивной функции для наиболее полного удовлетворения потребностей общения. Именно этой стабильностью они и отличаются прежде всего от свободных сочетаний слов, которые создаются в речи людей каждый раз заново и распадаются каждый раз после того или иного речевого акта.

В отличие от слов, которые возникают в лексической системе языка в результате различных способов деривации (словообразования), устойчивые сочетания слов образуются в системе языка благодаря процессам фразеологизации тех или иных свободных словосочетаний.

Одной из важных причин превращения свободных сочетаний слов в устойчивые по своему лексическому составу и грамматической структуре и целостные по своему значению является постоянство, повторяемость употребления данных словосочетаний, но не в прямом, а в обобщенно-метафорическом значении. Переходу переменных словосочетаний в постоянные, устойчивые, по мнению Б. А. Ларина, содействует «метафоризация, расширение и обобщение значения в сторону образной типичности» [39, 219].

В качестве примера можно привести такие словосочетания, как *намылить голову* — «сильно отругать кого-либо» (ср. *намылить голову* — «натереть голову мылом»), *гнуть спину* — «трудиться до изнеможения», «унижаться, заискивать перед кем-либо» (ср. *гнуть спину* — «низко сгибаться, наклоняться»).

Другой важной причиной, вызывающей переход свободного словосочетания в устойчивое, можно назвать появление в его структуре одного или нескольких слов с «несвободным», фразеологически связанным значением или ограниченным употреблением. Так, например, в ходе исторического развития языка и его лексической системы такие словосочетания, как *красная девица*, *один как перст*, *бить челом*, из свободных постепенно превращались в устойчивые в силу того, что в их компонентном составе у отдельных слов сформировались фразеологически связанные значения на основе их устаревшей семантики. В устойчивом словосочетании *красная девица* сохранено устаревшее значение слова *красная* — «красивая, хорошая», с которым оно уже не встречается в сочетаниях с другими словами. Слова *чело* — «лоб» и *перст* — «палец» ограничили свое употребление только пределами указанных выше и некоторых других устойчивых словосочетаний и с другими словами в системе современного языка не сочетаются (хотя сами по себе их значения и не устарели).

Третьей причиной, приводящей к образованию в языке фразеологических единиц, можно рассматривать необходимость обозначения с их помощью единого понятия, являющегося актуальным для данной исторической эпохи. К числу таких устойчивых сочетаний слов можно отнести следующие: *социалистическое соревнование*, *страны социалистического содружества*, *Совет Экономической Взаимопомощи* и др. Конечно, актуальные новые понятия могут обозначаться и другими языковыми средствами, например сложносокращенными словами: *соцсоревнование*, *страны СЭВ* и т. д. В этом отношении новые фразеологические единицы отнюдь не являются единственным выразителем соответствующего понятия, но они все же должны быть привычной и даже преимущественной формой обозначения того или иного понятия. По сравнению с ними другие наименования этих же понятий должны восприниматься «или производными и зависимыми (ср. *педагогическая практика* —

недипрактика) или менее яркими (ср. на все сто процентов — полностью)...» [27, 131].

Четвертой причиной возникновения фразеологических единиц в системе языка может служить их образование по уже существующим образцам или моделям, т. е. они образуются как бы на структурной основе реально существующих в языке фразеологизмов. Как отмечает Н. М. Шанский, фразеологизмы такого рода «образуются по аналогии и появляются в речи всегда как новообразования... лишь постепенно входя в общее употребление» [27, 133]. Будучи фразеологизмами аналогичного происхождения, они всегда связаны со стремлением людей более ярко назвать то, что уже было выражено другими средствами. Это стремление к обновлению наименований тех или иных понятий и приводит к появлению как новых слов, так и новых фразеологических единиц, что обусловлено самой природой нашей речи — оказать максимальное воздействие со стороны говорящего на слушающего. Примерами такого рода моделированных фразеологизмов могут быть *задать пару — задать жару — задать баню — задать голову* (последний возник в результате контаминации, т. е. объединения двух: *задать баню* и *намылить голову*).

Пятой причиной появления фразеологических единиц во фразеологической системе литературного языка являются заимствования из других языков. Это могут быть прямые заимствования, т. е. использование иноязычных фразеологизмов без перевода. Таковы, например, некоторые заимствованные фразеологизмы из латинского языка: *de mortuis aut bene, aut nihil* — «помнишь мертвого добром или не говори о нем ничего»; *homo sapiens* — «разумный человек»; *honores mutant mores* — «почести меняют нравы»; *in hoc signo vinces* — «в этом залог успеха, победы»; *invita Minerva* — «без поэтического побуждения, без вдохновения»¹. К этой группе Н. М. Шанский относит большое количество фразеологических единиц, «усвоенных» литературным рус-

¹ В большом количестве представлены подобные фразеологические единицы в «Словаре иноязычных выражений и слов» (в двух книгах), составленном А. М. Бабкиным и В. В. Шендецовым. М. — Л., 1966.

ским языком из старославянского языка, хотя и считает их совершенно «обрусевшими», например: *камень преткновения, козел отпущения, исчадие ада, избиение младенцев, не от мира сего, святая святых, вавилонское столпотворение* и т. д. [27, 135]. Нам представляется, однако, нецелесообразным относить подобные фразеологические единицы к иноязычным заимствованиям по двум причинам: во-первых, потому что сам литературный русский язык складывался как на книжно-славянской, так и на народно-разговорной основе, а во-вторых, фразеологические образования старославянского языка не воспринимаются как иноязычные и потому не нуждаются в переводе.

Многие иноязычные заимствования пуждаются в переводе и по этой причине нередко подвергаются калькированию. В результате буквального перевода компонентного состава большинства иноязычных фразеологизмов в литературном русском языке появились такие фразеологические единицы: *на живом теле* (лат. *in anima vili* — «на живом существе, предназначенном для опыта»), *на воде писано* (лат. *in aqua scribere* — о не заслуживающем доверия, ненадежном обещании), *пускай себе* (лат. *habeat sibi* — «пусть себе владеет!»), *разбить наголову* (нем. *kaufs Haupt schlagen*), *водить за нос* (нем. *an der Nase herum führen*).

Фразеологические иноязычные заимствования в непереводной форме не свойственны фразеологической системе русского языка, как и любого другого. Наблюдается активный процесс вытеснения их кальками. Определенный период времени иноязычные фразеологизмы могут сосуществовать со своими калькированными вариантами, постепенно уступая им дорогу.

Если сравнить, например, продуктивность употребления в нашей речи таких иноязычных фразеологизмов, как *veni, vidi, vici, in articulo mortis, in anima vili, in hos signo vinces, invita Minerva; homo sapiens* (из лат.) или *tête-a-tête, coup sur coup* (из франц.), с их калькированными вариантами (*пришел, увидел, победил!*; *на смертном одре, на живом теле, сим победиши, наперекор Минерве, мыслящее существо, с глазу на глаз, одно за другим*), то нетрудно убедиться в преимущественном использовании последних.

Любопытно отметить, что некоторые заимствования из латинского языка были калькированы с помощью

старославянских устойчивых словосочетаний: *на смертном одре* — «при смерти», *сим победиши* — «в этом залог победы». В современном литературном языке им свойствен определенный налет книжности и они воспринимаются как фразеологические архаизмы.

Рассмотренные причины возникновения фразеологических единиц в системе языка приводят к пополнению его фразеологического состава как устойчивыми словосочетаниями номинативного характера, так и экспрессивными фразеологизмами.

§ 2. Пополнение фразеологического состава языка номинативными устойчивыми словосочетаниями

Фразеологический состав современного русского языка постоянно пополняется новыми устойчивыми словосочетаниями.

Новые производственные отношения в стране победившего социализма вызвали новое отношение к труду у советских людей, создали новые формы человеческого общежития. Все это находит свое отражение не только в новых словах (*ударник, стахановец, скоростник, многостаночница*), но и в еще большей мере в новых устойчивых сочетаниях слов: *новатор производства, передовик производства, обмен опытом, оказывать товарищескую помощь, поднимать до уровня передовых, подхватить инициативу, инициатор соревнования, темпы роста, резервы производства, дом отдыха, полевой стан, торговая сеть, бригада отличного обслуживания, бригада отличного качества* и др.

Обогащение словарного и фразеологического состава в наши дни зависит от более быстрого, чем прежде, роста новых понятий, связанных с ускоренными темпами современной жизни, с поразительной быстротой развития науки, культуры и экономики. Это приводит к образованию в языке не только новых слов (*нейтрон, позитрон, ракета, лайнер, бульдозер, самосвал* и др.), но и новых устойчивых словосочетаний, отражающих новые, возникающие в сознании людей понятия из разных сфер жизни (*поточная линия, шагающий экскаватор, подъемный кран, реактивный самолет, турбовинтовой самолет, космический корабль* и многие другие).

Новые средства транспорта, новая техника на производстве, новые предметы материальной культуры и быта настолько прочно вошли в нашу жизнь, что большинство слов и устойчивых словосочетаний терминологического характера, связанных с обозначением этих новых явлений социалистической действительности, переходят из различных стилей речи в общенародную, разговорно-бытовую лексику и фразеологию. Об этом свидетельствует и образование на основе номинативных устойчивых словосочетаний сложных и «простых» слов, например: *электрический поезд* — *электropоезд*; *электрическая плита* — *электropлита*; *подъемный кран* — *кран* (его значение отлично от омонимичного существительного, встречающегося в словосочетаниях *водопроводный кран, кран самовара* и т. п.). Упрощение структуры терминологических образований в языке проявляется также в появлении обычных слов, образующихся на основе сложных и вытесняющих их. Как правило, «отсекается» либо их вторая, либо первая часть, а остающаяся часть сложного слова принимает на себя всю его смысловую нагрузку, иногда «обрастая» необходимыми суффиксами, например: *приемник* (радиоприемник), *радио* (радиорепродуктор), *метро* (метрополитен), *плитка* (электropлитка), *электричка* (электropоезд).

Десятки устойчивых словосочетаний номинативного характера были вызваны к жизни не только новыми формами и методами труда и организации производства, но и появлением новых нередко комбинированных орудий труда (ср. *бригада комплексного труда, комплексная механизация сельского хозяйства и картофеле- и свеклоуборочный комбайн, завод шарико- и роликоподшипников, счетно-решающее электронное устройство, счетно-электронная вычислительная машина*).

Изучение марксистско-ленинской теории, истории Коммунистической партии, политической экономии в вузах и техникумах, в школах политического просвещения и в народных университетах культуры, в кружках политического образования вовлекло во всеобщее употребление многие устойчивые словосочетания из сферы общественно-политической терминологии: *исторический и диалектический материализм, классовая борьба, диктатура пролетариата, производительные силы общества, производственные отношения, страны социалистического содружества* и многие другие.

В первые годы Советской власти среди общественно-политической терминологии большое развитие получили сложносокращенные слова типа *губком, уком* (губернский или уездный комитет партии или исполнительный комитет Советов рабоче-крестьянских и солдатских депутатов¹), *совнархоз, совхоз, колхоз* (совет народного хозяйства, советское хозяйство, коллективное хозяйство). Они создавались, как видим, на основе устойчивых словосочетаний номинативно-терминологического характера. И хотя в дальнейшем образование сложносокращенных слов явно пошло на убыль, все же многие из них прочно укоренились в языке и почти совершенно вытеснили из употребления те устойчивые словосочетания, из которых они возникли. К таким словам можно отнести: *обком, горком, райком* (областные, городские и районные комитеты партии), *облсполком, горисполком, райисполком* (областные, городские и районные исполнительные комитеты Советов депутатов трудящихся), *гороно, районо* (городской и районный отделы народного образования), *агитпункт* (агитационный пункт при избирательном участке), *местком, профком* (местные комитеты профессиональных союзов трудящихся), *партбюро, профбюро* (партийное и профсоюзное бюро), *парторг, профорг, комсорг* (партийный, профсоюзный и комсомольский организатор), *партбилет, соцсоревнование* (партийный билет, социалистическое соревнование).

Надо отметить и то, что в наши дни продолжается образование аббревиатур на основе номинативных устойчивых словосочетаний. Помимо сложившихся в 30-е годы *МТС (машинно-тракторная станция), ВСХВ (Все-союзная сельскохозяйственная выставка)* и некоторых других, сравнительно недавно появились новые аббревиатурные слова *ЭВМ (электронно-вычислительная машина), АСУ (автоматизированная система управления)* и ряд других, не говоря уже об узкоспециальных в различных профессионально-технических стилях речи.

Как видим, между номинативными устойчивыми словосочетаниями и номинативно-терминологической лексикой языка существуют очень тесная связь и взаимодействие.

¹ См.: Словарь современного русского литературного языка, т. 3. М. — Л., 1954, с. 465, т. 16. М. — Л., 1964, с. 470.

§ 3. Пополнение фразеологического состава языка экспрессивными фразеологическими единицами

Иной характер имеют экспрессивные фразеологические единицы. Этот слой устойчивых словосочетаний тоже увеличивается и растет, хотя, может быть, и не столь быстрыми темпами. Его назначение в языке и нашей речи — наиболее полно удовлетворять потребности в общении между людьми, служить важным средством эмоционально-образного воздействия говорящих на слушающих или пишущих на читающих, содействовать наиболее «яркому» осуществлению акта речи. Таковы, например, давно известные русскому языку фразеологизмы *отбиться от рук* — «перестать слушаться кого-либо, признавать над собой чью-либо власть или считаться с авторитетом»; *скрепя сердце* — «неохотно, вопреки собственному желанию»; *сломя голову, очертя голову* — «очень быстро; бесшабашно, непродуманно»; *медведь на ухо наступил* — о человеке, не имеющем музыкального слуха; *положа руку на сердце* — «откровенно, чистосердечно».

Такова же природа многих фразеологических единиц, появившихся в русском языке в более близкое к нам время, например: *встретить в штыки* — о выражении своего несогласия и нежелания положительно отнестись к чему-либо; *завинчивать гайки* — «для подчинения себе применять неоправданно крутые меры».

В экспрессивных фразеологических единицах их компоненты почти полностью утрачивают свои значения. Да и сам фразеологизм не является средством номинации того или иного явления, он не обладает назывной функцией по отношению к «обозначаемому» им предмету. В основе значения экспрессивных устойчивых словосочетаний заложен признак сопоставления одного явления действительности с другим.

Важным свойством экспрессивных фразеологических единиц является их оценочный характер, с помощью которого удается ярче оттенить те или иные признаки людей и явлений действительности.

Экспрессивные фразеологические единицы могут возникать на основе номинативных, когда те перестают быть узкоспециальными и вовлекаются в общенарод-

ный язык из сферы специальных стилей. В этом случае во фразеологическом составе языка появляются фразеологические омонимы. Так, устойчивое словосочетание *выйти на орбиту* (ср. *вывести на орбиту*) имеет значение «выйти (вывести) на заранее рассчитанную траекторию полета». В этом значении оно употребляется применительно к полету космической ракеты или космического корабля. Но на его основе, используя данное значение в качестве своей внутренней формы, возникает новое фразеологическое единство *выйти на орбиту* с обобщенно-переносным значением: «добиться важных успехов на каком-либо поприще; добиться высокого общественного положения». С таким значением данное фразеологическое единство употребляется уже применительно к человеку, к его поступкам и действиям.

Экспрессивные фразеологические единицы, обладающие эмоционально-оценочным значением (*выбить из колеи* — «нарушить привычный образ жизни, вывести из обычного состояния»; *лакомый кусок* — «что-либо заманчивое, привлекательное, соблазнительное»¹), составляют второй важный слой фразеологизмов русского языка наряду с фразеологическими единицами номинативного типа.

Общее, что их объединяет друг с другом и вместе с тем отличает от свободных словосочетаний, — это единство, целостность значения, устойчивость грамматической структуры и постоянство ее лексического наполнения.

§ 4. Формирование целостного фразеологического значения в структуре устойчивых словосочетаний

Если наличие лексико-семантических или грамматических и фонетических архаизмов «поддерживает» фразеологичность тех или иных устойчивых словосочетаний, то не менее важную роль в их структуре играет и наличие семантических неологизмов.

¹ Фразеологический словарь русского языка. М., 1967, с. 89 и 218.

Возникающие в языке слова с новыми значениями иногда приводят к формированию того или иного фразеологизма. Последний образуется в силу того, что слово с этим новым значением обладает ограниченной сочетаемостью с другими словами.

Так, во фразеологизме *звездный час* прилагательное *звездный* имеет «внесистемное значение», т. е. то значение, которое не свойственно ему при употреблении в свободных словосочетаниях (ср. *звездная ночь*, *звездное небо* — «темное ночное небо, усеянное звездами»). Значение слова *звездный* в данном словосочетании оказывается фразеологически связанным. Оно близко к значению всего фразеологизма *звездный час* — «время, период наивысшего напряжения духовных и физических сил». Естественно, в таком значении оно ограничено в употреблении. Оно может быть осмыслено как семантический неологизм, известный лишь в пределах данного фразеологизма и обладающий единичной сочетаемостью. Поскольку в этом новом значении прилагательное *звездный* способно сочетаться только со словом *час* (при невозможности *звездные сутки* или *звездная минута*), постольку оно является показателем устойчивости и фразеологичности данного словосочетания.

Фразеологическое сочетание *звездный час* еще не отмечено в толковых и фразеологических словарях русского языка и само по себе может восприниматься как фразеологический неологизм. Сфера его употребления начинает, однако, все более расширяться. Уже сейчас оно встречается не только в устной речи, но и в газетных очерках и корреспонденциях. Приведем примеры из языка массовой печати: «Мы часто говорим о том, что в жизни человека наступает *звездный час*. Но случается это по-разному. Можно жить только ради этого мгновения, а потом почить на лаврах, выбивая из *звездного часа* все блага — и материальные, и духовные» (В. Кожевников. Маша, Мария Карповна; «Комсомольская правда», 18.4.1968); «Но я знаю, что в ее жизни уже случился этот *звездный час* настоящего испытания» (А. Левина. Ты опять улетаешь; «Комсомольская правда», 19.4.1968).

В отличие от внутренней формы слова, указывающей на признак, по которому назван предмет (например, *окно* по ассоциации с *око*, т. е. дает возможность видеть), внутренняя форма фразеологической единицы

передает то или иное представление о каком-либо явлении или факте. Так, прежде чем словосочетание *попасть в просак* приобрело значение «оказаться в неудобном, неловком положении из-за своей оплошности», веревочных дел мастера не раз по оплошности попадали в станок для изготовления веревок (*просак*), которым пользовались в прежнее время.

В процессе частого и длительного употребления этого словосочетания в переносно-обобщенном значении оно становится в нем доминирующим и обеспечивает его устойчивость. Что же касается его первоначального конкретного содержания, то оно сохраняется во фразеологизме в виде его внутренней формы, в виде конкретного представления, которое мотивирует «вторичное» значение и сообщает ему определенную оценочность либо совершенно забывается (например, *турусы на колесах*).

Оценочность значения в экспрессивных фразеологических единицах сохраняется даже тогда, когда они утрачивают свою внутреннюю форму. Она поддерживается в живой речи интонацией, определенным эмоциональным настроением, сопровождающим данный фразеологизм, а также зачастую наличием «экзотичных», непонятных слов-компонентов, не известных в свободном употреблении (т. е. наличием различных архаизмов и историзмов либо неологизмов).

Характеристика внутренней формы фразеологических единиц особенно важна для иностранцев и представителей различных национальностей нашей страны, изучающих русский язык.

Когда мы овладеваем родным языком с детства как единственной формой нашего общения, семантика фразеологических единиц усваивается нами вместе с их внутренней формой в процессе многократного наблюдения над своеобразием их употребления. Интонация или контекст уточняют полноту их значения и выразительные особенности.

Эти факторы почти отсутствуют при изучении русского языка как языка неродного. В этом случае добавочные оттенки в семантике фразеологизмов, а также образное представление (его внутренняя форма), заложенные в основе его обобщенно-переносного оценочного значения, могут оказаться недоучтенными, и в ре-

зультате окажется неясным само употребление данного словосочетания.

Так, во фразеологическом сочетании *телячий восторг* только первое слово имеет переносное, не свойственное системе языка значение «необоснованный, глупый» (подобно тому, как в сочетании *звездный час* таким «несистемным», переносным значением обладает лишь прилагательное *звездный*). Однако внутренняя форма у таких фразеологизмов не что иное, как «образное представление, а не признак», как в обычном слове [23, 17. Выделено нами.— Р. П.).

Дополнительные оценочные семантические свойства фразеологических единиц делают их гораздо богаче по своему смысловому содержанию тех или иных синонимичных им слов. Так, например, *турусы на колесах* — это не просто «нелепость, чепуха, вздор»; *турусы на колесах* — это «страшная чепуха, очень большая несуразность, дикий вздор». Впервые на необходимость учитывать дополнительные оттенки в значении фразеологизма (в том числе, очевидно, и его оценочность) обратил внимание Б. А. Ларин в одном из выступлений на совещании по фразеологии в Ленинграде. Учитывать эти оттенки невозможно, не принимая во внимание внутреннюю форму того или иного устойчивого словосочетания.

Экспрессивным фразеологическим единицам, как правило, всегда присуща внутренняя форма. Она тесно связана с их значением, придает ему некоторую «двуплановость» и сообщает необходимую эмоциональную оценку и стилистическую принадлежность.

Когда мы употребляем фразеологизмы *точно с луны свалился* — о человеке, находящемся в крайней степени неведения, незнания того, что известно другим; *звезд с неба не хватает* — о человеке с ограниченными способностями, в нашем сознании присутствуют представления о падающем с луны человеке; о человеке, который не может схватить с неба одну или несколько звезд.

Наличие внутренней формы во фразеологических единицах, гораздо большая ее актуальность, чем в слове, делают смысловую структуру устойчивого словосочетания более богатой и в то же время более сложной.

Приобретая переносные, необычные, иногда прямо «противоположные» и «неожиданные» значения, слова

резко сужают свою сочетаемость с другими словами, что приводит к созданию многих новых фразеологических сочетаний, пополняющих фразеологический состав языка. Толчком к этому могут послужить факторы внелингвистические, например новые явления социально-экономического порядка. Сужение сферы употребления таких слов, как *знатный*, *потомственный*, *царство* (ср. *знатный вельможа*, *потомственный дворянин*, *править царством*), создало возможность их переосмысления применительно к новым условиям жизни. В процессе метафорического использования, в корне изменившего их прежние значения, эти слова стали ограниченно сочетаться совсем с другими словами для выражения новых актуальных понятий и явлений социалистической действительности: *знатный токарь (слесарь)*, *потомственный рабочий*, *царство свободного разума и труда*.

Обобщенно-переносный характер значений ощущается и в структуре таких экспрессивных фразеологических единиц, сравнительно недавно появившихся во фразеологическом составе русского языка, как *зримые черты коммунизма* — «особенности, признаки будущего общества, которые ощущаются уже сейчас»; *космические братья, звездные братья* — о космонавтах, участвующих в одном групповом полете, либо вообще о космонавтах; *детский сад* — «особый тип стационарного дошкольного учреждения для детей 3—7 лет»; *стоять на страже мира* — «бороться за сохранение на земле спокойствия, не допускать военных столкновений между народами и странами».

Возникновение и развитие в словах необычных, «внесистемных» значений непосредственно связано с ограничением их сочетаемости, т. е. в конечном счете с процессом фразеологизации того или иного свободного словосочетания. «Вхождение слова в состав фразеологической единицы может быть обозначено как «предел» его лексико-фразеологического варьирования. Вступая в словосочетания в сложные фразеологические отношения с другими словами, — пишет О. С. Ахманова, — слово семантически видоизменяется, «варьируется», воспроизводится в разных своих лексико-фразеологических вариантах» [1, 171].

Фразеологизация, как и любое другое явление в развитии языка, сложный и диалектически про-

тиворечивый процесс. По образному выражению О. С. Ахмаповой, в нем участвуют одновременно и «центробежные» и «центростремительные» силы. Наряду с образованием общего, целостного значения фразеологической единицы, у входящих в ее состав слов могут возникать новые значения, вначале потенциальные, поглощенные общим, единым значением, а впоследствии и самостоятельно воспроизводимые. К таким словам, например, можно отнести *воспрянуть, городить*, возникшие на основе фразеологических единиц: *воспрянуть духом, городить чепуху*.

Таким образом, моносемантизация лексемы (одной или нескольких) в определенной словоформе (или в нескольких словоформах) в структуре того или иного словосочетания формирует его устойчивость, «переводит» свободное сочетание слов в разряд устойчивых комбинаций слов, находящихся в определенных словоформах.

В связи с превращением свободных словосочетаний во фразеологически связанные, устойчивые составляющие их лексемы в определенных словоформах подвергаются своеобразному семантическому опрощению. «На начальных стадиях этого процесса, — пишет В. А. Звегинцев, — еще сохраняющиеся смысловые связи с исходными элементами, определяющими «внутреннюю форму» вновь возникшей лексической единицы, так же как и прочие виды смысловых отношений слов, могут оказывать известное влияние на становление... значения новой лексической единицы» [13, 195]. В последующих фазах процесса фразеологизации происходит затемнение «внутренней формы» словосочетания и рождение нового значения, порывающего связь с прежними «опорными» значениями слов-компонентов (ср. *ударить по рукам* в буквальном смысле и *ударить по рукам* — во фразеологически связанном и обобщенно-переносном — «согласиться» или «заклучить соглашение»). В ходе этого процесса компоненты свободного словосочетания лишаются своих прежних значений, подвергаются интеграции, растворяются в новом общем значении, которое приобретает фразеологическая единица.

И все же те или иные лексемы, содержащиеся в структуре фразеологических единиц в определенных словоформах, не превращаются в звуковые пустышки, лишенные всякого смыслового содержания. Они напол-

няются новыми значениями, близкими к значению той или иной фразеологической единицы в целом.

Между тем положения о том, что элементы фразеологических единиц «бессмысленны», что это лишь «фонетические» слова, высказываются многими учеными довольно часто. Мы разделяем взгляды ученых, признающих компоненты фразеологических единиц единицами двухмерными, обладающими двумя планами: содержания и его выражения.

Интересны и логичны возражения Д. Н. Шмелева, высказанные им по поводу концепции, отрицающей лексемный характер компонентов фразеологических единиц.

Д. Н. Шмелев подчеркивает наличие особого специфического значения в словах-компонентах фразеологических единиц. Он пишет: «Можно ли считать, что, поскольку фразеологически закрепленное слово неупотребительно вне фиксированных сочетаний, оно лишено собственного значения? Это значение, действительно, часто трудно определимо само по себе, так как оно как бы растворяется в значении целого. Но вместе с тем оно и отражает значение целого, в связи с чем слово потенциально сохраняет способность к разрушению своих синтагматических ограничений и проявлению «отраженного» значения в новых контекстах» [31, 266].

В нашей книге целая глава посвящена возникновению в лексической системе языка многих слов с «фразеологическим» новым значением, которое они приобрели будучи компонентами фразеологических единиц до того, как «вычленились» из их структуры и превратились в самостоятельные новые лексемы.

Своеобразие, специфика значений компонентов фразеологических единиц недоучитываются во многих работах последних лет. Так, М. М. Копыленко определяет идиоматичность того или иного словосочетания как меру ограничения семемной сочетаемости образующих его компонентов. Это положение он иллюстрирует таким примером: «Одна из семем глагольной лексемы *закинуть* сочетается с определенной семемой субстантивной лексемы *удочка* — образуется сочетание *закинуть удочку*. Сочетание это характеризуется стопроцентной идиоматичностью, потому что данная семема лексемы *закинуть* сочетается с одной единственной семемой лексемы *удочка* и наоборот» [14, 29].

Моносемантичность, исключительность и «единич-

ность» семантики тех или иных компонентов, разумеется, является необходимым фактором формирования устойчивого словосочетания. Но единичные, специфические семемы не возникают в словах случайно. Их «избирательные» связи с другими лексемами, тоже наполненными специфическим значением, происходят не беспричинно. Концепции М. М. Копыленко свойственна некоторая схематичность в объяснении «механизма» рождения фразеологической единицы. Он полагает, что контекст, т. е. тот или иной речевой отрезок (например, «В науках, что называется, *собаку съел*»), «образует взаимозависимость особых семем лексемы *собака* и лексемы *съесть*» [14, 30].

Однако трудно согласиться с тем, что именно контекст «приводит к тому, что мы воспринимаем две лексемы как монопольную единицу языка» [14, 30]. И выбор самих словоформ, и формирование именно в этих словоформах (а не в лексемах) специфических, исключительных значений определяются не контекстом, а внутренней формой того или иного свободного словосочетания, на почве которого, кстати, и происходит формирование той или иной фразеологической единицы.

Рождение фразеологической единицы — это не механическое складывание одной лексемы вместе с другой [лексема (семема) + лексема (семема)], как это выглядит в трактовке М. М. Копыленко. Рождение фразеологической единицы — это живой акт речи, когда реализуются те или иные номинативные или экспрессивные свойства, заложенные во внутренней форме, в семантическом стержне того или иного первоначально свободного словосочетания. По мере его употребления и повторяемости в нашей речи в компонентах данного словосочетания развиваются «несистемные», исключительные и единичные значения (или семемы), близкие к его общему значению (ср. *втирать очки* — «обманывать, заниматься ложью»; здесь и семема глагола *втирать* — «обманывать», и семема существительного *очки* — «ложь, обман» как бы сближаются друг с другом, «отсвечивают» отраженным значением целого словосочетания).

Очевидно, нужен какой-то определенный период времени, когда компоненты первоначально свободного словосочетания «ослабляют» и утрачивают свои прежние

значения (семемы) по мере его перехода в устойчивое. И только пройдя стадию «системной невесомости» в языке, они развивают в себе новые, «фразеологические» значения. Однако внутренняя форма словосочетания *втирать очки*, основанная на прямых значениях этих слов, не угасает бесследно (ср. «очки, которые кому-то втирают в глаза»), она участвует в формировании нового оценочно-эмоционального значения фразеологической единицы.

В основе фразеологизации свободных словосочетаний лежат процессы преобразования смысловой структуры их компонентов, вызывающие сужение их сочетаемости с другими словами в определенных словоформах.

§ 5. Типы фразеологических единиц в русском языке

В работах В. В. Виноградова, создавшего основы теории русской фразеологии, степень «семантической неразложимости» той или иной «словесной группы», приводящая к ослаблению или «даже утрате ею грамматической расчлененности», находится в центре внимания предложенной им классификации фразеологических единиц [9, 23].

Во фразеологической системе русского языка В. В. Виноградов выделяет фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Фразеологическое сращение, по определению В. В. Виноградова, «представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [9, 25]. Значение фразеологического сращения ни в какой степени не выводится из значений образующих его компонентов и даже не находит в них никакой мотивированности. Например, во фразеологическом сращении *собаку съел* — «мастер, знаток своего дела» — его значение никак не соотносится со значениями глагола *съесть* и существительного *собака*. То же самое можно сказать о немотивированном значении фразеологических сращений: *очертя голову* — «бездумно, напропалую»; *сломя голо-*

ву — «очень быстро». В этом отношении они похожи на слова, лишенные внутренней формы: *дом, пол, стол* (признак, легший в основу наименований данных предметов, нами не ощущается; он давно забыт, утрачен).

В отличие от фразеологического сращения, значение которого не мотивировано, фразеологическое единство обладает уже «потенциальной лексической делимостью», которая предполагает и некоторую «синтаксическую разложимость словосочетания» [9, 27]. Их обобщенно-образное значение является мотивированным, например: *держат камень за пазухой* — «затаить злобу против кого-либо, быть готовым отомстить».

Во фразеологических сочетаниях «значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой...* (при семантической недопустимости сочетаний: *обдать восхищением, обдать завистью* и т. п.)» [9, 28]. Значение фразеологического сочетания более аналитично, чем значение фразеологического единства.

Уточняя и развивая классификацию В. В. Виноградова, Н. М. Шанский предложил выделить еще одну группу фразеологических единиц, которую он назвал фразеологические выражения. В отличие от предшествующих разрядов фразеологических единиц, которые преимущественно включаются в состав того или иного предложения и выполняют в нем функцию его отдельных членов, фразеологические выражения могут выступать как самостоятельные предложения. Они и состоят в большинстве своем из предложений пословичного типа с яркой эмоциональной окраской и выразительностью: *любишь кататься — люби и саночки возить, гусь свинье не товарищ* и т. п.

По мнению Н. М. Шанского, «эти обороты не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [27, 39]. Н. М. Шанский считает, что от фразеологических сочетаний они именно тем и отличаются, что «в них нет слов с фразеологически связанным значением» [28, 201]. Лексический состав фразеологических выражений постоянен и не допускает каких-либо синонимических

замен, «которые возможны... в группе фразеологических сочетаний» [27, 39], например *беспросветная тьма* и *крошечная тьма*.

Однако в значительной части фразеологических выражений пословичного типа слова, из которых они состоят, получают несвободное значение, не то, с которым они употребляются в системе языка, вне данного оборота. Так, во фразеологическом выражении *волков бояться — в лес не ходить*, имеющем значение «кто боится трудностей, пусть не берется за работу», компонент *волк* приобретает значение «трудность», а компонент *лес* — «работа». Благодаря тому, что в компонентах данного фразеологического выражения возникают несвободные, несистемные значения, мы не можем совершать каких-либо синонимических замен. Нельзя сказать: «Леопардов бояться — в джунгли не ходить» или «Медведей бояться — в рощу не ходить». Эти предложения уже не будут устойчивыми воспроизводимыми единицами языка.

Некоторые фразеологические выражения полисемичны, многозначны. Одно из значений у них формируется на основе прямых, свободных значений слов-компонентов, а другое возникает в результате реализации вторичных, переносных значений. Фразеологическое выражение *тише едешь — дальше будешь* может быть понято в буквальном смысле, а может быть понято и в обобщенно-переносном: «Выполняя работу без излишней торопливости, достигнешь большего, чем в спешке и суетливости». Такие фразеологические выражения как бы совмещают в себе прямые и переносные значения.

Фразеологические выражения пословичного типа по характеру своего значения могут быть двоякого рода. Одни обладают целостным значением, которое складывается на основе прямых значений составляющих их компонентов: *голь на выдумки хитра* — «бедность и нужда заставляют быть изобретательными»; другие же формируют свое целостное значение либо на базе переносных, либо на основе фразеологически связанных, несвободных значений (ср. *мала птичка, да коготок во-стер* — «незначителен по положению, но внушает опасение» и *волков бояться — в лес не ходить* — «если бояться трудностей, то нечего приниматься за работу»). Как видим, характер фразеологического значения у этой

группы фразеологических выражений приближается к значению фразеологических единств.

Совершенно иным значением обладают составные терминологические наименования, о которых мы говорили в начале данной главы. Н. М. Шанский относит их к фразеологическим выражениям. Включение устойчивых номинативных словосочетаний в разряд фразеологических выражений вряд ли оправданно. Устойчивые словосочетания терминологического характера составляют особый номинативный слой фразеологических единиц, который вместе с экспрессивным слоем (фразеологические сращения, единства, сочетания и выражения) образует фразеологическую систему языка в целом.

Относя к фразеологическим выражениям устойчивые словосочетания типа *трудовые успехи, на данном этапе, социалистическое соревнование, высшее учебное заведение* на том основании, что «они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия» и «не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» [27, 84, 85], Н. М. Шанский нивелирует существенные отличия в характере фразеологического значения таких единиц, как, с одной стороны, *волков бояться — в лес не ходить* и, с другой стороны, *социалистическое соревнование*. Иносказательный, обобщенно-переносный характер значения первых как раз и формируется на основе фразеологически связанных «несистемных» значений, которые свойственны многим их компонентам. Но в отличие от фразеологических сочетаний они, как правило, являются единицами коммуникативного характера, представляют собой «замкнутые» структуры предложений пословичного типа.

Что же касается устойчивых словосочетаний типа *партийный билет*, которые выполняют в языке номинативную функцию и по своей структуре отнюдь не являются «застывшими схемами» предложений, то они образуют самостоятельный и большой в количественном отношении разряд во фразеологическом составе русского языка. В этом вопросе нельзя не прислушаться к замечанию В. В. Виноградова, который писал: «Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. Прямое, логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или

понятно создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составными терминами — научным или техническим — и таким же номенклатурным ярлыком, например названием какого-нибудь явления, предмета, — большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя, по закону функциональной семантики, на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения (ср. *железная дорога; грудная жаба* и т. п.)» [9, 27].

Между устойчивыми словосочетаниями номинативного и экспрессивного характера действительно нет и не может быть китайской стены. В результате своего употребления в разговорно-бытовом языке отдельные устойчивые номинативные словосочетания могут «развить» в себе обобщенно-переносный характер фразеологического значения, а отдельные их компоненты могут приобрести индивидуальные, специфические семемы, в результате чего создаются предпосылки для перехода данного номинативного словосочетания в ту или иную экспрессивную фразеологическую единицу (ср. *Адамово яблоко, Анютины глазки, кесарево сечение*).

Принципиально важного, категориального различия между номинативными и экспрессивными фразеологическими единицами не может быть уже хотя бы потому, что природа, «механизм» образования всех устойчивых сочетаний слов одинаковы. Последние возникают в результате появления индивидуальных, специфических значений в словоформах того или иного первоначально свободного словосочетания. Моносемантизация лексем и последующее объединение моносемантизированных словоформ этих лексем в том или ином словосочетании — таков процесс образования всех устойчивых словосочетаний (ср. *тормозные башмаки* и *наострить лыжи*).

Попытка объяснить «связанность» структуры тех или иных фразеологических единиц, детерминированный характер их компонентов благодаря наличию в составе данных словосочетаний лексических архаизмов не меняет существа дела, не «опровергает» основной причи-

ны появления устойчивого словосочетания из первоначально свободного, «переменного» сочетания слов.

По мнению Д. Н. Шмелева, словосочетание, в котором используется то или иное устаревшее слово, является синтагматически связанным. «Целый ряд словосочетаний характеризуется тем, — пишет он, — что связь между их компонентами является детерминированной: один из компонентов словосочетания невозможен вне определенного лексического окружения. Таковы, например, слова *проселочный* (*проселочная дорога*), *торный* (*торная дорога, торный путь*), *окладистый* (*окладистая борода*) ... *закадычный* (*закадычный друг*), *заклятый* (*заклятый враг*), *смежить* (*смежить глаза, смежить очи*)... и т. п.» [31, 265].

Наличие лексических и иных архаизмов, укрепляющих структурную связанность того или иного устойчивого словосочетания, не объясняет причины его возникновения. Оно свидетельствует прежде всего о том, что данное словосочетание сложилось как устойчивое давно, что компоненты его успели уже «устареть» и «отстать» от ушедшей «вперед» лексической системы языка в процессе его непрерывного развития. То же самое можно сказать и о грамматических архаизмах. «Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. *пуститься во вся тяжкая* и т. п.» [9, 25].

Само же по себе возникновение фразеологических единиц, содержащих лексические и иные архаизмы, происходило в свое время точно так же, как и сейчас, а именно в результате тех или иных преобразований в семантике слов, из которых они состоят, и под сильным воздействием внутренней формы первоначально свободных «базовых» словосочетаний, на основе которых они образовались.

Глава 3

Условия сохранения в языке элементов старого качества и их особая роль в структуре фразеологизмов

§ 1. Определение грамматических, фонетических и лексических архаизмов. Понятие об историзмах

Непрерывность развития языка заключается прежде всего в том, что его система все время находится в процессе совершенствования. В этом смысле динамизм любого живого языка составляет его неотъемлемое, абсолютное, «постоянное» свойство, которое, однако, ограничено пределами возможных изменений, регулируемых коммуникативной функцией языка.

Что же касается статичности языковой системы, то это свойство весьма относительно, а главное, тоже ограничено временными рамками. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал по этому поводу: «Нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений» [3, 349; Выделено нами.—Р. П.]

В самом деле, в падежной системе современного русского языка форма винительного падежа от местоимения *сама* — *саму* может быть рассмотрена как отклонение, новое по времени своего возникновения, от «строгой» и старой нормы *самое*. Однако форма *саму* выравнивается по широкому ряду форм слов винительного падежа женского рода — *эту, одну, всю*, в то время как форма *самое* стоит особняком, будучи поддержана только одной формой — *ее*, а потому все более начинает осознаться как устаревшая.

Определение одних явлений в системе языка как устойчивых, а других как подвижных предполагает рассмотрение их в определенных исторических границах.

Устойчивость системы языка во времени, по словам Э. Косериу, является следствием ее историчности... и

таким образом, язык, рассматриваемый в два последовательных момента его истории, не является «ни совершенно другим, ни в точности тем же самым» [36, 343].

Обнаружение лексических и грамматических архаизмов в современной системе языка возможно лишь при его рассмотрении в широкой перспективе.

Говоря о сохранении в структуре фразеологических единиц элементов старого качества, разумеется, необходимо иметь в виду, что система языка развивается неравномерно. Одни языковые явления претерпевают определенное развитие, в то время как другие остаются без изменений (ср., например, утрату в русском языке категории супина при сохранении категории инфинитива). Темпы развития той или иной категории или формы могут быть различными, что можно обнаружить при сравнении системы литературного языка и говоров (ср., например, сохранение литературным языком глаголов непродуктивных классов типа *машет* при переходе этих глаголов в продуктивные классы в некоторых говорах).

Несмотря на то, что в научной и учебной литературе термины архаизм и неологизм используются уже на протяжении длительного времени, тем не менее мы не имеем четких критериев, на основе которых то или иное явление можно было бы охарактеризовать как архаичное или, напротив, как новое.

Оставляя в стороне вопрос о неологизмах, охарактеризуем сущность понятия о языковых архаизмах.

Прежде всего нам представляется архаичным такое явление в языке, которое выпадает из системных связей и отношений на том или ином уровне его современной системы, а именно: на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Вторая особенность этого явления заключается в его необратимости и неповторяемости в процессе языкового развития.

Характерной особенностью грамматического архаизма «является его изолированность в общей системе грамматических форм, типичных для данного языка, и вместе с тем пережиточность самого конструктивного образца, объясняемого как остаток некогда распространенного грамматического типа» [55, 234; Выделено нами. — Р. П.]

Иллюстрацией таких грамматических архаизмов как раз и может служить большинство фразеологических

единиц с архаичными элементами в своей структуре, так как для последних характерным является процесс «окостенения», отрыва данных форм слов от других, потери соотнесенности с ними в свободных словосочетаниях (ср. *воздушные облак-а, ... облак-ов, ... облак-ам, ... облак-а, ...облак-ами, ...облак-ах*, но *темная вода во облац-ех воздушных*, где форма *во облац-ех* выпадает из современной парадигмы падежного словоизменения).

Грамматические архаизмы, как правило, необратимы, не могут оказаться возрожденными вновь в ходе дальнейшего поступательного развития языка. Как отмечает Б. А. Серебренников, «наиболее надежным признаком архаичности языкового явления может служить его необратимость или неповторяемость в истории развития языков» [46, 42]. В процессе развития грамматической системы русского языка (в частности, в процессе совершенствования системы глагольных форм прошедшего времени) оказались окончательно и бесповоротно утраченными такие, например, формы глагольного спряжения, как аорист или имперфект. «Осколки» их парадигм, преимущественно некоторые формы 3-го лица, удержались лишь в застывших устойчивых словосочетаниях: *прильп-е язык к гортани, погибо-ша аки обри(-ы), ничтоже сумня-ше-ся* и др.

Одним из определяющих показателей лексического архаизма также является утрата связей данной лексемы с однокоренными производными словами активного запаса словарного состава языка и ее вытеснение синонимичными лексемами. Так, например, слово *перст*, вытесненное синонимичным ему словом активного словарного запаса *палец*, уже не ассоциируется со словом *наперсток*, которое продолжает свое существование в современной лексической системе. Лексема *перст* сохраняется лишь во фразеологизмах *перст указующий* и *вложить персты в язвы*.

Что касается историзмов, удержанных некоторыми фразеологическими единицами русского языка, то их сущность заключается в том, что они выпадают из лексической системы языка по мере того, как исчезают сами предметы материальной культуры народа, понятия о которых они содержат (например, историзмы *турусы* и *сокол*, сохранившиеся во фразеологизмах *турусы на колесах* и *гол как сокол*).

Естественно, понятия о лексических и грамматических архаизмах возникают при синхронном рассмотрении языковых явлений, однако синхронное описание языка не может быть его голой схемой, оно не может обойтись без характеристики отмирающих и рождающихся элементов его системы.

§ 2. *Использование фразеологических единиц для изучения истории языка*

Привлечение данных фразеологии современного литературного языка для воссоздания предшествующих периодов его развития вызывает особый порядок расположения в книге фразеологического материала, обуславливает такую его группировку, которая находится в зависимости от разных сторон восстанавливаемой древнерусской и среднерусской языковой системы. Мы имеем в виду ее фонетический, лексический, морфологический и синтаксический уровни.

Вначале рассматриваются фразеологизмы с лексикофонетическими, семантическими и словообразовательными архаизмами и историзмами, воссоздающими прежний словарный состав языка, а затем — фразеологизмы с грамматическими архаизмами, восстанавливающими прежнюю морфологическую систему и синтаксический строй языка.

Определяя задачи изучения фразеологического состава русского языка, В. В. Виноградов писал: «Грамматический анализ фразеологических единиц должен... обнаружить продукты давних эпох в современном языке, наглядно продемонстрировать разнообразные способы включения замкнувшихся или застывших словосочетаний в структуре предложения в качестве его отдельных членов, способствовать осознанию разнообразных процессов образования идиоматических предложений» [11, 62; Выделено нами.—Р. П.].

Многочисленные фразеологические единицы, вошедшие в современный русский литературный язык и сохранившие в своем компонентном составе лексические и грамматические архаизмы, являются живыми свидетелями его исторического прошлого. Вместе с тем они свидетельствуют и о том, что развитие языка происходит путем постепенного накопления элементов нового и отмирания старого качества. В языке постепенно фор-

мируются устойчивые новые комплексы слов, целостное значение которых не адекватно их слагаемым (ср. *бить баклуши* — «бездельничать» и *бить* — «разбивать, ударять», *баклуши* — «деревянные чурки»). Остатки прежней грамматической или лексической системы языка могут длительное время удерживаться в составе устойчивых соединений слов, которые, как правило, надолго переживают эпоху своего образования.

Особый характер фразеологических единиц, способных «конденсировать» в своей структуре архаизмы разных уровней языковой системы, создает возможность использования этих единиц для метода внутренней реконструкции языка. Причем данные фразеологии в этом отношении «приобретают большее познавательное значение, чем выводы, сделанные с помощью статистики, ареальной лингвистики или лингвистической палеонтологии, так как эти выводы носят вероятностный характер» [37, 401].

Количество грамматических архаизмов в структуре современных фразеологических единиц сказывается столь большим, что позволяет восстановить почти всю систему именного склонения и глагольного спряжения, а также некоторые особенности древнерусского синтаксиса.

Более шестисот фразеологических единиц удерживают в своей структуре как собственно лексические архаизмы и историзмы, так и лексико-семантические, лексико-словообразовательные и лексико-фонетические архаизмы, и более трехсот — морфологические и синтаксические.

Опираясь на данные современного фразеологического состава русского языка, мы попытались применить метод внутренней реконструкции не к доисторическому языковому состоянию, а к определенному историческому периоду в его развитии, а именно к воссозданию его древнерусской и отчасти среднерусской системы. Такое ограничение временных границ, во-первых, вызвано необходимостью проверки впервые осуществляемой реконструкции языка на основе данных фразеологии другими данными, уже известными науке о языке, например памятниками письменности, а во-вторых, возможностью проследить, что может «отложиться» в системе языка «хотя бы в виде реликтов» на протяжении примерно одного тысячелетия.

В данной книге фразеологический состав рассматривается как один из надежных резервуаров, в котором происходит консервация элементов старого качества языка. Если основной словарный фонд языка, по наблюдениям некоторых языковедов [44, 33] над английским, испанским и другими языками, в течение тысячелетия сохраняется на 85%, то следует сказать, что коэффициент сохраняемости элементов предшествующих систем языка в его современном фразеологическом составе тоже очень высок. И что особенно важно, в нем фиксируются не только лексические и отчасти фонетические, но и архаичные грамматические элементы, позволяющие реконструировать прежнюю грамматическую систему.

§ 3. Лексемный характер компонентов фразеологических единиц как необходимое условие для появления архаизмов в их структуре

Наличие архаичных форм в компонентном составе фразеологических единиц становится возможным потому, что их компоненты сохраняют свой лексемный характер, воспринимаются как вполне определенные словоформы.

Косвенным доказательством этого являются наблюдающиеся в речевой практике случаи «выравнивания» отдельных архаичных форм, приведения их в соответствие с современной грамматической системой (например, *избави боже* и *избави бог*), т. е. осознания компонентов фразеологизма именно как словоформ.

О лексемном характере компонентов фразеологических единиц свидетельствуют также и те изменения в их структуре, которые могут иметь как общенародный, так и индивидуально-речевой характер, а именно: расширение их компонентного состава атрибутивными словами к одному из компонентов (*без всякого зазрения совести*), замена одних лексем синонимичными им другими (*гроша медного /ломаного/ не стоит; сильные /великие/ мира сего*), изменение словообразовательных и формообразовательных элементов в морфологическом составе отдельных компонентов (*судить и рядить* и *посудить да порядить; бряцать оружием* и *бряцание оружием*), усиление межсловных связей компонентов фразеологической единицы с ее «окружением» («В Канда-

мах у меня не было ни кола, ни двора и ни одной знакомой души» — Скиталец. Кандалы), инверсионное и дистантное употребление компонентов (*власти предержащие* и *предержащие власти; бить баклуши* и *баклуши бить*), вариативность «сопроводителей» фразеологических единиц (*кричат во всю Ивановскую* и *любить во всю Ивановскую; кричит как оглашенный* и *вертится как оглашенный*), выпадение отдельных компонентов (*возвращается [ветер] на круги своя*).

Приведенные изменения в компонентном составе нельзя объяснить ничем иным, как восприятием в сознании говорящего и слушающего компонентов фразеологизма как единиц лексемного характера.

Что касается фразеологических единиц, сочетаний и выражений, то лексемный (и даже словесный) характер их компонентов как будто никем не отрицается. Иное дело фразеологические сращения. Компоненты этих фразеологических образований большинством ученых не признаются словами. Так, например, Шарль Балли считает, что во фразеологическом сращении (эти единицы он называл фразеологическими единствами. — Р. П.) составляющие его слова утратили всякое самостоятельное значение. Этим значением, по его мнению, обладает только все сочетание в целом, причем значение это новое, не равное сумме значений его составных частей. Такую лексическую единицу, пишет Ш. Балли, можно сравнить с химическим соединением.

В. В. Виноградов определяет фразеологическое сращение как «семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы» [33, 348]. Он пишет: «Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [33, 348].

Специфичность фразеологических сращений, занимающих высшую ступень на иерархической лестнице структурно-семантических разрядов фразеологических единиц (по сравнению с фразеологическими единствами, сочетаниями и выражениями), не вызывает сомнений.

Однако не следует забывать, что строительным материалом фразеологического сращения являются сочетания лексем в определенных словоформах, которые вос-

принимаются как составные части фразеологизма и вместе с тем как единицы лексической системы языка. Например, интегрантами фразеологического сращения *как пить дать* — «непременно, обязательно» — являются союз *как* и глаголы в неопределенной форме *пить* и *дать*, расположенные в строгом порядке и связанные отношениями детерминации на семантическом уровне. Несмотря на семантические преобразования в структуре данного фразеологизма (и подобных) полностью сохраняется грамматическая характеристика составляющих его компонентов (принадлежность словоформ к определенным частям речи в определенных грамматических категориях).

Природа фразеологической единицы, как нельзя более явственно, обнаруживает асимметричный дуализм лингвистического знака, где «обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак» [35, 90], т. е. его собственные обозначающие. Например, во фразеологическом сращении *бить баклуши* понятие «бездельничать» внешне никак не связано со значениями глагола *бить* и архаичного существительного *баклуши*. И все же, несмотря на тенденцию к слиянию означаемых отдельных словесных знаков в один новый сложный, но нечленимый языковой знак фразеологической единицы, структурная организация ее означающих остается членимой, так как компоненты фразеологической единицы сохраняют свою раздельнооформленность и осознаются, таким образом, как вполне определенные лексические единицы, относящиеся к разным частям речи.

Если применительно к «низшим» разрядам фразеологических единиц (по степени сложности их структурно-семантической организации), а именно фразеологическим сочетаниям и выражениям, можно говорить о словесном характере их компонентов, где почти не нарушается единство семем и лексем, то уже применительно к «вышним» разрядам фразеологизмов, а именно фразеологическим единствам и сращениям, правильнее говорить о лексемном характере их компонентов, так как здесь разрушается единство семемы и лексемы в каждом из них.

В компонентном составе фразеологических сращений происходит более полная интеграция семем, благодаря чему значение их становится нераз-

ложимым и немотивированным (например, *прильпе язык к гортани* — «сильно испугаться чего-либо», «замолчать от неожиданности»), и несколько менее полное слияние семем наблюдается во фразеологических единствах, но тоже затрагивающее все компоненты, благодаря чему значение этих единиц становится неразложимым, но мотивированным (например, *положа руку на сердце* — «совершенно откровенно, чистосердечно»).

Во фразеологических сочетаниях (*закадычный друг* — «близкий, неразлучный друг») и фразеологических выражениях (*нашего полку прибыло* — о появлении в каком-либо обществе человека таких же взглядов, убеждений и т. п.) семантической трансформации могут подвергаться лишь некоторые компоненты (см. *закадычный* в первом случае и *полку* во втором), хотя те и другие обладают цельностью и неразложимостью своих «общих» значений.

Для компонентов многих фразеологических единиц (особенно «высших» разрядов: сращений и единств) та или иная форма их употребления является единственно возможной. Компоненты таких единиц, употребленные в определенных словоформах, состоят из слов, либо полностью, либо частично утративших способность к словоизменению в структуре фразеологизма. Так, например, во фразеологическом сращении *притча во языцех* второй компонент может быть употреблен только в архаичной словоформе местного падежа множественного числа. При употреблении его в других словоформах структура фразеологизма разрушается. Во фразеологическом сращении *ни синь(-я) пороху(-а)* — «совсем, совершенно ничего» и первый и второй компоненты могут быть употреблены только в указанных двух вариантных формах одного и того же падежа. Во фразеологическом единстве *среди бела дня* — «на глазах у всех» краткое прилагательное в форме родительного падежа единственного числа употреблено в роли определения к существительному при невозможности подобного рода использования его в свободных словосочетаниях.

В ограничении способностей к словоизменению у компонентов фразеологических единиц можно усматривать одну из черт «специфического употребления слов» во фразеологических структурах языка [47, 203].

Естественно, в компонентах фразеологических единиц ограничения существуют как для форм словоизменения, так и для реализации значений слова. Эти ограничения проявляются не только в «связанности» значений у компонентов фразеологической единицы, но и в их ослаблении и поглощенности общим значением данной единицы, — с одной стороны, а с другой — в развитии новых, «внесистемных» значений у компонентов на месте прежних значений, которые «тускнеют» и утрачиваются.

Таким образом, если даже рассматривать лексику как определенное единство лексического и грамматического и считать ее не только «совокупностью всех словоизменяемых форм слова», но и «совокупностью всех его значений», то и в этом случае лексический характер компонентов фразеологических срощений ничуть не остается сколько-нибудь поколебленным, каким бы семантическим преобразованием не подвергались слова в структуре данных единиц.

Компоненты фразеологических срощений не являются «звуковыми пустышками», они являются структурными элементами нового значения данных единиц.

Важно отметить, что «внесистемные», сугубо «фразеологические» новые значения могут получить развитие как в компонентах, состоящих из слов активной лексики современного языка, так и в компонентах, содержащих архаичные элементы.

В результате вычленения отдельных слов с «внесистемными» значениями, развившимися у них в структуре фразеологических единиц, содержащих грамматические и лексические архаизмы, словарь современного литературного русского языка пополнился такими новыми словами: *сыр-бор* — «перебранка, неразбериха»; *турусы* — «вздор, нелепость, небылицы»; *балясы (лясы)* — «пустые разговоры»; *столпотворение* — «суматоха, неразбериха» и др. (ср. соответствующие фразеологические срощения *откуда сыр бор загорелся* — «по какой причине началось что-либо, происходит что-либо», *турусы на колесах* — «бессмыслица, вранье», *точить балясы (лясы)* — «заниматься болтовней, пустословить», *вавилонское столпотворение* — «полная неразбериха, путаница» или «шум, гам, суматоха»).

Образование новых слов на почве фразеологических

единиц путем вычленения из их состава отдельных компонентов было бы невозможным, если бы эти компоненты не содержали никакого смыслового значения. Несмотря на интеграцию означаемых, компоненты фразеологических сращений сохраняют свой лексемный характер, проявляющийся не только в их формально-грамматической характеристике, но и в наполнении их новым значением.

Кроме того, компоненты фразеологических единиц могут вступать в омонимические, антонимические и синонимические отношения как со словами свободного употребления, так и с компонентами других фразеологизмов (ср. свободное словосочетание *намылить голову* — «натереть голову мылом» и фразеологизм *намылить голову* — «отругать, сильно бранить кого-либо» — омонимические отношения компонентов; *засуча рукава* — «с большой охотой, энергично» и *спустя рукава* — «небрежно, кое-как» — антонимические отношения между компонентами двух фразеологизмов; *ни кола, ни двора* и *ни кола, ни угла* — «совсем ничего, никакого жилья» — синонимические отношения между компонентами двух фразеологизмов).

Лексемный характер компонентов фразеологических сращений и единств заключается и в их грамматической раздельнооформленности, и в определенной семантической наполненности. Он поддерживается также межсловными связями этих компонентов с лексической системой языка. Так, например, компоненты фразеологического сращения *ни кола, ни двора*¹ соотносятся с омонимичными им в лексической системе языка словами *кол* — «толстая, прямая палка с заостренным концом» и *двор* — «пространство земли при доме, огороженное забором или стенами зданий», а через их посредство и с системой современного морфологического словообразования и словоизменения (ср. *двор* — *дворовый*, *двор* — *дворик*; а также *двор*, *двора*, *двору*... *дворы*, *дворов*, *дворам* и т. д.).

Наблюдающееся варьирование компонентного состава данного фразеологизма осуществляется на основе синонимических связей его компонента *двор* с

¹ В структуре этого фразеологизма содержатся лексико-семантические архаизмы, а именно устаревшие значения слов *кол* — «надел, участок земли возле дома» и *двор* — «изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками».

устаревшим значением — «изба, крестьянский дом» со словом *угол* — «часть жилого помещения, сдаваемая в наем», употребляющимся в свободных сочетаниях слов русского языка. Ср. употребление *ни кола, ни двора* и *ни кола, ни угла*: «— У нас с тобой, Артем, *ни кола, ни двора*, горб да рука, как говорится, вековая пролетария» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «— Ты подумай, как мне жениться... *Ни кола, ни угла!*» (В. Панаева. В старой Москве).

Лексемный характер компонентов фразеологических единиц обусловлен в целом их принадлежностью к системе языка, что проявляется не только в наличии у них межсловных связей (омонимия, синонимия, антонимия), но и в их принадлежности к определенной части речи. Не следует забывать, что компоненты фразеологических единиц воспринимаются людьми, являющимися носителями того или иного языка, на «фоне» языковой системы со всеми ее уровнями, от которых к ним исходят определенные «токи» и со стороны которых они испытывают определенное воздействие.

Раздельнооформленность компонентов фразеологических единиц, даже при известной трансформации в их семантике, позволяет рассматривать их как определенные словоформы. Содержащиеся в их структуре архаичные грамматические формы воспринимаются поэтому именно как формы слов, чего нельзя сказать о грамматических архаизмах в составе слов, подвергшихся адвербиализации, грамматикализации и интеръективации, где они осознаются лишь в этимологическом плане.

Подобно тому как для образования слов единым субстратом языка являются единицы низшего урона, а именно морфемы (например, прилагательное *о-стр-ов-н-о-й*), так и для образования фразеологизмов используются слова в определенных словоформах (например, фразеологическое сращение *очертя голову* — «безрассудно, не думая о последствиях» образовано сочетанием двух словоформ). В этом и проявляется специфика языка как звуковой системы особого рода, «набор единиц» которой сложен и двупланов.

Появление грамматических, лексических и других архаизмов было бы невозможно, если компоненты всех разрядов фразеологических единиц не имели бы лексемного характера.

В поддержку изложенных нами соображений приведем высказывание Д. Н. Шмелева о словесных свойствах компонентов фразеологизмов: «...сколько бы ни была затемнена мотивированность фразеологизма... она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился в полностью «внесловное» образование. В общем-то ведь дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с «обычными» словами. Ведь даже *ни зги, ни бельмеса, с панталыку* (в фразеологизмах *не видеть ни зги (ни бельмеса), сбиться с панталыку*. — Р. П.) отвечивают для нас отраженным значением формы слов» [53, 26].

§ 4. Роль архаизмов в материальной структуре фразеологических единиц

Наблюдения над фразеологическими единицами с грамматическими и лексическими аномалиями в своем компонентном составе открывают новые возможности для выяснения некоторых общетеоретических положений фразеологии как особой лингвистической дисциплины.

Мы имеем в виду, во-первых, особую сигнификативную (т. е. различительную) функцию грамматических и лексических архаизмов, которые помогают обособиться и отграничиться устойчивым сочетаниям слов от свободных в современной системе литературного языка, и, во-вторых, особую конструирующую функцию архаизмов в образовании фразеологических единиц и в оформлении внутрискруктурных отношений между их компонентами.

Указанные функции лексических и грамматических архаизмов проявляются во всех группах фразеологических единиц русского языка, различающихся между собой по степени семантической элитности и содержащих архаичные элементы в своей структуре.

Эти архаизмы в большей мере свойственны фразеологическим сращениям, обладающим неразложимым и немотивированным значением, и фразеологическим единствам, обладающим неразложимым, но мотивированным значением. В меньшей мере архаичные элементы встречаются в компонентном со-

ставе фразеологических сочетаний и выражений, значения которых характеризуются разложимостью и мотивированностью, хотя и сохраняют определенную целостность и стабильность.

Если в историческом плане представить большинство фразеологических сращений как соединения слов из активной для своего времени лексики, то неизбежно восстановится мотивировка их целостных и неразложимых значений.

Мы будем вынуждены переосмыслить их и отнести к фразеологическим единствам. Так, если во фразеологизмах *не на живот, а на смерть* — а) «беспощадно, до конца», б) «очень сильно», *не щадя живота своего* — «стойко, мужественно, самоотверженно» устранить лексико-семантический архаизм (*живот* — «жизнь»), заменив его словом из активной современной лексики, то сразу же возникает мотивировка ранее неразложимых значений, свойственных данным фразеологическим единицам.

Фразеологические единицы *не щадя своей жизни, не на жизнь, а на смерть* с обновленными компонентами и яркой мотивировкой заложенного в них образного значения будут осознаваться уже не как фразеологические сращения, а как фразеологические единства.

Современному литературному языку известно, кстати, параллельное употребление и фразеологического сращения *не на живот, а на смерть* и фразеологического единства *не на жизнь, а на смерть*. «— Ибо им [чиновникам] казалось, что генерал уже «вылупил глазищи» и хочет изругать *не на живот, а на смерть*» (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы); «— Я пытался в «Железном потоке» очертить синтез борьбы жесточайшей, борьбы небывалой, *не на жизнь, а на смерть*» (Серафимович. Из истории «Железного потока»).

Для большинства фразеологических сращений, длительное время (иногда несколько столетий) живущих в языке и завершающих процесс фразеологизации различных словосочетаний, накопление в их структуре историзмов, лексических и грамматических архаизмов становится неизбежной закономерностью и может служить одним из признаков, отличающих их как от других разрядов фразеологизмов, так и от свободных словосочетаний.

Элементы старого качества языка могут оказаться и в структуре фразеологических единств. Они содействуют устойчивости последних и помогают совершиться отрыву, «изоляции» фразеологических единств от омонимичных им свободных словосочетаний, на почве которых они рождаются (ср., например, *во время оно* и *во времена*).

Возникновение в структуре того или иного словосочетания лексического или грамматического архаизма как бы помогает ему подняться на ступеньку выше по иерархической лестнице на пути от свободных словосочетаний к идиоматическим.

Архаичные формы слов, именно как формы, а также другие устаревшие элементы языковой системы обнаруживаются в качестве таковых лишь в компонентном составе фразеологических единиц, поскольку именные и глагольные словоформы здесь сохраняют свою принадлежность к тем лексемам, к которым они прежде относились в свободных словосочетаниях.

Иными словами, словоформы в компонентном составе фразеологических единиц не «осложнены» явлениями перехода из одной части речи в другую, а потому сохраняют свою морфологическую структуру в прежнем виде на протяжении длительного времени, несмотря на то, что они «выпадают» из изменившейся парадигматики словоизменения и изолируются от современной языковой системы. Те случаи, когда процессу перехода частей речи подвергаются отдельные словоформы, находящиеся в компонентном составе фразеологических единиц (например, *воочию*, *замуж*, *втридорога*), представляются, скорее, исключением, чем правилом, так как встречаются очень редко.

После высказанных нами замечаний общего характера о природе фразеологических единиц и условиях сохранения в их структуре архаичных элементов переходим к конкретному рассмотрению фразеологизмов современного русского языка, содержащих в своем компонентном составе устаревшие значения и архаичные формы многих слов.

Глава 4

Фразеологические единицы с лексическими архаизмами

При рассмотрении лексических архаизмов, сохранившихся во фразеологических единицах современного литературного русского языка, необходимо иметь в виду чрезвычайно большую емкость термина лексические архаизмы. К последним обычно относят слова, почти совершенно вышедшие из употребления и не имеющие синонимов (*турусы, сокол*), и слова, вытесненные либо разнокорневыми, либо однокорневыми, но в том и другом случае синонимичными им словами (ср. *чело — лоб, пастырь — пастух*).

К лексическим архаизмам относятся и такие слова, которые продолжают бытовать в словарном составе языка, но имеют помимо основных еще и устаревшие значения (ср. *брань* — «ругань» и *брань* — «битва», «сражение»), а также — слова, которые заменены теперь словами того же корня, но с некоторым изменением своего звукового облика (ср. *юдоль — доля*).

Некоторые языковеды слова типа *кольчуга, турусы, пицаль* называют историзмами¹, противопоставляя их лексическим архаизмам, так как они являются единственными выразителями исчезнувших явлений действительности и потому не могут иметь каких-либо синонимов в словарном составе языка [4, 62; 26, 23].

Помимо отграничения историзмов от лексических архаизмов, среди последних необходимо выделить несколько разновидностей: собственно лексические архаизмы типа *перст* — «палец», *чело* — «лоб»; лексико-словообразовательные — *недреманный* (ср. *недремлющий*); лексико-семантические — *глагол* — «речь» (ср. *глагол* — «часть речи, обозначающая действие предмета»); лексико-фонетические: *пóлымя* (ср. *плáмя*).

¹ Впервые этот термин предложен Н. М. Шанским в его статье «Устаревшие слова в русском языке» («Русский язык в школе», 1954, № 3). В «Очерках по введению в языкознание» Р. А. Будагова (М., 1953, с. 62) и в книге П. Я. Черных «Очерк русской исторической лексикологии» (МГУ, 1956, с. 29) слова типа *турусы* — «башни для осады крепостных стен» — называются историческими словами.

Во фразеологических единицах современного русского языка больше всего сохранилось собственно лексических архаизмов и в меньшей степени — лексико-словообразовательных, лексико-семантических и лексико-фонетических.

По мере архаизации значений слов, а также сужения области их употребления утрачиваются связи с другими словами и увеличивается их изоляция в лексической системе языка.

Во фразеологических единицах современного русского литературного языка удерживаются архаичные существительные как древнерусского (восточнославянского), так и старославянского происхождения.

§ 1. Фразеологические единицы с архаичными существительными древнерусского и старославянского происхождения, связанные с понятиями о человеческом организме

Во многих фразеологических единицах русского языка сохранились прежние наименования человеческого организма и частей тела. Достаточно перечислить, например, такие широко употребительные в современном языке фразеологизмы, как *плоть от плоти, во плоти и крови, бить челом, как зеницу ока* (хранить, ...), *око за око, смежить очи, сомкнуть вежды, с головы до пят, идти по пятам, быть под пятой, ползти на карачках, припадать к стопам, направить свои стопы, идти по стопам* (кого-нибудь), *с какой стати, на лоне природы, перст божий, перст указующий, один как перст, вложить персты в язвы*.

Устаревшие древнерусские слова *плоть* — «тело», *стать* — «телосложение», «фигура», *чело* — «лоб», *око* — «глаз», *пята* — «пятка», *стопа* — «нога», «шаг», *лоно* — «грудь, чрево»¹, *карачки* (от *корокъ* — «голень») и старославянские — *перст* (палец), *зеница* (зрачок), *вежды* (веки) в свободных словосочетаниях теперь уже не употребляются, кроме редких случаев, обусловленных сти-

¹ См.: Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т. М. — Л., 1951—1966; т. 6, с. 352. В дальнейшем этот словарь мы будем именовать сокращенно «Словарь АН СССР». Слова *лоно, чело, плоть, стать, пята, стопа, око* восходят к общеславянскому языку.

листическими особенностями языка художественных произведений (см., например, в «Демоне» М. Ю. Лермонтова: «...и на *челе* его высоком не отразилось ничего», в романе А. Фадеева «Молодая гвардия»: «А у Ули глаза были большие, темно-карие, — не глаза, а *очи*...»).

В свободных словосочетаниях указанные выше слова мы наблюдаем в памятниках древнерусской письменности¹. Причем некоторые из них уже там встречаются, наряду со свободным словоупотреблением, в составе терминологических и фразеологических словосочетаний как исконно русского, так и церковнославянского происхождения.

«*Чело* же, на широкъ образъ расходяся, ужаслива человека знаменаетъ» («Книга бытειαкая, рекома палея», Александро-Невской лавры, по сп. XIV в.); «Внутренне же *око* все водно, им же видимъ, зеницею же то зовуть» (Там же); «Езжил къ великому князю на Москву о том же *челомъ* битъ своему государю» (Псковская первая летопись, по сп. XV в.); «А кто на кого *челомъ* бьетъ, дворяне и подвоиские позовуть к соуду» (Уставная грамота князя Василия Дмитриевича, 1397 г.); «Съхрани его *яко зеницю ока*» (Второзаконие, XXXVI, 10; по сп. XV в.); «Переломъ за переломъ, *око за око*, зуб за зуб...» (Там же, XIX, 27); «В *веждахъ* ея познана *будеть*» (Изборникъ Святославовъ, 1073 г.); «На *лоне* бузумьныхъ почиваетъ» (Пандектъ Антиоха, по сп. XI в.); «Братью свою не пьваите, *яко вьсь братъ пятою* запинаетъ» (Изборникъ Святославовъ, 1073 г.); «Кони же их на *корачни* падоша» (Повесть о Дмитрии Донском, по сп. XIV в.); «На томъ пригвоздимъ плесне и *стопы*» (Житие Феодосия Печерского, по сп. VI в.); «Да от бога исправяться *стопы* его» (Пандектъ Антиоха, по сп. XI в.); «Способи мя, *яко единаго* от техъ святыхъ и даруй ми *по стопамъ* их *ходити*» (Чтение о жизни Бориса и Глеба, по сп. XIV в.).

Фразеологические единицы, содержащиеся в своем составе архаичные существительные указанной выше семантической группы, неоднородны как по степени своего употребления в языке, так и по стилистической

¹ Мы не указываем на жанрово-стилистическое различие этих памятников письменности в целях экономии места и приводим «вместе» иллюстрации из разных источников.

принадлежности. Если, например, фразеологические сращения *под стать* — «вполне подходящий, достойный», *с какой стати* — «зачем, почему» являются межстилевыми, а фразеологические сращения и сочетания *с головы до пят* — «целиком и полностью», «во всем», *ползти (стоять) на карачках* — «на обеих руках и ногах», *идти (следовать) по пятам* — «неотступно преследовать», *быть (находиться) под пятой* — «под властью, под гнетом» (кого-либо) принадлежат к разговорно-бытовому стилю, то фразеологические сращения (*хранить, беречь...*) как *зеницу ока* — «бдительно, заботливо, тщательно», *плоть от плоти* — о кровном или идейном родстве (кого с кем-либо), *во плоти и крови* — «настоящий, реальный», *око за око* — «возмездие за обиду», *бить челом* — «почтительно приветствовать и благодарить», «почтительно просить», «жаловаться на кого-либо», фразеологические единства *на лоне природы* — «вне города, в поле, в лесу и т. п.», *направить свои стопы* — «отправиться куда-либо», *один как перст* — «в полном одиночестве», *вложить персты в язвы* — «коснуться больного, легко уязвимого места» и, наконец, фразеологические сочетания *перст божий (провидения)* — «указание, предопределение судьбы», *сомкнуть вежды, смежить очи*, синонимичные словосочетанию *закрывать глаза, идти (следовать) по стопам* (кого-либо или чьим-либо) — «следовать за кем-либо в чем-то, беря с него пример», *падать (припадать) к стопам* (кого-либо) — «умолять, просить кого-либо о чем-либо», *повергать к стопам* (кого-либо) — «полностью подчинять чьей-либо воле», «преподносить что-либо, выражая свою покорность»¹ относятся к книжному стилю и отличаются от межстилевых и разговорно-бытовых не только сферой своего употребления, но и «специфической «повышенной» экспрессивно-стилистической окраской...» (книжности, торжественности, патетичности, поэтичности и т. д.) [28, 251].

Приведем примеры употребления фразеологических единиц разговорно-бытового и межстилевого характера в языке художественной литературы XIX—XX вв. Если фразеологизмам *с какой стати, под стать* действительно

¹ См.: Фразеологический словарь русского языка. М.—Л., 1967, с. 37, 115, 174, 182, 195, 233, 267, 318, 324, 374, 375, 454. В дальнейшем этот словарь мы будем именовать сокращенно — «Фразеологический словарь».

свойственна «нулевая стилистическая характеристика», то этого уже нельзя сказать о таких, как, например, *с головы до пят, идти по пятам, быть под пятой*, а фразеологизму *ползти на карачках* присуща «специфически сниженная экспрессивно-стилистическая окраска...» иронии, презрения, фамильярности [28, 249].

«— Ну что же ты бранишься? *С какой стати!* Что я тебе сделал?» (Гоголь. *Женитьба*); «— Скажите мне, сударыня, *с какой* это *стати* вы каждый день гуляете с Полянским?» (Чехов. *Учитель словесности*); «— А *с какой стати* я буду за них думать!» (В. Панова. *Ясный берег*); «— И бригада у него сколотилась ему *под стать*» (Б. Полевой. *Любовь*); «— Для третьего участка,— говорил Батманов,— подберем боевого товарища, *под стать* первым двум» (В. Ажаев. *Далеко от Москвы*); «— Старушка *шла* за ним *по пятам* и все говорила, говорила» (Б. Полевой. *Повесть о настоящем человеке*); «Но большинство крестьян было бедное, существовало впроголодь... и всецело *находилась под пятой* у богатеев» (Салтыков-Щедрин. *Пошехонская старина*); «— Александр Невский был русским человеком *от головы до пят*» (А. Толстой. *К подвигам, к славе!*); «— Тут поднялся в щели такой хохот, что прямо не вмоготу стало, а Петро... как застонет: «Ой, не могу, ой, не могу!» — да из щели и *полез на карачках*, а за ним и все остальные» (В. Попов. *Сталь и шлак*).

В отличие от разговорно-бытовой фразеологии, преимущественно употребляющейся в устной речи (а в художественных произведениях в речи героев), основной сферой употребления книжных фразеологизмов являются «стили публицистических и научных произведений» [28, 252], язык художественных произведений:

«Вьюга мне *смежает очи*, все дороги замело» (Пушкин. *Бесы*); «Он, Коршун, только что пообедал и в полудремоте, *смежив очи*, покачивал головой» (Салтыков-Щедрин. *Ворон и Коршун*); «Но *перст провидения* чудесно для людей отвел занесенную для рокового удара руку» (Сергеев-Ценский. *Пушки выдвигают*); «Сынки-то *по стопам* родителя *пошли*» (Мельников-Печерский. *В лесах*); «Полина Ивановна, ежели и не прямо *вложила персты в язвы*, то во всяком случае довольно близ-

ко нащупала больное место» (Салтыков-Щедрин. Круглый год); «— Вы знаете, что у меня за жена — *ангел во плоти* — доброта неизъяснимая» (Тургенев. Ермолай и мельничиха); «— Гаврила Петрович, куда же ты теперь *стопы-то свои направишь*» (М. Горький. Фома Гордеев); «Лотерею они решили провести за городом, *на лоне природы*» (Сергеев-Ценский. Пушки выдвигают); «— Ну, а вы то, вы, разве не та же интеллигенция?— Кровь от крови и *плоть от плоти!*» (Федин. Города и годы); «Строго приказывалось установить пулеметы и *охранять их как зеницу ока*» (И. Овчаренко. Путь к свободе); «И точно предвидя, как много в его судьбе может зависеть от этой девушки, лес униженно *бил Леночке челом*» (Леонов. Русский лес); «— Хочу Вас, Анатолий Васильевич, просить об одной девушке, то есть, как говорится, всей организацией *челом бьем*» (И. Василенко. Волшебная шкатулка).

Можно привести также немало примеров употребления данных фразеологизмов в языке современной массовой печати:

«Берегите, юные друзья мои, *как зеницу ока* великие завоевания Октября! Не позволяйте никому ни словом, ни делом осквернять святое знамя революции» (В. Бухаренко. Годы, события, люди; «Комсомольская правда», 22.5.1957); «Биографы Чемберлена дают достаточно материала для того, чтобы считать его *плотью от плоти* английской буржуазии, а не земельного дворянства» (Майский. Мюнхенская драма; «Новое время», 1966, № 42).

§ 2. Фразеологизмы, содержащие в именных компонентах вышедшие из употребления древнерусские и старославянские наименования животных, насекомых и некоторых явлений окружающей природы

Во фразеологических единицах русского языка *попал как кур во щи, золотой телёц, бедный агнец, питаться акридами*, а также *не видеть ни зги, у черта на куличках, разверзлись хляби небесные, земная твердь, отделить твердь от хляби, вступить на стезю* и других

сохранились прежние наименования животных и насекомых: *кур* — «петух», *телец* — «бычок», *агнец* — «ягненок», *акрида* — «саранча», а также некоторые другие архаичные существительные (иного семантического плана): *зга* (*сътъга*) — «дорога» (ср. *стежка* — «тропинка»), *стезя* — «путь», *кулига* (*кулижки* — *кулички*) — «лесистое, глухое, болотистое место» [51, 185], *твердь* — «земля, твердое место, суша», *хлябь* — «водная глубина, бездна», *нива* — «пашня»¹.

В свободных, фразеологически не связанных словосочетаниях указанные выше слова мы наблюдаем лишь в памятниках древнерусской письменности. Приведем примеры:

«Прежде даже *коуръ* возгласить...» (Остромирово евангелие, 1056 г.); «Не вестъ бо, кѣгда господь въ домъ придетъ, вечеръ ли, или полоунощи, или въ *коуры* поюща, или заутра» (Юрьевское евангелие, 1119 г.); «Да не ореши *тельцемъ* и осьломъ» (Пандектъ Антиоха, по сп. XI в.); «Постави жъ подъ нь *тельца* (изваяние быка.— Р. П.) 20 литы великы» (Временник Григория Амартола, по сп. XV в.); «*Агньць* незлобивъ...» (Минея сентябрьская, по сп. XII в.); «И сия да ясте отъ сихъ... и *акриду* и подобная ей» (Кн. Левить, по сп. XIV в.); «Техъ бо *акриды* и мухи побиха оугрызениемъ» (Книга пророка Соломона); «Пожаловаль есмъ домовныхъ церковныхъ... бортниковъ... пожнею Воротище да *кулижкою* Левкинскою» (Оброчная грамота, 1478 г., в сп. XVI в.); «Во втори днь створи *твердь*, иже есть посредь водъ...» (Повесть временных лет); «И азъ отверзу вамъ *хляби* небесныя» (Повесть временных лет, по Ипатьевскому списку); «Вси пради Ваши делаютъ *нивы* своя...» (Там же).

Рассматриваемые фразеологические единицы по своей стилистической принадлежности и продуктивности употребления в языке не представляют одной однородной группы. Разговорно-бытовому стилю свойственны такие фразеологические сращения, как *у черта на куличках* — «очень далеко, в отдаленных глухих местах»

¹ Слова *кур*, *нива*, *хлябь* являются общеславянскими, а существительные *телец*, *агнец*, *акрида*, *твердь* заимствованы из старославянского языка.

(быть, жить, находиться и т. п.), *к черту на кулички* — «очень далеко, в отдаленные, глухие места» (уехать, отправиться и т. п.), (попасть, угордить) *как кур во щи* — «в неожиданную беду, неприятность», *(ни) зги не видеть* — «совсем ничего не видеть»¹.

Они широко используются в произведениях художественной литературы, в повседневной устной речи:

«— А то такой вдруг [дождь] зарядит, что два месяца *зги не видать!*» (Салтыков-Щедрин. Дневник провинциала в Петербурге); «— *Зги не видать, темень-то, батюшка!*» (Чехов. Недоброе дело); «— Экая погода *ни зги не видать*» (Н. Задорнов. Амур-батюшка); «Втянули бы за милую душу, и вы бы *попали как кур во щи!*» (Сергеев-Ценский. Пристав Дерябин); «— Храбрость не ум,— хмуро заметил Листрат.— *ПопадетсЯ, дурак, как кур во щи, помяни ты мое слово*» (Н. Вирта. Одиночество); «Они достраивали больницу так, чтобы потом не жаловаться: *Я-де влопался, как кур во щи, меня-де «подвели»* (Ю. Герман. Я отвечаю за все); «Будь на то его воля — *прогнал бы эшелон с таким грузом подальше, к черту на кулички*» (В. Тендряков. Тугой узел).

Книжному стилю свойственны фразеологические сращения *питаться акридами* — «недоедать, бедствовать», *золотой (златой) телец* — «деньги, символ богатства»; фразеологические единства *поклоняться золотому тельцу, преклоняться перед золотым тельцом* — «испытывать благоговение перед богатством», *чист как агнец* — «невиновен, вне подозрений», *отделить твердь от хляби, разверзлись хляби небесные*, фразеологические сочетания *вступить на стезю (чего-либо)* — «начинать какую-либо деятельность», *идти по стезе (чего-либо)*, *подвизаться на поприще (чего-либо)*, *трудиться на ниве (чего-либо)* — «вести какую-либо деятельность, образ жизни», *непорочный (бедный, божий, послушный, невинный) агнец* — «олицетворение кротости, невинности»², а также *земная твердь* — «земля, суша».

¹ Фразеологический словарь, с. 173, 217, 523, 524.

² См. там же, с. 320, 473; Словарь АН СССР, т. 1, с. 45.

Естественно, эти фразеологизмы, помимо произведений художественной литературы, мы можем встретить на страницах газет и журналов, в публицистической литературе. Приведем примеры из литературных произведений:

«Чем больше подрастал *золотой телец* Гаврилова, тем сам он к нему становился пристрастней и пристрастней» (Писемский. Старческий грех); «По крайней мере, оглянешься кругом, ни одной живой души не видишь, все *преклонилось пред золотым тельцом*» (Мамин-Сибиряк. Сестры); «*Растворились все хляби небесные*,— со вздохом говорил наш полувзводный.— Мокнем, мокнем без конца» (Гаршин. Из воспоминаний рядового Иванова); «Прочь из этой растленной страны, где господствует *золотой телец* и его жрецы — банкиры и фабриканты» (Г. Серебрякова. Похищение огня); «*Чеботаревский чист как агнец*» (П. Брянцев. По тонкому льду); «Отпразднуем,— предложил Крыленков,— мое *вступление на стезю науки*» (М. Глушко. Живым говори — «До свидания!»).

Примеры из эпистолярного и публицистического стилей:

«Сам же едва концы с концами сводишь и *питаешься акридами*» (Чехов. Письмо М. П. Чеховой, 1890); «В 30-х годах нашего века он возымел желание *вступить на стезю* редактора и вскоре очутился в кресле заведующего литературным отделом молодежной газеты» (А. Караваева. Непрошенный оркестровщик; «Правда», 28.2.1965); «Мобилизовать силы всех, кто *трудится на ниве* высшего образования...» (Передовая статья «Вуз, наука, труд»; «Известия», 4. 7. 1961).

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова отсутствуют многие из рассмотренных нами фразеологических сочетаний, например *подвизаться на поприще*, *вступить на стезю*, *агнец бедный (непорочный)* и др. Они еще не вышли из употребления в современном литературном языке, хотя некоторые из них и заметно ослабили свою употребительность, например такие, как *агнец непорочный (божий)*, *питаться акридами [и диким медом]*.

§ 3. Фразеологические единицы с устаревшими
существительными древнерусского
и старославянского происхождения, связанными
с обозначением обрядов, поступков и чувств
людей

В именных компонентах фразеологических единиц современного русского литературного языка сохранились некоторые архаичные отвлеченные существительные как древнерусского, так и старославянского происхождения: *лихо* — «горе», *худо* — «беда», *тло* — «основание», *мочь* — «сила», *мор* — «повальная болезнь, эпидемия», *призор* — «присмотр», *чета* — «пара»; *хвала* — «одобрение, прославление», *схима* — «строгий монашеский обет в ожидании близкой смерти», *помин* — «особый обычай отмечать память об усопших», *преткновенье* — «помеха, затруднение», *зазренье* — «осуждение», *отпущенье* — «прощение», *мановенье* — «движение, знак рукой или головой, выражающий приказание или обнаруживающий чью-либо волю», *геенна* — «место вечного мучения», *одр* — «ложе больного».

Среди фразеологизмов этой группы можно назвать фразеологические сращения (*узнать...*) *почем фунт лиха* — «как тяжело в горе, в беде», (*кричать...*) *что есть мочи* — «очень громко, с предельным напряжением», *легко на помине* — «появляется как раз в тот момент, когда о нем говорят или думают», *камень преткновения* — «затруднение, на которое наталкивается кто-либо в каком-либо деле», *без зазрения совести* — «не испытывая стыда, без стеснения», *козел отпущения* — «человек, на которого сваливают чужую вину, ответственность за других»; фразеологические единства (*лежать...*) *на смертном одре* — «умирать, быть при смерти», *геенна огненная* — «ад, преисподняя», *как (будто, словно, точно) по мановению руки (волшебного жезла)* — «мгновенно, внезапно; с легкостью, без труда»; фразеологические сочетания *не поминать лихом* — «вспоминая, не думать плохо о ком-либо», *сгореть до тла* — «сгореть до основания, полностью», *мору на них (вас...) нет* — выражение брани, осуждения в адрес кого-нибудь, *взять (брать) измором* — «настойчиво добиваться чего-либо, надоедать своими просьбами и т. п.», *оставить без призора* —

«оставить без внимания, без наблюдения», *воздать хвалу* — «похвалить, поблагодарить кого-либо», *воспринять схиму* — «дать строгий монашеский обет в ожидании смерти», *не чета нам (ему...)* — «выше, лучше и т. п. по своим достоинствам, качествам, чем кто-либо»¹.

Указанные выше существительные в древнерусском языке употреблялись в свободных сочетаниях и входили в активный запас его словаря. Приведем примеры свободного употребления этих существительных в памятниках древнерусской письменности:

«Понеже не хочу я *лиха*» (Грамота Владимира Мономаха к Олегу Святославовичу, ок. 1096 г.); «Не бысть *лиха* межю има» (Новгородская летопись, по сп. XIV в.); «И се же зело *хоуде* и малы..» (13 слов Григория Назианзина, по сп. XI в.); «На *глахъ* образы Христа устроены» (Пандекты Никона Черногорца, по Синодальному сп. 1296 г.); «Душу и тело погубити *въ геене*» (Остромирово евангелие, 1073 г.); «Подъ имъ не бы *мочи*» (Новгородская летопись, по сп. XIV в.); «*Моръ* былъ въ людехъ многъ» (Там же); «Не токмо во единой Руси бысть гневъ божии *моромъ*, но и в Ляхохъ; тое же зимы и в Татарехъ изомре все» (Ипатьевская летопись, по сп. XIV в.); «Княже коуны переже взяти, а *прокъ* въ делъ» («Русская правда», по Новгородской кормчей 1282 г.); «А купилъ есмь себе и своимъ детямъ *въ прокъ* без выкупа» (Купчая грамота, 1494 г.); «И по образу доброго *призора* разумети начаша...» (Временник Георгия Амартола, 1456 г.); «Желаеть оубо дияволь и съмечная того *чета* погыбели человечески» (Устюженская кормчая, XIII в.); «Оумъ твои *мановениемъ* к богу озарися» (Майская служебная минея, по сп. XII в.); «Раны, муки, *зазирания...*» (Златоструй, по сп. XIV в.); «*Хвала* солию оутворена, не на лъсть, нъ на изводъ добреишааго» (13 слов Григория Назианзина, по сп.

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 45, 164, 221, 237, 339, 425, 503, 527; Словарь АН СССР, т. 3, с. 58; т. 8, с. 717; т. 9, с. 1128; т. 17, с. 992.

XI в.); «Хощещи ли обновитися святою схимою... прежь помолися богу и седь напиши свои обет смыслене» (Письмо Кирилла Туровского Василию, игумену Печерскому, по сп. XIV в.); «Боже наш, дави челоуекомъ покаяньемъ *отпущенье*» (Служебник Сергия Радонежского, по сп. XIV в.); «Створиша в той день праздникъ светель съ *хвалами* и песнями» (Новгородская первая летопись, по сп. XIV в.).

Наряду с межстилевыми фразеологизмами *разорить* (*сжечь*,...) *дотла*, *оставить* (*бросить*, ...) *без призора* и разговорно-бытовыми *не поминать лихом*, (*узнать*, ...) *почем фунт лиха*, *нет худа без добра*, *что есть мочи*, *мору на них нет*, *братъ измором*, *легок на помине*, *не чета нам* (*ему*, ...), значительную часть из числа рассматриваемых составляют фразеологизмы книжного стиля: *воздать хвалу*, *воспринять схиму*, *камень преткновения*, *козел отпущения*, *геенна огненная*, *на смертном одре* и др.

Приведем примеры употребления межстилевых фразеологизмов в языке художественной литературы XIX и XX веков:

«Ну, ребята, прощайте,— сказал он смущенной дворне.— Счастливо, *не поминайте* меня *лихом* (Пушкин. Дубровский); «— Она привыкла ко всему этакому утонченному, *не чета* мне, вахлаку!» (Достоевский. Идиот); «— А, *легка на помине!* Где это вы пропадали?» (Тургенев. Дым); «Когда прошли эти каникулы, Петр Кириллыч уже никуда не отправил ни Аркашку, ни Тонечку, и дети навсегда *остались... без призора*» (Бунин. Суходол); «Угощу! Всех угощу!— кричал Илья Игнатъич *что есть мочи*» (Решетников. Глумовы); «— Ну, с тем, конечно, все разошлись, человек *не нам чета*: прапорщик, образование имеет» (Сергеев-Ценский. Утренний взрыв); «Хату белые *сожгли дотла*, а имущество *разграбили начисто*» (Фурманов. Красный десант); «Все-таки *нет худа без добра*,— замечает Олег.— Это я насчет того, что мы задерживаемся» (Ю. Пиляр. Все это было); «В земстве служил и *узнал почем фунт лиха*» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь); «Прощай, Александр Степанович,— поклонился ему Сторожев,— *не поминай лихом*» (Н. Вирта. Одиночество).

Фразеологизмы книжного стиля как (словно, точно) по мановению волшебного жезла (волшебной палочки), на смертном одре, геенна огненная, козел отпущения, камень преткновения, без (всякого) зазрения совести, воспринять схиму, воздать хвалу не только встречаются в художественной литературе, но и употребляются в произведениях эпистолярного и публицистического стилей.

Примеры употребления фразеологизмов книжного стиля в художественной литературе:

«— Прииду к вам, преступник окаянный, и схиму здесь... восприму» (Пушкин. Борис Годунов); «И только лет десять спустя узнали, что он в дальний-дальний монастырь скрылся и схиму принял» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «Козлом отпущения являлся этот последний Луженин, и на нем сосредоточилось все внимание» (Мамин-Сибиряк. Человек с прошлым); «— Представьте себе, что вдруг, по мановению волшебной палочки, эти люди... все разом принимаются за дело» (Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности); «После этих слов моих тетка начала браниться без всякого зазрения совести» (Писемский. Питерщик); «Вопросы, до которых мы коснулись, не были случайны. Это те гранитные камни преткновения на дороге знания, которые во все времена были одни и те же, пугали людей и манили к себе» (Герцен. Былое и думы); «Комната его была вся обвешана лубочными картинами, изображающими смерть с косою, геенну огненную, страшный суд» (Г. Успенский. Разоренье); «Думал ли Александр, что меньше, чем через месяц он, схватив в Крыму жестокую лихорадку, будет лежать в этой самой комнате на смертном одре» (М. Марич. Северное сияние); «Точно по мановению волшебной палочки, отовсюду исчезла надоевшая ему пыль» (Е. Федоров. Утро над Быстрицей); «Из общих предметов на младшем курсе камнем преткновения были... механика и химия» (И. Игнатьев. 50 лет в строю).

Из числа рассмотренных фразеологизмов устаревшими являются воспринять (принять) схиму, геенна огненная, продуктивность использования которых заметно ослабевает.

§ 4. Фразеологические единицы, содержащие наименования букв славянской азбуки в составе своих компонентов

В составе компонентов некоторых фразеологических единиц сохранились наименования букв славянской азбуки: *аз* — название буквы А, *буки* — название буквы Б, *глаголь* — название буквы Г, *мыслёте* — название буквы М, *ижица* — название буквы У, *ферт* — название буквы Ф, например: *не смыслить ни аза, начинать с азов, все это буки, азы да буки, не миновать глаголя, выписывать мыслете, не отличать от ижицы аза, прописать ижицу, стоять фертом, ходить фертом, от ижицы до аза.*

Данные фразеологизмы различны по своей структуре, по стилистической принадлежности и употребительности в современном литературном языке.

Наибольшей семантической слитностью и абстрагированностью значения обладают: *выписывать мыслете* — «идти нетвердым шагом, заплетающейся походкой», *прописать ижицу* — «проучить, жестоко наказать кого-либо», *ходить (стоять) фертом* — «важничать, рисоваться», *(не) миновать глаголя* — «оказаться повешенным» или «избежать виселицы», которые можно отнести к фразеологическим сращениям¹.

Менее слитны в семантическом отношении компоненты фразеологизмов: *(все) это еще буки* — «что может быть, но еще не произошло», «предположительно», *азы да буки* — «слишком ясно, очевидно», *не отличить от ижицы аза* — «быть полным невежей (профаном) в чем-либо», которые целесообразнее отнести к разряду фразеологических единств.

Еще менее тесная семантическая взаимозависимость между компонентами фразеологизмов: *начинать (постигать) с азов, [ни] аза [в глаза] не видеть (не знать)*, где первый имеет значение — «начинать делать что-либо с самых основ, с простого, с элементарного», а второй — «совершенно ничего не видеть, не знать, не понимать»². Глаголы *видеть, начинать* и др., образующие

¹ См.: Словарь АН СССР, т. 2, с. 143; Михельсон М. И. Русская мысль и речь (опыт русской фразеологии). Спб., 1912, с. 150, 941.

² См.: Фразеологический словарь, с. 30, 92, 364.

первые компоненты этих фразеологизмов, употреблены в своих прямых значениях, не являющихся фразеологически связанными. Эти фразеологизмы обладают чертами, которые присущи фразеологическим сочетаниям.

В разговорной устной речи изредка встречаются и фразеологические выражения пословичного характера, содержащие в своей структуре интересующие нас «буквенные» компоненты: *не суйтесь буки наперед азов, аз — буки — веди — на велосипеде*, где первое обладает значением «каждый должен знать свое место», а второе используется при характеристике чего-либо непонятного.

В компонентах фразеологических единиц русского языка встречаются наименования букв греческого алфавита, что объясняется давними культурными связями носителей этих языков. Так, например, во фразеологических сращениях *альфа и омега* — «сущность, основа, самое главное» и «начало и конец», *ни на йоту* — «нисколько, ничуть, ни на самую малость», *ни йоты* — «совсем ничего» содержатся наименования первой и последней букв (*альфа* и *омега*) и девятой буквы греческого алфавита (*йота*). Эти фразеологизмы восходят к библейскому и евангельскому текстам:

«Я есмь *альфа* и *омега*, начало и конец», — говорит господь» (Апокалипсис); «Я есмь *альфа* и *омега*, первый и последний» (Т а м ж е); «Дондеже преидет небо и земля, *иота* едина или едина черта, не преидеть отъ закона» (Остромирово евангелие, 1073 г.)¹. В древнерусской письменности отражены также и наименования букв славянской азбуки: «Пиши же бога съ глаголемъ, божие имя съ живетемъ полностью» (Алфавит XVII века, Спб., 1824).

Разговорно-бытовому стилю свойственны фразеологизмы *не видеть (не знать) аза [в глаза], прописать ижицу, начинать (постигать) с азов, (все) это еще буки, азы да буки, (ходить) стоять фертом, ни на йоту*.

Приведем примеры употребления их в художественной литературе XIX—XX вв.:

«— Я поставлю полные балды во всех науках тому, кто *ни аза не знает*, да ведет себя похвально» (Гоголь. Мертвые души); «— Сперва падо

¹ Значение фразеологизма *ни на йоту* развилось в результате метафоризации первичного конкретного смысла, т. е. «не только сам текст закона не может быть изменен, но даже ни буква его, ни черточка» (*йота* графически напоминает черту).

азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы еще *аза в глаза не видели!*» (Тургенев. Отцы и дети); «Шесть лет разлуки *ни на йоту* не уменьшили моей любви к ней» (Чехов. Два письма); «— *Все это буки-с*. Улита едет, да когда-то она будет» (А. Островский. Свои люди — сочтемся); «— Слышали мы это, да ведь *все это буки*, а теперь?» (Достоевский. Преступление и наказание); «— Как женился да взял вот этот домишко в приданое, так думал, что богаче или лучше меня людей нет. *Фертом ходил*» (А. Островский. Шутники); «— *Фертом ходит*, что говорить... Сабля-то, словно генеральская, ишь тюкается...» (Фурманов. Чапаев); «Занятия в нейрохирургической клинике Иван Иванович, уже опытный хирург, *начал почти с азов...*» (А. Коптяева. Иван Иванович); «Старичку и в голову не могло прийти, что товарищ Рудин *ни аза в цветоводстве не смыслит*» (Б. Горбатов. Донбасс); «— Ого! Пускай-ка, пускай их флот сунется к нашим фортам, — ему *пропишут ижицу!*» (Сергеев-Ценский. Севастопольская страда).

Фразеологизмами книжного стиля можно назвать такие, как *выписывать (писать) мыслете, не миновать глаголя, от ижицы до аза, от альфы до омеги*.

Приведем примеры их употребления в художественной и эпистолярной литературе:

«— Как начнет *выписывать* свои *мыслете*, хоть святых выноси!» (А. Островский. Свои люди — сочтемся); «Впрочем желаю ему доброго здоровья и не завидую в надежде читать твои записки *от альфы до омеги*» (Карамзин. Письмо И. И. Дмитриеву, 18.2.1824); «Уйти [из плена] нельзя не бояться: поймают, так вряд ли ему *глаголя миновать*» (В. Даль. Рассказ Грушина); «И всю ночь туда [в парк] и оттуда неслись лихачи, и порой, *выписывая мыслете*, беспечно тащились пьяные гуляки» (Короленко. Прохор и студенты); «*Альфа и омега* кухни — кухарка Пелагея возилась около печки» (Чехов. Кухарка женится); «Игнатий Игнатьевич сказал... что прежде чем сделать простую и полезную научную работу, надо ей самой пройти *от аза до ижицы* все виды труда» (Гладков. Энергия).

Среди рассмотренных фразеологизмов явно идет на убыль степень употребительности в современном литературном языке таких фразеологизмов, как *не миновать глаголя, от аза до ижицы, от альфы до омеги*. Ослабевает продуктивность употребления фразеологизма *выписывать (писать) мыслете*, который нередко в XIX в. встречался не только в прозаических жанрах, но и в поэзии, например: «Было на свете все не мило, *мыслёте по земле писал*» (Котляревский. Энеида).

§ 5. *Фразеологические единицы старославянского и древнерусского происхождения, содержащие в своих компонентах словообразовательные, семантические и фонетические архаизмы в структуре существительных различных тематических групп*

В предшествующих параграфах были показаны собственно лексические архаизмы, сохранившиеся в компонентном составе фразеологизмов современного литературного языка.

Рассмотрим теперь группу фразеологических единиц, именные компоненты которых содержат лексико-словообразовательные, лексико-семантические и лексико-фонетические архаизмы.

В компонентах фразеологических единиц *поднять (внести) сумятицу, быть (оставаться) в пасынках, отправить (-ся) к праотцам* сохранились выпавшие из системы современного словообразования существительных префиксы *су-, па-, пра-*, а в компонентах фразеологизмов *восстановить по крупице, лепта вдовицы, каяться в своих прегрешениях, поборник правды, избиеение младенцев, его же царствию не будет конца* удерживаются существительные иного словообразовательного (суффиксального) оформления по сравнению с их однокоренными синонимами в свободных словосочетаниях (ср. *крупинка, вдовушка, грех, борец, царство, убийство*).

Среди фразеологических единиц с лексико-словообразовательными архаизмами в своей структуре преобладают фразеологические единства книжного стиля: *его же царствию не будет конца* — «всегда так будет», *избиеение младенцев* — о расправе над неискующими

и непонятными в каком-либо деле людьми, *каяться в своих прегрешениях* — «исповедуясь, раскаиваться в совершенном», *поборник правды* — «стойкий борец за правое дело», *лента вдовицы* — «последний дар», «отдать последнее», *отправиться к праотцам* — «скончаться, умереть».

Примеры их использования в художественной литературе и публицистике:

« — Пока на выкуп не пойдете, век свой будете платить, и все-таки земля помещичья. Вот что значит — *его же царствию не будет конца*» (Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы); «Фраза, обращенная к присяжным, что «...они не перестанут в суде действовать...», затем только пущена в ход, чтобы сделать им комплимент, внушив им, что *царствию их не будет конца*» (Слепцов. Трудное время); «Пожертвования неисчислимы... тут и миллионы богача, и копейки нищего, и *лента вдовицы*» (Вяземский. Письма русского ветерана); «Нет, каково это почтенное русское общество, равнодушно взирающее на родовое *избиение младенцев?* В Нижегородской тюрьме свыше полсотни молодежи» (М. Горький. Письмо Пятницкому, 1902); « — В конечном счете вы всегда останетесь в проигрыше и раньше времени *отправитесь к праотцам*» (А. Степанов. Порт-Артур).

Межстилевыми фразеологическими сочетаниями, очевидно, можно назвать следующие: *внести сумятицу* — «вызвать растерянность, разлад»; *восстановить по крупице* — «постепенно воссоздать разрушенное, вернуть чему-либо прежний вид, облик», *ходить в пасынках* — «оставлять без должного внимания».

Приведем несколько примеров:

«Неожиданно развернулись события, которые в особняк на Поповской *внесли невероятную сумятицу*» (В. Озеров. Слуга царя небесного); «Приехали также научные работники и энтузиасты-следопыты, *восстанавливающие по крупицам* историю подземного гарнизона». Керченская легенда; «Известия», 28. 5. 1967).

В структуре фразеологических единиц *не на живот, а на смерть, не щадя живота своего, глагол времен, положить свой живот, жить не по глаголу, на поле брани, на злобу дня, довлеет дневи злоба его* сохранены лек-

лексико-семантические архаизмы, а именно: существительные выступают с теми значениями, которые давно утрачены ими и не свойственны им в свободных словосочетаниях современного языка, где они выступают уже с совсем другими значениями (ср. *живот* — со значением «жизнь» и «часть тела у человека и животных, где расположены органы пищеварения», *глагол* — со значением «речь, слово» и «часть речи, обозначающая действие», *злоба* — «забота, попечение» и «чувство враждебности, злость», *брань* — «сражение, битва» и «ссора, ругань»).

Лексико-фонетические архаизмы можно обнаружить в следующих фразеологических единицах: (*явиться,...*) *яко (как) тать в нощи*, (*вкушать,...*) *от древа добра и зла*, (*попасть,...*) *из огня в полымя*, *покинуть земную юдоль*, *земная юдоль*, *опочить в бозе*, *в руце божией*, *притча во языцех*, *темна вода во облацех*, причем в двух последних предложениях — падежные формы слов *во языцех* и *во облацех* содержат также грамматические архаизмы. Существительные в этих фразеологизмах сохраняют не только старославянский (*нощь*, *древо*, *юдоль*) и древнерусский (*пóлымя*) звуковой состав, но и старинный характер чередования согласных в основах слов (*к—ц*; *г—з*): *во языцех*, *во облацех*, *в руце*, *в бозе*, а также иное ударение: *во языцех*, *во облацех* (ср. современные нормы — *в язы́ках*, *в облака́х*).

Существительные, сохранившиеся в названных выше фразеологизмах, в древнерусском языке употреблялись в свободных словосочетаниях:

«Не пьцетися, убо на утрени день собою печеться, довълеет бо дневи злоба своя» (Четвероевангелие); «Простерь руце к древу възбраньному» (Слово о премудрости Кирилла, епископа Туровского, по сп. XV в.); «Рече Варягъ: не суть то бози, но древо днесь есть, а оутро изъгнеть» (Повесть временных лет, по сп. XV в.); «Завешта въ юдоли плачевней» (Псалтырь с толкованиями Феодосия, по сп. XI в.); «Въ юдолехъ съмереномудрия» (Пандект Антиоха, по сп. XI в.); «Отъ молния и отъ полымя того загореся нить дворъ» (Псковская первая летопись, по сп. XV в.); «Вшедши туча дождевая и двигнушася облацы и бысть грохотъ» (Псковская первая летопись, по сп. XV в.); «... Да и вы причтетеся велицехъ языцехъ, иже славят богу...» (Житие Константина Философа, по ру-

конца XV в.); «Глаголю тебе ... въ сию *нощ* три
краты отъверженшия мене» (Остромирово еван-
гелие, 1056 г.); «Яко тать въ *ношти*, тако при-
детъ...» (Синдехт Антиоха, по сп. XI в.); «А гос-
подь нашъ, владея *животомъ* и смертию, согреше-
ния наша выше главы наша терпять» (Поучение
Владимира Мономаха, до 1125 г.); «Яко с нимъ
въ *животъ* и въ смерть, за правдоу Новгородъ-
скую» (Новгородская первая летопись, по сп.
XV в.); «Когда бѣше *брани* быти на поганя,
тѣгда ся начаша бити межи собою» (Новгород-
ская первая летопись, по сп. XV в.); «Юрьи... сам
хоте особь *брань* сотворити съ Татары» (Т а м ж е).

Фразеологические единицы, именные компоненты ко-
торых содержат лексико-словообразовательные, лекси-
ко-фонетические и лексико-семантические архаизмы,
неоднородны по своей стилистической принадлежности
и употребительности в современном русском литератур-
ном языке.

Большинство фразеологизмов из числа рассматри-
ваемых принадлежит книжному стилю и по своей
структуре является фразеологическими сращениями:
глагол времен — «вечность, время», *положить живот* —
«погибнуть, пожертвовать собой»¹, *не на живот, а на*
смерть — «стойко, мужественно, до последней капли
крови», *яко (как) тать в нощи* — «скрытно, незаметно»,
довлеет дневи злоба его — «каждый день приносит свои
заботы и хлопоты», *земная юдоль* — «жизненный путь
с его заботами и печалями», *все в руце божией* — «неза-
висимо от наших желаний», *опочить в бозе* — «скоп-
чаться, умереть», *притча во языцех* — о ком-либо или о
чем-либо очень надоевшем, *темна вода во облацех воз-
душных* — о чем-либо неясном и туманном.

В большей мере мотивируется значение фразеологи-
ческих единств, принадлежащих к этому же стилю:
(попасть, ...) из огня да в полымя — «попасть из одной
беды или опасности в другую», *(вкушать, ...) от древа*
познания добра и зла — «начинать познавать что-либо»,
на поле брани — «на месте сражения», *на злобу дня* —
«о том, что в данный момент волнует всех, привлекает
всеобщее внимание»², *жить не по глаголу* — «жить по

¹ Фразеологический словарь, с. 174, 198.

² Там же.

справедливости, в согласии, никого не обижая»¹.

Приведем примеры употребления данных фразеологизмов в художественной эпистолярной и публицистической литературе XIX и XX вв.:

«Бежал он в страхе с поля брани» (Лермонтов. Кавказский пленник); «— Погоня, Катя, за нами! ... Да не в этот час нам животы свои положить!» (Достоевский. Хозяйка); «— Да, нужна наука; и время, когда азбука всевластно опутает детей, подкрадется невидимо, яко тать в нощи» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «— Не по глаголу живешь, братец, нельзя так» (Григорович. Бездна); «— Это, брат, еще темна вода во облацех, что тебе министры скажут» (Писемский. Люди сороковых годов); «Он стал какою-то притчей во языцех чиновников...» (Г. Успенский. Нравы Растеряевой улицы); «Егорушка пишет, что отец его, т. е. наш дядя, сильно поддается глаголу времени: ослабел, поседел и тихо говорит» (Чехов. Письмо Л. П. Чехову, 1893); «А не годится, человеку вкушать от древа познания добра и зла...» (Л. Толстой. Война и мир); «Десять лет тому назад Ваш дядюшка волею судьбы покинул земную юдоль» (Куприн. Звезда Соломона); «Прежде приезжаешь в город как тать в нощи, не знаешь, кого куда поцеловать, чтобы разрешили» (Куприн. Гад); «По мнению Саньки, они со Спирькой попали из огня да в полымя» (А. Свирский. Рыжик); «Мы живем на земле, подчиняемся земным законам, и, как говорится... дню нашему довлеет злоба его, его заботы и требования, его надежды на лучшее завтра» (Шолохов. Говорить людям правду; «Известия», 11. 12. 1966).

Большинство рассматриваемых фразеологизмов весьма продуктивно используется в художественной литературе и публицистике. Исключение могут составить, пожалуй, лишь такие фразеологизмы, как глагол *времен, не по глаголу жить, (покинуть, ...) сию земную юдоль, (вкусить, ...) от древа познания добра и зла.*

Как показывает фразеологический материал этой главы, в компонентном составе многих фразеологических единиц обнаруживается значительный пласт слов

¹ Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 236.

древнерусского языка, причем самых различных в семантико-стилистическом отношении.

Достоверность фактов фразеологии мы стремились проверить и уточнить по данным памятников письменности.

Большинство фразеологизмов, сохранивших в своем составе лексические архаизмы, является по своим структурно-семантическим особенностям фразеологическими сращениями, однако лексические архаизмы также встречались и в компонентах фразеологических единств, а иногда и в составе фразеологических сочетаний и выражений.

Глава 5

Фразеологические единицы с архаичными падежными формами имен существительных

Наиболее полно во фразеологических единицах нашли свое отражение старые типы именного склонения. На материале фразеологических единиц почти полностью прослеживается система падежных форм существительных, свойственная древнерусскому и отчасти общеславянскому языкам. В именных компонентах многих фразеологических единиц сохранились архаичные падежные формы от основ существительных старинных типов склонения как в единственном и двойственном, так и во множественном числе. В целях большей наглядности собранный фразеологический материал располагается в том порядке, который соответствует древнерусской системе падежей и чисел.

§ 1. Фразеологизмы с архаичными падежными формами единственного числа

Многочисленные фразеологические единицы прочно удерживают в своих именных компонентах окончание *-у* родительного падежа мужского рода от основ на *-ѣ*. Наряду с существительными, исконно относившимися к отмершему типу склонения с основами на *-ѣ*, в качестве именных компонентов фразеологических единиц употребляются и некоторые вещественные, конкретные, собирательные и отвлеченные существительные, которые восходят к основам на *-о* и у которых флексия *-у* более позднего происхождения. Примерами первых могут служить такие фразеологизмы, как *час от часу* — «постепенно, с течением времени», *час от часу не легче* — «чем дальше, тем хуже, больше новых затруднений», *раз от разу* — «с каждым новым последующим повторением», *с часу на час (ожидать, ждать)* — о чем-либо ожидаемом, что должно произойти; «по мере течения времени», *прибавить шагу* — «ускорить ходьбу», *не давать шагу ступить (сделать)* — «всячески сковывать действия, поступки кого-либо», *шагу нельзя ступить* — «невозможно самостоятельно как-либо поступить», *наделать шуму* —

«вызвать много разговоров в результате того или иного поступка»¹. Примерами вторых являются фразеологизмы — *не выносить сору из избы* — «не разглашать то, что касается узкого круга лиц, и чего не должны знать другие», *пороху не выдумает* — «не отличается сообразительностью, не очень умен», *понюхать пороху* — «повоевать, побыть на войне», *не нюхать пороху* — «не быть на войне, не воевать», *ни синь(-я) пороху* — «совершенно ничего» (нет, не осталось и т. п.), *с миру по нитке* — «от всех понемногу», *с бору по сосенке* — «от каждого понемногу», *сбоку припеку* — «лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к чему-либо или к кому-либо», *с глазу на глаз* — «наедине, без свидетелей, без посторонних», *ни слуху, ни духу* — «нет никаких известий о ком, о чем, от кого-либо», *ни складу, ни ладу* — «никакой логики, стройности, связи, никакого порядка», *не давать ходу* — «препятствовать продвижению в работе, по службе и т. п.», *выпустить из виду* — «забыть о чем-либо», *не упускать из виду* — «держат под пристальным наблюдением», *сбить (-ся) с толку (с панталыку)* — «привести кого-либо или прийти самому в состояние замешательства, растерянности, ввести в заблуждение», «изменить линию своего поведения в худшую сторону» (или побудить к этому кого-либо), *лопнуть (умереть) со смеху* — «неудержимо, до изнеможения смеяться», *с жиру беситься* — «привередничать от пресыщения или безделья», *без году неделя* — «совсем немного времени, совсем недавно» (быть, жить, находиться где-либо или делать что-либо) и многие другие².

В компонентном составе некоторых фразеологических единиц рассматриваемой группы содержатся не только существительные с окончанием *-у* родительного падежа единственного числа мужского рода, с которым они не употребляются в свободных словосочетаниях, но име-

¹ Существительные *раз, шаг, час*, содержащиеся в компонентном составе этих фразеологизмов, Л. А. Булаховский относит к прежнему древнерусскому типу склонения с основой на *-ъ* [6, 123]. К этому же типу склонения И. Х. Дворецкий относит также слова *шум* и *тон* [12, 210].

Во «Фразеологическом словаре» приводится толкование некоторых из перечисленных фразеологизмов (см. с. 126, 275, 377 и 516).

² С некоторыми уточнениями значения этих фразеологизмов взяты нами из «Фразеологического словаря», с. 35, 58, 93, 95, 107, 288, 345, 409, 427, 434, 494, 497.

ются также и другие архаичные элементы, а именно лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы. Так, например, во фразеологическом единстве *с миру по нитке*, образовавшемся в результате эллипсиса (т. е. сокращения количества компонентов) на основе фразеологического выражения *с миру по нитке — голому рубашка* — «что не по силам и средствам одному, можно достичь сообща», содержится существительное *мир* в одном из устаревших своих значений «сельская община, члены сельской общины»¹. Во фразеологических сочетаниях *болтать без умолку* (без удержу), *нуждаться до зарезу*, *спать без просыпу*, *танцевать до упаду*, *брать без спросу* находятся слова, префиксальные или корневые морфемы которых воспринимаются как архаичные для состава слов данных существительных, например: *у-держ-у*, *за-рез-у*, *про-сып-у*, *у-пад-у* *с-прос-у*.

Некоторые фразеологизмы этой группы удерживают в своем компонентном составе слова, которые в свободных словосочетаниях уже совсем не употребляются, например *с панталык-у*, свойственное фразеологическому сочетанию *сбить с панталыку*². Именные компоненты некоторых фразеологизмов содержат и другие грамматические архаизмы, например *ни синь(-я) пороху*, где краткое прилагательное *синь* (ср. полное *синий*) используется в роли определения к существительному *порох* и находится в форме родительного падежа с окончанием *-я*, которое нередко подвергается трансформации, известной «ломке», а именно усечению или «сокращению». Последнее обстоятельство, очевидно, вызвано «затемненностью», немотивированностью общего значения этого фразеологического сращения, его «невыводимостью» из значений компонентов данной единицы.

Наличие «дополнительных» грамматических архаизмов, а также собственно лексических, лексико-семантических и лексико-словообразовательных архаизмов повышает «фразеологичность» данных единиц, помогает им обособиться от свободных словосочетаний, усиливает

¹ Словарь АН СССР, т. 6, с. 1035.

² В «Этимологическом словаре русского языка», составленном А. Преображенским (т. 2. М., 1914, с. 12), это слово предположительно определяется как слово тюркского происхождения — * *панд-лік* (ср. в турецком и азербайджанском языках *панд* — «искусство, уловка, хитрый прием»).

их экспрессивность, сообщает им определенную «экзотичность».

Ограничение сферы употребления формы родительного падежа единственного числа на *-у* у существительных мужского рода побудило составителей академической грамматики русского языка вполне закономерно выделить в особый раздел употребление этой формы у существительных в компонентном составе устойчивых словосочетаний¹.

С окончанием *-у* в именных компонентах мы рассматриваем не все фразеологизмы, а лишь те, которые в этой форме в свободных словосочетаниях не употребляются (ср. с *миру по нитке*, но *народы всего мира*²; с *бору по сосенке*, но *запах соснового бора* и т. п.).

Рассматриваемые фразеологические единицы свойственны преимущественно разговорно-бытовому стилю современного русского литературного языка. Приведем несколько примеров:

«— Нет, пусть он послужит, да потянет лямку солдатскую, да *понюхает пороху*» (Пушкин. Капитанская дочка); «— А теперь не дам тебе *ни синь пороху*» (Т. П. Гнедич. Дерево жизни); «— Ни одежды, ни гроша медного, *ни синь пороху*. Все дочиста из дома повынесли» (Е. Карпов. Зарево); «Да, *пороху* он не выдумает,— снисходительно сказал Михаил» (О. Форш. Одеты камнем). «— Мне бы словечко вам сказать, матушка, с *глазу на глаз...*» (Мельников-Печерский. В лесах); «На него можно надеяться,— *из избы сору не вынесет*» (Достоевский. Игрок); «— Ефим Кузьмич — ничего, уже не свекор для Груши, а так себе — в чужой семье *сбоку припеку*» (В. Кетлинская. Дни нашей жизни); «— Кто это видел, чтобы *сбоку припеку* можно было что-нибудь путное сделать» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Казачи сумятились, про высочайший смотр *ни слуху, ни духу*» (Шолохов. Тихий Дон); «*Раз от разу* попытки его становились слабее» (Б. Полевой. Повесть

¹ См.: Грамматика русского языка. М., 1953, т. 1, § 215, с. 145.

² Существительное *мир* здесь имеет значение «земной шар, земля со всем существующим на ней», отличающимся от того, с которым оно употреблено во фразеологизме (см.: Словарь АН СССР, т. 6, с. 1033).

о настоящем человеке); «*Час от часу не легче*, — думал Родион. — Вот запутают меня...» (Н. Задорнов. Амур-батюшка).

Архаичные формы *-ови*, *-еви* дательного падежа единственного числа от основ существительных на *ѣ*, нашли свое отражение в именных компонентах устаревшего фразеологического выражения *кесарево кесареви, а божие богови* — «каждый заслуживает того, что ему положено», которое восходит к церковнославянскому — *воздать кесарева кесареви и божия богови*¹. Эти формы этимологически прослеживаются в измененном виде в адвербиализованных существительных *домой* и *долой*.

Во фразеологическом выражении *нашему теляти да волка поймати* — ироническое высказывание о явно непосильной задаче для кого-нибудь в каком-либо деле — сохранена архаичная форма дательного падежа от основ существительных на согласный (*-t*). Изредка это выражение встречается в художественной литературе. Например: [Прохор:] — «Вот соберу коллекцию [замков] и продам в музей за 25 тысяч. [Васса:] — Дай бог! *Нашему теляти да волка поймати!*» (М. Горький. Васса Железнова).

Беспредложный дательный падеж для выражения пространственных представлений являлся нормативным для древнерусского языка: «...идите съ данью *домови*, а я возвращюся, похожую и еще» (Лаврентьевская летопись).

В украинском и белорусском языках флексии дательного падежа *-у* (из основ на *-о*) и *-ови*, *-еви* (из основ на *-ѣ*) употребляются параллельно, что объясняется перенесением древних форм (например, *дубові*, *коневі*; перенесено с 3-го склонения). Различие в продуктивности форм старинных типов именного склонения в современном русском, украинском и белорусском языках объясняется нарушением связей между русскими и в дальнейшем белорусскими и украинскими землями в эпоху феодальной раздробленности [15, 72].

Любопытно, что существительное *дол* с нормативным окончанием *-у* в дательном падеже без предлога в русском языке в свободных словосочетаниях не встречается.

¹ См.: Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1955, с. 261.

Оно употребляется преимущественно во фразеологическом сочетании *опустить очи (глаза) долу* со значением «стесняться, смущаться» (ср. в украинском *понікнути долу головою* со значением «горевать, печалиться»).

Во фразеологическом сращении *кесарево кесареви, а божие богови*, возникшем на основе евангельского изречения «*Воздадите кесарева кесареви и божия богови*», удерживается старинная форма дательного падежа со значением адресата.

Рассматриваемое фразеологическое сращение встречается в художественной литературе как прошлого, так и нынешнего столетия, причем иногда с обновленными формами слов:

«Мы можем исполнять только те государственные законы, которые не противны божеским: *«Кесарю Кесареви, а божье богу»* (Л. Толстой. *Ходите в свету*); «— Господа почтенная компания!— сняв шляпу с головы, возгласил после молебна Кононов, низко кланяясь гостям.— Как теперь мы, так сказать, *воздали богу — богово*, то позвольте, дабы музыканты *воздали кесарю — кесареви»* (М. Горький. *Фома Гордеев*).

С архаичной формой дательного падежа единственного числа от основ существительных на -ѣ современному русскому языку известен еще один фразеологизм тоже церковнославянского происхождения, а именно: *довлеет дневи злоба его* со значением «хватает на каждый день своей заботы»¹ (ср. производное слово от этого фразеологизма *злбодневный* со значением «актуальный, важный»).

Это фразеологическое сращение сложилось на почве цитаты из евангельского текста и для современного русского языка является, несомненно, устаревшим. Тем не менее изредка оно встречается в художественной и публицистической литературе, например:

«Жизнь людей этих [купцов]... проходит размеренным шагом, разбитая на дни и недели, где к каждому *дневи довлеет злоба его*» (С. Максимов. *Сибирь и каторга*); «*Довлеет дневи злоба его* — этого никогда не нужно забывать при изучении истории человеческой мысли» (Плеханов. *Н. Г. Чернышевский*).

¹ Словарь АН СССР, т. 3, с. 865.

Иногда данный фразеологизм употребляется в своей вариантной форме с нормативным падежным окончанием (в компоненте *дневи*), например: «Каждому дню довлеет злоба его» (П. Вяземский. Старая записная книжка).

Арханчные формы винительного и творительного падежей единственного числа существительных мужского и женского рода от основ на *-о*, *-а*, *-ь* нашли свое отражение в именных компонентах фразеологических единиц: *выйти замуж, ударить оземь, (находиться...) между жизнью и смертью* и др.

Ограничение в употреблении старинной флексии творительного падежа начинается с конца XVII в. Уже в «Письмах и бумагах Петра Первого» окончание *-ию* осознается как специфически книжное. Слова в формах творительного падежа на *-ию*: *дщерию, ноцию, кровию, любовию, казнию* и подобные воспринимаются как устаревшие по сравнению с более употребительным окончанием *-ью*: *дочерью, ночью, любовью, казнью, кровью* и т. п.

Говоря о фразеологическом сращении *выйти замуж*, следует отметить, что его именной компонент осознается как наречие примерно с XV в. Именно тогда оно было изолировано новыми сложившимися формами падежных окончаний: форма винительного падежа одушевленного существительного стала тождественной форме родительного. В «Повести временных лет» еще употребляются старые пулевые формы винительного падежа, тождественные именительному падежу для одушевленных существительных: «Выпусти ты свой мужь, а я свой...».

Кажущаяся свобода употребления в современном русском языке наречия *замуж* (например, в сочетаниях со словами *хочу, надо, боюсь, пора* и т. п.) оказывается лишь мнимой свободой. Во всех словосочетаниях этого типа (*хочу замуж, боюсь замуж, пора замуж* и т. п.) предполагается опускаемый глагольный компонент *идти (выйти)*, в соединении с которым наречие *замуж* только и может быть употреблено, образуя устойчивое словосочетание.

Во фразеологическом сочетании *ударить оземь* — «в состоянии гнева, крайнего раздражения» предложно-падежная форма существительного подверглась

адвербиализации в еще более раннее время (оземь, очевидно, восходит к общеславянскому состоянию языка).

Примеры употребления указанных выше словосочетаний в художественной литературе и в печати:

«— Ты знала... зачем *замуж шла?*» (Шолохов. Тихий Дон); «— Брат погиб в начале войны, я *замуж вышла*» (Б. Лавренев. Разгром); «У нее [Марии] началась горячка и держала ее *между жизнью и смертью* более месяца» (А. Толстой. Граф Калиостро); «Бахметьев прославился как биолог, исследователь анабиоза, состояния, лежащего на грани *между жизнью и смертью*» (Между жизнью и смертью; «Комсомольская правда», 8.3.1960); «Царь посохом *ударил оземь*» (В. Костылев. Иван Грозный).

В целом ряде фразеологических единиц сохранены постепенно вышедшие из употребления формы предложного падежа у определенной группы слов от прежних основ на -о. Это связано с вытеснением у них исконной флексии -е окончанием -у от прежних имен существительных с основой на -ъ. Таковы, например, фразеологические единицы: (*погибнуть,..*) *во цвете лет*, (*трудиться,..*) *в поте лица*, *в ряде случаев*, *в виде исключения*, *в своем роде*, *ни в одном (едином) глазе*. Все существительные, входящие в состав этих фразеологизмов, в свободных словосочетаниях с флексией -е уже давно не употребляются; ср. *яблоня в цвету*, *весь в поту*, *в первом ряду*, *в нашем роду*, *на больном глазу*.

По степени образности и своему происхождению данные фразеологизмы неоднородны. Такие, как *в поте лица*, *во цвете лет*, *ни в едином глазе*, обладают метафоричностью, восходят к церковным текстам; другие же обусловлены традицией деловой речи и никакой особой метафоричностью не обладают. Многие из них стали штампами научного и книжного стиля: *в виде исключения*, *в ряде случаев* и т. п.

В настоящее время как первые, так и последние широко вовлечены в язык художественных произведений и публицистики, причем первые приобретают такие экспрессивные оттенки, которые ранее им не были свойственны, например экспрессию иронии. Приведем примеры:

«Один Толмачев, что называется, *ни в одном глазе*, и только хвастает в несколько более усиленных размерах, чем обычно» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); [Эта фраза] «... могла *погубить во цвете лет* близкое мне существо» (О. Форш. Одеты камнем); «Мне бы теперь работать, добывать хлеб *в поте лица...*» (Чехов. Письмо Н. А. Лейкину); «Коростылев заперся в кабинете и четыре часа *в поте лица* сочинял докладную записку» (В. Панова. Ясный берег).

Процесс вытеснения старых форм местного (предложного) падежа согласными *з, ц, с* в конце основы слов: *-зе, -це, -се*, возникших из *-ге, -ке, -хе* (например: *друзе, вълце, дусе*), развивался в языке с очень давней поры и был известен как склонению существительных мужского рода от прежних основ на *-о*, подвергнутому воздействию со стороны имен существительных от основ на *-ѣ*, так и склонению существительных женского рода от основ на *-а*, где старые формы в словах *нозе, руце, сносе* заменялись новыми.

Указанные формы, ставшие архаичными для русского языка, сохранились в украинском и белорусском, где заднеязычные в дательном и местном падежах остались смягченными (ср. *нози, руци, сноси* — в украинском; *на лузе, у горосе, у кажусе* — в белорусском).

Отмеченные архаичные формы в современном русском литературном языке употребляются лишь в составе таких фразеологических сращений, как *опочить в бозе* — «умереть, скончаться»; *в руце божией* — «во власти судьбы»:

«Бухгалтер *опочил в бозе*, подготовив себе достойных преемников» (В. Панова. Времена года); «Разглагольствования кругленького офицера были сродни взглядам давно *почившего в бозе* помещика князя Волконского» (Н. Попель. В тяжкую пору); «Царь казнит тех, на кого злобу держит, и в сердце его не волен никто. Сердце царево *в руце божией*» (А. К. Толстой. Князь Серебряный).

Многочисленные фразеологические сращения сохранили в своем составе пережиточные звательные формы существительных от основ на *-о, -ѣ, -ѣ, -а*, например: *избави боже, упаси господи, господи владыко, царю небесный, боже мой* и др.

Вытеснение звательного падежа именительным в истории именного склонения русского языка началось очень давно. В древних памятниках письменности русского языка встречается замена форм звательного падежа от различных основ (на -о, -ѣ, -а, -ь: *волче, сыну, сестро, господи*) формам именительного падежа. В XIV в., по мнению А. И. Соболевского, в великорусских говорах уже преобладала в значении звательного падежа форма именительного [22, 190].

У существительных в составе приведенных выше фразеологических сращений происходило «выветривание» реальных конкретных значений и закрепление за ними эмоций и волеизъявлений. Междоментные и модальные фразеологические единицы выражают не логическое суждение, а передают лишь содержание эмоций или отношение говорящего к высказываемой мысли. Приведем несколько иллюстраций их употребления в художественной литературе:

«Господи владыко, — простонал мой Савельич, — заячий тулуп почти новешенький. И добро бы кому, а то пьянице оголтелому» (Пушкин. Капитанская дочка); *«...Царю небесный! Так изволь-ка почитать, что пишет ко мне барин»* (Там же); *«— Но как вы мне аккомпанировали, боже мой!»* (Тургенев. Провинциалка); *«— Ну, смотрите. Только участие должно быть равным, без всякого, боже упаси, менторства с вашей стороны»* (К. Львова. Елена); *«— Буду смотреть, разговаривать, жить дачником, чтобы никто, боже упаси, не знал, что я писатель»* (С. Антонов. Девушка из Полесья); *«— Это для тебя наши товарищи такие всеобъемлющие резолюции пишут. Чтобы, боже упаси, не придрался к чему-нибудь»* (В. Овечкин. В том же районе).

Некоторые фразеологические сращения, которые содержат в своем составе отрицательные частицы, употребляются в значении «экспрессивных» отрицательных местоимений: *не приведи боже* («ни за что»), *ни боже мой* («нисколько»). С подобным значением категорического эмоционального отрицания мы встречаем их в следующих примерах:

«— Не давайте ему денег, ни боже мой, не давайте вперед!» (Г. Успенский. Власть земли); *«— Настоящего ума у вас — ни боже мой, меньше,*

чем у скворца» (Чехов. Ведьма); «Сел намедни со старухой чай пить, и *ни боже мой*, ни капельки, ни синь порох. Хлебнешь чуточку — и силы моей нету! В зубе так и ломит» (Чехов. Хирургия).

Во фразеологических сращениях междометного, модального и местоименно-отрицательного характера особенно важным фактором организации словесных значений и скрепления их в общее смысловое единство является интонация.

Поскольку междометные фразеологические единицы выражают содержание эмоций, а не содержание логического суждения, постольку с помощью различной интонации одноструктурный фразеологизм может передать несколько значений; например, *боже мой!* в разных контекстах может означать эмоцию восторга, удивления, досады.

§ 2. Фразеологические единицы с архаичными надежными формами двойственного числа

Современному русскому языку известны фразеологические единицы, удерживающие в своих именных компонентах формы существительных двойственного числа от прежних основ на *-о* и на *-а* в именительном, винительном и местном (предложном) падежах.

Мы имеем в виду фразеологические единицы *смотреть в оба [глаза]*, *хромать на обе ноги*, *держаться в обе руки*, *уписывать за обе щеки*, *убедиться (увидеть) воочию*, *показать воочию*. Предложно-надежные формы существительных в компонентах двух последних фразеологизмов подверглись адвербиализации, т. е. переходу в наречия.

Первые компоненты всех указанных фразеологических единиц не подвергаются каким-либо семантическим преобразованиям и выступают в тех значениях, которые им свойственны и в свободных словосочетаниях. «Фразеологичность» данных единиц создается семантически сдвигами в последующих компонентах и поддерживается некоторой архаичностью самих форм слов, из которых они состоят.

По степени семантической слитности все эти фразеологизмы можно отнести к фразеологическим сочетаниям. Их первым компонентам свойственна широкая возможность синонимических замен. Данные фразеоло-

гические сочетания обладают следующими значениями: *смотреть (глядеть, следить) в оба глаза* — «наблюдать очень внимательно, пристально, не упуская ничего из виду», *хромать на обе ноги (на оба колена)* — «иметь значительные пробелы в знаниях, в подготовке к чему-либо», о какой-либо работе, которая выполняется с перебоями и срывами, «быть совсем плохим, никудышным», *уписывать (уплетать) за обе щеки* — «есть с большим аппетитом, жадно», *держат в обе руки* — имеет значение категорического отказа выполнить что-либо, чье-либо распоряжение, *убедиться (увидеть) воочию* — «со всей очевидностью, наглядно убедиться в чем-либо, увидеть что-либо», *показать воочию* — «наглядно продемонстрировать; доказать что-либо»¹.

О формах двойственного числа, нашедших свое отображение в компонентном составе приведенных выше фразеологизмов, необходимо сделать несколько замечаний.

Если в дописьменный период двойственное число, по меткому выражению Ф. И. Буслаева, «проникало весь организм языка», то уже в древнерусский период его развития, к XV в., наблюдается полное отмирание этой грамматической категории. Оно обусловлено непрерывным, идущим все дальше и дальше процессом абстрагирующей работы человеческого мышления, которое тесно связано с изменением и развитием языковых форм. «Объединение и выражение единой формой любого количества предметов больше одного, противопоставление понятий «один» и «не один» (больше одного) свидетельствует о более высокой степени абстракции, чем та, при которой обозначаются особыми формами «один предмет», «два предмета» и «предметы в количестве больше двух» [15, 101].

Быстрее всего эти формы исчезали в спряжении глаголов, в склонении прилагательных и местоимений. В склонении существительных, где формы двойственного числа непосредственно поддерживались числительными *два* и *оба*, эти формы задержались дольше всего» [32, 172]. Так, например, в «Слове о полку Игореве» можно встретить такие словосочетания: «*Оба есве Святославича...*», «*оба багряная стлѣпа...*», «*два сокола слетеста...*».

Форма именительного и винительного падежей двойственного числа от основ на *-о* содействовала в русском языке образованию нового окончания во множественном числе *-а* для существительных мужского рода: *города, дома, леса* и т. д. вместо старого окончания *-ы* (*городы, дома, леса* и т. д.).

Остатками форм именительного и винительного падежей двойственного числа в русском языке являются, во-первых, некоторые наименования парных предметов: *глаза, бока, берега* и, во-вторых,

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 289, 497, 512. Толкование значений трех последних фразеологизмов предложено нами, так как в словаре они отсутствуют.

Словосочетания существительных с числительными *два* и *оба* (и по аналогии с ними с числительными *три* и *четыре*), например: *два стола, оба брата; в обе руки* (но *в две руки*), *в обе щеки* (но *в две щеки*). «Наш язык,— писал по поводу этих конструкций Ф. И. Буславев,— сохранив только некоторые формы двойственного числа и уклонившись от закона, на котором они основаны, дал числительным *два* и *оба* особенное синтаксическое согласование: 1) еще не совсем забыв, что эти слова остались в двойственном числе, он согласовал с ними существительные имена не во множественном числе, а в особой форме, хотя и сходной с родительным падежом единственного, однако напоминающей и окончания именительного падежа двойственного; например: *два стола, оба стола, две книги, обе книги*; 2) слова же определительные: местоимения и прилагательные, при существительных с такими же окончаниями, употребил во множественном числе и, вопреки общему правилу о согласовании, составил весьма странное сочетание слов, каково, например: «два человека сильные», «обе новыя книги»; и, наконец, 3) в противность как понятию о двойственном числе, так и законам согласования, синтаксические правила, касающиеся употребления речений *два, оба*, распространил на такие числительные, которые уже двойства не выражают, именно на *три* и *четыре*; например: *три стола, четыре стола*» [8, 27]. Причем согласование оказывается нарушенным в числе даже и в том случае, если употребить при этих словосочетаниях (*два мальчика, две книги*) прилагательные или местоимения в форме родительного падежа (*два больших мальчика*), так как в этом случае прилагательные и местоимения находятся в форме множественного числа, а существительные — в форме единственного числа родительного падежа, которая является переосмысленной формой именительного падежа двойственного числа.

По поводу функционально-грамматических особенностей словосочетаний типа *два мальчика*, которое А. А. Шахматов считал «с точки зрения современных синтаксических отношений... неразложимым» [29, 278], интересное замечание содержится в трудах по русской грамматике А. А. Потебни. «Значение «несколько»,— писал он,— покрыло собою значение двойственности в числительных *два, две* и значение множественности в *три, четыре* (ср.: «Те два человека прилетели» [21, 447].

В неразложимых словосочетаниях типа *два мальчика*, по мнению В. В. Виноградова, «связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она не понятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития» [9, 23]. В этих словосочетаниях складывается новое значение *ограниченного числа*, которое, как полагает А. М. Пешковский, «обозначает не один предмет, как единственное число, не два, как двойственное, и не безграничное, как множественное, а ограниченное количество в пределах от двух до четырех» [18, 439].

В синтаксически неразложимых словосочетаниях *два часа, два ряда, в два шага* и других о принадлежности форм существительных мужского рода к именительному и винительному падежам двойственного числа свидетельствует и их окончное ударение (ср. формы родительного падежа единственного числа: *ряда, шага, часа* и т. п.). Что касается числительных *два* и *оба*, то они сами по себе являются «продуктом» грамматической категории двойственности. Сдвиг ударения с окончания слова, что характерно для двойственного числа, на основу слова в числительном *оба* может иметь следующее историческое объяснение: числительное *оба* «могло восходить к более старой форме *оба-дѣва*; побочное ударение, приходившееся на первый слог первой части этого сложного слова, затем, при изоляции ее, стало основным» [7, 123]. Такая форма числительного и сейчас употребляется, например, в украинском языке: *оби — два* (ср. *дивитися в обидва* и *глядеть в оба*).

В устойчивых словосочетаниях *за обе щеки (уписывать), на обе ноги (хромать)* ударение у этих существительных женского рода также свидетельствует о необычности данных падежных форм, об их отличии от форм родительного падежа единственного числа (ср. *ноги, щеки* и т. д.).

Относительно архаичной формы существительного *око* в местном падеже двойственного числа (*во очю*) следует заметить, что она сохранилась в компонентном составе фразеологических единиц *увидеть воочю* и *показать воочю*, очень рано подвергшись процессу адвербиализации.

Хотя процесс разрушения грамматической категории двойственного числа был в основном завершен к XVI в., родительный и местный падежи двойственного числа существительного *очи (очью, во очью)* еще встречались в свободных словосочетаниях XVI—XVII вв.; ср. «Навертаться емоу *очю* слезы...». «от сердц и *очю* наших...» (Из Псалтыри XVI в.). В «Житии Протопопа Аввакума» 1672 г. встречаем: «На тех же горах гуляют звери многис дикие... *в очю* нашу, а взять нельзя». Но уже для Петровской эпохи, по мнению П. С. Кузнецова, *во очю* является архаизмом, не находящим себе поддержки в живом языке [15, 107]. К этому же периоду относится, очевидно, и переход предложно-падежной формы существительного в наречие. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова 1755 г. *воочю (воочью, а иногда во очу)* определяется как наречие, образованное соединением имени и предлога.

Большинство из указанных в начале данного параграфа фразеологических единиц, сохранивших в своем

компонентном составе архаичные формы двойственного числа, относятся к разговорно-бытовому стилю: *глядеть и оба, хромать на обе ноги, уписывать за обе щеки*. Фразеологическое сочетание *держи в обе руки* является просторечным. Попутно отметим, что в его глагольном компоненте используется лишь форма повелительного наклонения, другие глагольные формы не употребляются. Фразеологические сочетания *показать воочию* и *увидеть воочию* по своей синтаксической принадлежности являются фразеологизмами книжно-публицистического характера.

Приведем примеры употребления данных фразеологических сочетаний в периодической печати и произведениях художественной литературы.

«— Смотри сынок,— говорил старый пескарь, умирая,— коле хочешь жизнью жуировать, так *гляди в оба!*» (Салтыков-Щедрин. Премудрый пескарь); «— *В оба глаза* за ними *смотреть*; а то они вас в момент пришить могут» (К. Седых. Даурия); «— Стой тут и *смотри в оба!* — сказал старшина, засекая на часах время» (Б. Полевой. Разведчики); «Заглянула [Арина Петровна] в погреб, а там Юлька с Фенькой так-то *за обе щеки уписывают*, так-то *уписывают*» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «Пошарив кругом, он ощупал на столе краюху хлеба и принялся *убирать ее за обе щеки*» (А. К. Толстой. Князь Серебряный); «Заводское хозяйство начало *хромать на обе ноги*, и заводы, по всей вероятности пошли бы с молотка» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «— Наши дела *хромают на обе ноги...* Вы мне задолжали за два месяца, и я не могу заплатить за квартиру» (А. Н. Толстой. Делец); «*Воочию убедились* они, что партизанами руководят большевики» (К. Седых. Даурия); «*Показав воочию*, как не могли переговоры привести ни к чему, Сазонов завершил свою речь тревогой за судьбу России» (Сергеев-Ценский. Пушки заговорили); «В те дни автор этих строк находился в Бонне и мог *воочию убедиться*, что наскоки на идею нераспространения ядерного оружия вылились прямо-таки во взрыв националистической истерии» (Н. Полянов. След от торпеды; «Известия», 28. 5. 1967).

§ 3. Фразеологические единицы с архаичными падежными формами множественного числа

Фразеологические единицы, сохранившие в своих именных компонентах архаичные формы винительного падежа множественного числа существительных от прежних основ на *-o* и на согласные *-s*, *-t*, по своей структуре и природе выражаемых значений образуют следующие группы: 1) с определением в предложно-падежной форме именного компонента — *в кои веки*, *в кои-то веки*, *ни в кои веки*, *на веки вечные* и по аналогии с предыдущими *в кои годы*, *в кои-то годы*; 2) с глагольным компонентом и определением к именному — *жить (стоять) аредовы веки*¹, *было (происходило) в адамовы веки*; 3) из двух существительных в разных падежных формах — *руки в боки*, *ни во веки веков*; 4) состоящие из глагольного и именного компонентов — *хватать верхи*, *плести словеса*.

В свободных словосочетаниях существительные мужского рода в винительном падеже множественного числа употребляются с более новым и ставшим для определенной группы слов нормативным окончанием *-а(-я)*: *на все века*, *на долгие года*, *на верха домов* и т. п.

Форма *-а(-я)* возникла сравнительно недавно. Достоверные примеры этой формы в старинной московской письменности можно обнаружить не раньше XVI столетия, и даже в письменности первой половины XVII в. они еще единичны. В такой большой книге, как «Уложение» 1649 г., П. Я. Черных отмечает только единственный случай: *леса* [25, 158].

В XVIII—XIX вв. форма *-а(-я)* у существительных мужского рода в винительном и именительном падежах множественного числа употребляется более интенсивно. Постепенно эта форма становится нормативной. Прежние формы винительного падежа *-и (-ы)* теперь воспринимаются как архаизмы для целого ряда существительных и сохраняются лишь в устойчивых словосочетаниях.

Существительные *слово*, *теля*, *тело*, *небо*, *чудо*, *око* и другие, преимущественно среднего рода, относившиеся к старому типу склонения с основами на согласные (*-s*, *-t*, *-n* и др.), еще в древнерусский период стали переходить в склонение с основой на *-o*. Этот переход осуществлялся двойным путем.

У существительных среднего рода с основой на *-s*, например *слово*, *тело*, *небо*, *чудо*, *око*, утрачивалось сочетание *-es* в косвенных падежах, представлявшее собой конечные звуки прежней основы, а окончание *-o*, возникшее из *-os*, в именительном и винительном падежах отождествлялось с окончанием *-o* у основ существительных

¹ Во «Фразеологическом словаре» значение фразеологизма (*жить*) *аредовы веки* определяется словами «очень долго», а сам фразеологизм квалифицируется как устаревший (с. 58).

на -о, которое раньше было концом основы таких слов среднего рода, как *село, окно*, но впоследствии стало окончанием. Вместо прежнего типа склонения *слово — словесе — словеси* и т. д. формировалось таким образом склонение по типу *слово — слова — слову...* (одипаковое с типом *село — села — селу...*).

В других случаях сочетание *-es*, являвшееся в косвенных падежах концом основы, распространялось и на именительный падеж, а к конечному звуку основы слова *-s* присоединялись окончания, свойственные склонению существительных с основой на *-о*, и на месте прежнего склонения типа *коло — колеса — колеси* и т. д. устанавливалось склонение типа *колесо — колеса — колесу* и т. п.

Во множественном числе существительные *слово, тело* стали склоняться по типу *село*, например *словá, слов, словам* и т. д., в отличие от существительных *небо* и *чудо*, которые сохранили прежние особенности склонения: *небесá, небес, небесáм* и т. п. Существительное *тело* во множественном числе в современном русском языке, наряду с основными нормативными формами в именительном, родительном, винительном и творительном падежах *телá — тел — телáми*, имеет еще и другие формы *телеса — телес — телесами*, свойственные старому типу склонения. В этих формах оно обычно используется с особым ироническим значением. Например: «— У тебя прежде *телеса* были,— допрашивал он [Папков] ее [Любиньку],— сказывай, куда ты их девала?» (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Рассматриваемые фразеологические единицы преимущественно являются единицами книжного стиля и широко используются в художественной литературе. Приведем несколько примеров.

«По обычаю всех честолюбцев, понесся он [Чичиков] в Петербург... *схватывать верхи* бесцветного, обманчивого образования» (Гоголь. Мертвые души); «И. И. Панаев, человек добродушный, но крайне легкомысленный и способный *схватывать* одни лишь *верхи*, уцепился за некоторые смешные выражения «Деревни» [Д. В. Григоровича] и стал поднимать на смех всю повесть» (Тургенев. Литературные воспоминания); «Постройки все... были очень ветхи и *стояли*, по-видимому, *аредовы веки*» (Лесков. Печерские антики); «Дорофее стало неловко беспокоить людей, которые *в кои веки* могут после работы побыть дома вдвоем» (В. Панова. Времена года); «И ему [Пастухову] было даже неловко, что читателю брошюрки, повстречавшему, наверно, *в кои-то веки* живого да еще петербургского литератора, так и не услышать от него ни одного занятого слова» (Федин. Необыкновенное лето); «...И рудной меди там не ископать *во веки веков*» (Е. Федоров. «Демидовы»); «— Какой-нибудь разночинец выскочит грамотней

отца да и пойдет перед ним *руки в боки!*» (О. Форш. *Одеты камнем*); «— Не верю! Слышал как ты со своим уполномоченным по нашей губернии в трубку разговаривал. Такие *плел словеса!* — Фрол Петрович отчаянно замотал головой» (Н. Вирта. *Одиночество*).

Несколько фразеологических единиц русского языка устойчиво сохраняют именные компоненты с архаичными нулевыми окончаниями родительного падежа множественного числа от прежних основ существительных на *-о* и на *-а*.

Во фразеологическом выражении *бодливой корове бог рог не дает* — «тот, кто мог бы злоупотребить своим положением в достижении какой-либо цели, к счастью не получает возможности осуществить желаемое» существительное *рог* находится в устаревшей падежной форме от основ на *-о*, давно вытесненной в свободных словосочетаниях окончанием *-ов*, которое является нормативным (ср. *боков, рогов* и т. п.).

Во фразеологических единствах *игра не стоит свеч* — «затрачиваемые на что-либо усилия и средства никак не оправдываются» и *игра стоит свеч* — с противоположным значением — «вложенные во что-либо усилия и средства должны себя полностью, с лихвой оправдать» существительное *свеча* находится в устаревшей падежной форме от основ на *-а* (*свеч*), замененной в современном русском языке окончанием *-ей* у целого ряда подобных существительных (ср. *вожжей, свечей*¹ и др.).

В древнерусском языке существительные от основ на *-о* в форме родительного падежа множественного числа имели окончания для твердого и мягкого типа склонения *-ѣ* и *-ь*, например *нет столѣ, нет конь*. Глухие гласные звуки *ѣ* и *ь*, оказываясь на конце слов в слабом положении, выпадали, и таким образом форма родительного падежа получала «нулевое окончание»: *десять пуд, пять аршин*. Но уже начиная с XI в. у существительных мужского рода в твердом типе склонения вместо прежнего нулевого окончания возникает окончание *-овѣ* (впоследствии *-ов*), заимствованное из склонения существительных от основ на *-ѣ* (*сынов*), а в мягком типе склонения примерно с XIII в. появляется окончание *-ей* (*-ий*), заимствованное из склонения существительных от основ на *-ь* (*гостий* > *гостей*).

Постепенно в русском языке в склонении существительных мужского

¹ На нормативность формы *свечей* и «необычность» формы *свеч* в составе фразеологизма обращается внимание в словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959, с. 525).

ского рода от бывших основ на *-о* устанавливается современное соотношение окончаний в твердом и мягком различии родительного падежа множественного числа *-ов, -ей*, например *волков, коней*.

Сфера языка представляет собой своеобразную арену, где перекрещиваются самые различные направления в создании и изменении различных типов склонения. «Линия создания нового типа то осуществляется тотально, то лавирует между линиями сопротивления и приводит к созданию типа с более или менее ограниченной сферой... В истории русского языка некогда создавался новый тип родительного падежа множественного числа в склонении на *-о*, сравни *волков* вместо старого *вълкъ*. Слова, обозначающие парные предметы, сопротивлялись этому изменению. Отсюда, например, такая аномальная форма, как *сапог, чулок, глаз* вместо *сапогов, чулков, глазов* и тому подобных. Наличие линий сопротивления приводит к тому, что сферы распространения типовых изменений оказываются неодинаковыми» [45, 9]. Так, например, помимо парных существительных, нулевое окончание в современном русском языке удерживает и ряд других существительных мужского рода.

В то же время интересно отметить, что отдельные слова, теперь употребляющиеся только в родительном падеже множественного числа с окончанием *-ов*, в первой половине XIX в. были известны еще с нулевым окончанием, например слово *пуд* (ср. «А в те поры все важны в сорок пуд»; Грибоедов. Горь от ума; «Как будто с него разом свалилось десять пуд»; Гоголь. Нос), и, напротив, существительные, употребляющиеся сейчас в нормативных «нулевых» формах, были известны тогда и с окончанием *-ов*, например *волосов, сапогов* (ср. «И кудри черных волосов упали тучей по плечам»; Жуковский. Суд в подземелье, 1834 г.).

Окончание *-ей* (<*ий*) родительного падежа множественного числа от основ существительных на *-ь* (*костей*) получает свое распространение в склонении существительных с основами на *-а* сравнительно в более позднее время, чем с основами на *-о*, а именно начиная со второй половины XVII в. С этим окончанием в деловой речи Петровской эпохи встречаются, например, такие слова: *деревней, каланчей, песней, тысячей* и др.

Особенно продуктивным становится употребление этого окончания после шипящих звуков в конце основ слов. «Связь мягкого женского склонения, имеющего именительный падеж единственного числа на орфографическое *-я* (*песня*) или на *-а* после шипящих (*роща*), с женским склонением на мягкий согласный была в первой половине XIX в. в ряде слов теснее. Она сказывалась в том, что родительный падеж множественного числа относительно многих слов, теперь выступающих в этой форме с нулевым окончанием, еще употреблялся или исключительно, или допускал параллельное окончание *-ей*» [6, 70]. В качестве иллюстрации в книге Л. А. Булаховского приводятся такие формы слов: *вельможей, рощей, афишей* и другие (ср. «Счастливы он, и втрое боле всех вельможей и царей»; Батюшков, 1810; «И зелень рощей и полян сливалась с твердью голубой»; Козлов, 1822).

У существительных женского рода после шипящих звуков в основе слов нулевое окончание родительного падежа множественного числа осознается все более архаичным: *юнош* вместо *юношей*, *свеч* вместо *свечей*,

вожж вместо *вожжси* и т. д. По определению Е. Ф. Будде, «они уже вымирают в современном языке» [5, 42].

Указанные выше фразеологические единицы с архаичными надежными формами своих именных компонентов *игра не стоит свеч*, *игра стоит свеч* и *бодливой корове бог рог не дает* по своей стилистической принадлежности имеют разговорно-бытовой характер и широко используются в художественной литературе. Приведем примеры.

«— А кто нынешней весной в Астрахани всю икру и рыбу хотел скупить?.. А?.. Ну-ка, скажи! Да, видно, *бодливой-то корове бог рог не дает*» (Мельников-Печерский. На горах); «— Может, ее отправить в лазарет к Спиртову?— предложил Фирсов.— Для охраны придется назначить четырех солдат и двух жандармов. *Игра*, как говорится, *не стоит свеч*, господин полковник,— пояснил ротмистр» (А. Степанов. Семья Звонаревых); «— В случае успеха операции, глядишь, обует весь отряд на зиму. *Игра стоит свеч*, капитан!» (П. Прокурин. Исход); «Столбов за это возьмется только при условии, что *игра стоит свеч*» (В. Аксенов. Коллеги).

Архаичная форма существительных от прежних основ на -о в дательном падеже множественного числа сохранена в именном компоненте фразеологических единиц: *поделом вору и мука*, *поделом ему* (Вам, ...), *поколе бог грехом терпит*.

В XVII и начале XVIII в. это окончание (-омъ) было еще употребительным, оно встречалось у существительных в свободных словосочетаниях. Так, например, в «Житии протопопа Аввакума» мы находим: «*Рабомъ* божним побиенным вечная память...» (1673 г.); в проповедях Феофана Прокоповича: *врагомъ*, *селомъ*, *мостомъ* (1716 г.); в письмах и бумагах Петра Первого: «... и протчим *войскомъ* немедленно итти повелимъ» (1718 г.).

В современном русском языке предложно-надежная форма существительного, подвергшаяся переходу в наречие, известна во фразеологическом употреблении (*поделом ему*, *поделом Вам*) и не встречается в свободных словосочетаниях.

Фразеологические единицы *поделом вору и мука*, (*и*) *поделом ему*, (*и*) *поделом Вам* обладают экспрессивным

оценочным значением «так и надо», «по заслугам»¹. Они встречаются в нашей повседневной речи, в печати и в художественной литературе:

«— Вот теперь и казись, *поделом вору и мука*, сама себя раба бьет, коль нечисто жнет» (Мельников-Печерский. На горах); «*Поделом Вам*, пересмешники, лыком шитые купцы» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Затем появился писатель Винниченко. Его в сатирических журналах города, не медля ни секунды, назвали изменником. *И поделом ему...*» (М. Булгаков. Белая гвардия); «Он опять читает нотации. И я сама знаю: *поделом мне*, но от этого не легче» (Как трудно быть серьезной; «Комсомольская правда», 13.3.1967).

Фразеологическое сращение *пока бог грехом (моим) терпит*, возникшее из клятвенной формулы церковного происхождения, используется в языке художественной литературы значительно реже:

«— Слава богу, живем *пока бог грехом терпит*» (А. Островский. Не в свои сани не садись); «— Пока во мне останется хоть капля крови, *пока бог терпит грехом моим...* последний вздох отдам за тебя, моего друга!» (Гончаров. Обыкновенная история).

В именном компоненте фразеологического сращения *лечь костьми* сохранено старое окончание творительного падежа множественного числа существительных от прежних основ на *-ь*.

В древнерусском языке флексия творительного падежа множественного числа *-ьми* была весьма продуктивной и оказывала влияние на другие типы склонения. Так, например, ее влияние испытывали существительные от основ на *-о*: *мужьми, коньми, ножьми*. В дальнейшем при склонении существительных женского рода на мягкий согласный или отвердевший шипящий окончание *-ьми* творительного падежа множественного числа употребляется реже. Лишь иногда теперь встречаются такие формы слов, как *лошадьми, дочерьми, печьми*, в то время как у писателей XVIII и начала XIX в. их можно было обнаружить чаще. Ср. «Тогда бы дни мои я *радостьюми* считал» (Батюшков, 1810 г.), *прихотьми* (Тати-

¹ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 651.

щев, 1733 г.), *предельми* (Кантемир, 1729 г.)¹. В наши дни эти формы творительного падежа множественного числа вышли из употребления.

Фразеологизм *лечь костью* с экспрессивным значением «пасть в бою», «погибнуть»² широко употребителен в художественной литературе. Приведем примеры:

«Выходит, что любящее сердце — вещун... Мог вполне просто *лечь костью* среди Невского», (Б. Лавренев. Разлом); «Десятки немецких танков были разбиты или сожжены за день боя, сотни немцев *легли костью* перед обороной полка» (М. Бубеннов. Белая береза); «— Нас немного, поэтому, может, и придется *лечь костью*. Такова наша доля!» (В. Федоров. Каменный пояс).

Архаичные формы местного (предложного) падежа множественного числа *-ехъ* с изменением *к — ц* в основе слов сохранились в составе фразеологических единиц: (*сделаться, ...*) *притчей во языцех, темна вода во облацех (воздушных)*; (*мир на земле*) *благоволение в человецех; Еда и Саул во пророцех, притча во языцех*.

Окончание местного падежа множественного числа *-ехъ* у существительных с прежней основой на *-о* было употребительным еще в русском языке XVI—XVII вв. Ср. «И се бысть ся о пасть, *языцехъ* реченное» (Слово о законе и благодати митрополита Илариона, 1631 г.); «Егда еще был в *попехъ*, прииде ко мне исповедатися девица...» (Житие протопопа Аввакума, 1672); в московском деловом языке: *при походехъ*, в *годехъ* и т. п., а также в пословицах и поговорках того времени: «*сказаться в нетехъ*», «*на крылехъ ветра*», «не бежи друга в злыхъ *днехъ* лежаща», «не бывать попу в *холопехъ*, а холопу в *попехъ*» и т. д.

Впоследствии окончание *-ехъ* было вытеснено формой местного падежа множественного числа существительных женского рода *-ахъ* от прежних основ на *-а*, и для всех трех родов во множественном числе установилась единая флексия: *женахъ, летахъ, годахъ*. Уже в «Путешествии» А. Н. Радищева в соответствии с установившейся нормой в литературном русском языке второй половины XVIII в. употребляются окончания *ахъ (-яхъ)*, и лишь в единичных случаях встречаются архаичные формы: *во градехъ, на крылехъ, по чадахъ*.

Фразеологические сращения *стать (сделаться) притчей во языцех* и *темна вода во облацех (воздушных)*

¹ См.: Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века, с. 64.

² Фразеологический словарь, с. 226.

имеют значения «стать предметом общих разговоров» и «неясно, непонятно»¹.

Возникшие первоначально в сфере церковнокнижного употребления, они в дальнейшем были вовлечены в стили художественной литературы и разговорно-бытовой речи. Так, например, у Фонвизина в комедии «Недоросль» мы находим фразеологическое сращение *притча во языцах* в таком диалоге: Цифиркин: Эка картина! Кутейкин: *Притча во языцах!* Вральман: Чему вы зубы-то скалите?

Оба фразеологизма часто встречаются в литературе XIX—XX вв.:

«Он стал какою-то *притчей во языцах* чиновников и на долгое время доставил им материал для развлечений» (Успенский. Нравы Растеряевой улицы); «Зачем дорога построена... где и какую питательную ветвь надо провести, все это для него — *темна вода во облацах*» (Салтыков-Щедрин. Праздный разговор); «Это, брат, еще *темна вода во облацах*, что тебе министры скажут...» (Писемский. Люди сороковых годов); «В управлении сельского хозяйства он [Демушкин] уже стал *притчей во языцах*» (В. Овечкин. Трудная весна); «Извозничья гора, наверно, долго еще *будет притчей во языцах*, долго еще будет тут ютиться разная шпана» (П. Нилин. Испытательный срок).

Менее продуктивны по степени употребления фразеологические сращения: [*мир на земле*] в *человецех благоволение* и *Еда и Саул во пророцех*, тоже возникшие первоначально из библейских и евангельских цитат: первое со значением «всеобщее благоденствие», а второе обозначает крайнюю степень удивления, изумления.

Некоторые примеры из художественной литературы:

«Милосердный боже, и ты это видишь и терпишь! И Белоярцев в либералах! *Еда и Саул во пророцех!* (Лесков. В Москве); «Меня поразило, особенно после Берлина, полное отсутствие просящих нищих. Думал, *во человецех благоволение*. Оказалось другое, какая-то своеобразная этика парижских нищих» (Маяковский. Париж).

Старинное именное склонение, отраженное фразеологическими единицами современного русского литератур-

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 73 и 358; Словарь АН СССР, т. 11, с. 821 и т. 15, с. 257.

ного языка, можно показать на таблице архаичных падежных форм (от древнерусских основ на *-а*, *-о*, *-ѣ*, *-ѣ*, *-ес* и др.):

Единственное число	Множественное число
Им. —	<i>разумейте языц-ѣ (<и)</i>
Род. <i>раз от раз-у,</i> <i>час от час-у</i>	<i>гора с плеч свалилась,</i> <i>игра не стоит свеч,</i> <i>бодливой корове бог рог не дает</i>
Дат. <i>кесареву кесар-евѣ,</i> <i>а богово бог-овѣ;</i> <i>нашему тел-яти,</i> <i>да волка поймати</i>	<i>по-дел-ом вору и мука,</i> <i>поколе бог грех-ом терпит</i>
Вин. <i>выйти за-муж,</i> <i>ударить о-земь</i>	<i>выйти в люд-и,</i> <i>плести слов-ес-а,</i> <i>хватать верх-и,</i> <i>показать плеч-а,</i> <i>жить аредовы век-и,</i> <i>руки в бок-и, глаза в потолоки</i>
Тв. <i>между жизн-ию и смерт-ию,</i> <i>воздать сториц-ю</i>	<i>лечь кость-ми</i>
Местн. (предл.) <i>в пот-е лица,</i> <i>опочить в боз-е</i> <i>в руц-е божией</i>	<i>притча во языц-ех,</i> <i>темна вода во облац-ех,</i> <i>мир на земле, в человец-ех</i> <i>благоволение</i>
Зв. <i>бож-е мой, избави бож-е,</i> <i>не приведи господ-и,</i> <i>цар-ю небесный,</i> <i>господ-и владык-о,</i> <i>врач-у, исцелися сам</i>	
Двойственное число	
Им.— Вин. <i>два ряд-а, два час-а,</i> <i>в оба глаз-а, на обе</i> <i>ног-и</i>	
Род.— Местн. <i>увидеть во-оч-ию,</i> <i>убедиться во-оч-ию</i>	

Неизмеримо возрастает роль фразеологии для реконструкции доисторического состояния языка, не засвидетельствованного памятниками письменности, поскольку здесь ее данные становятся чуть ли не единственным надежным объектом исследования.

В качестве примера можно привести устойчивое словосочетание *ударить оземь*, где сохранилась старинная предложно-падежная форма существительного *земь*, подвергшаяся адвербиализации. Ни в этой падежной форме, ни в других данное существительное не засви-

детельствовано в памятниках древнерусской письменности.

Старинная форма винительного падежа существительного *земь*, сохранившаяся в составе указанного словосочетания, является единственным показателем грамматического облика данного и подобных слов от основ на *-ь* (*-i̇*) в общеславянскую эпоху; ведь «если некоторая форма употребляется только в застывших выражениях, в то время как употребление ее синонима является свободным, эта форма (*оземь, наземь.— Р. П.*), очевидно, представляет более древнее состояние» [37, 401].

Глава 6

Фразеологические единицы с архаичными глагольными формами

§ 1. Фразеологические единицы с глагольными формами аориста, имперфекта и плюсквамперфекта

Прежде всего обращает на себя внимание группа фразеологических сращений, глагольные компоненты которых содержат формы аориста: [*вкушая*] *вкусих мало меду* [*и се аз умираю*]; *еже писах — писах; прильпе язык к гортани; погибоша аки обри; своя своих не познаша; и разодраша ризы его* [*и об одежде его меташа жребий*]; *последняя быша горше первых* и др. Надо отметить, что почти все перечисленные фразеологические единицы не являются достоянием активного запаса фразеологического состава русского языка.

Приведем примеры их использования в художественной литературе:

«Мы, чиновники, руки по швам, *прильпе язык к гортани*, а Дмитрий Никитич наш сидит с губернатором» (Писемский. Фанфарон); «Они женились на «магдалинках», лишь бы получить сто рублей, но по иронии судьбы *последняя быша горше первых*» (Лесков. Владычный суд); «А на венчике будто можно было читать подпись: «*Вкушая, вкусих мало меду и се аз умираю*» (Лесков. Привидение в Инженерном замке); «Тенористый вахлячок, напротив, говорил с невозмутимым спокойствием и таким тоном, каким, вероятно, Пилат произнес свое *еже писах — писах*» (Лесков. Островитяне); «Увидев Жуковского, я, несмотря на все усилия, не мог произнести звука, как говорится, *прильпе язык к гортани*» (Тургенев. Заметки); «Поступок дворянина с дворянином объявили бестактным... *своя своих не познаша*» (Достоевский. Бесы); «Обычно молчаливый Голубев не выдержал и заявил:— Как говорится, *и разодраша ризы его и об одежде его меташа жребий*» (Н. Ильина. На чуж-

бине); «Огромная немецкая армия подошла к Волге и исчезла, *«погибоша аки обри»*... (А. Толстой. В час добрый!).

Более продуктивны по степени своего употребления в разных стилях современного литературного языка фразеологические сращения с формами имперфекта в своих глагольных компонентах: *одним махом семерых (всех) убивахом, еле можахом(-у), ничтоже сумняшеся (сумняся)* и др.

Примеры употребления их в художественной литературе весьма многочисленны:

«И все это они делали *ничтоже сумняшеся*, и дешево, и скверно» (Лесков. Котин и Платонида); «Вернувшись домой только в шесть часов утра, *еле можахом*, он, не раздеваясь, растянулся на старом клеенчатом диване» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «Для нее ясна была эта красивая смелость современного человека, с какою он, не задумываясь и *ничтоже сумняся*, решает большие вопросы и строит окончательные выводы» (Чехов. В сумерках); «Вот это и хорошо! Ты по виду совершеннейшая девица! — вразумительно сказал Свистунов и посоветовал: Одеть тебя в платье, и всякий за девицу примет, *ничтоже сумняшеся*. Понял?» (Е. Федоров. Каменный пояс); «В переводе с языка кимбуиду, «каньянчулу» (самодельное ружье) значит приблизительно *«одним махом семерых убивахом»* (А. Сербин. Горизонты солнечного континента); «Мы не можем вести себя так, как будто *одним махом всех побивахом*, — сказал начальник» (П. Нилин. Жестокость); «Но когда нужны объективные доказательства, он [Мах] и в философии, *ничтоже сумняшеся*, использует материалистические понятия» (К. Львова. «Елена»).

Большинство приведенных выше фразеологических сращений сформировалось на основе цитат из древних церковных текстов, сохранив архаичные элементы в своей структуре. «Целостным идиоматическим единством, — писал В. В. Виноградов, — является всякое грамматически или лексически немотивированное (с точки зрения современной системы) словосочетание, вводимое в литературную лексику как «чужеродное тело», как «цитата» из древнерусского языка или диалекта» [34, 537].

Группа фразеологических сращений, возникших первоначально из церковных текстов, прежде была более широкой, чем теперь; ср. *отверзошася хляби небесные* (шуточное выражение о проливном дожде; возможно, из библейского мифа о всемирном потопе), *им же жена владе, помре волею божией, уста твои глаголиша гордыню согреших, яко прославихся*.

Так, в книге «Русские пословицы XVII века» И. М. Снегирев приводит выражения: «Спереди блажен муж, а сзади вскую шаташася» (1831 г., кн. 1, с. 168); «Горе мужемъ, им же жена владе» (1832 г., кн. 3, с. 245).

В определенных стилистических целях (индивидуализируя речь Кутейкина) Д. И. Фонвизин в «Недоросли» насыщает речь персонажа оборотами церковнокнижного происхождения: — Кутейкин (Вральману): *Уста твои всегда глаголаша гордыню!* Кутейкин (потупя голову): *Посрамихся окаянный!*

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева встречается фразеологическое выражение *согреших, яко прославихся*, а в «Медведе на велосипеде» Салтыкова-Щедрина — *волею божией помре*.

Обороты церковнокнижного происхождения иногда можно встретить в современной литературе. Однако они не являются и, видимо, не являлись регулярными, воспроизводимыми речевыми единицами, а потому их нельзя отнести к устойчивым сочетаниям слов. В «Любови Яровой» К. А. Тренева мы встречаем их, например, в таком диалоге:

— Закатов: «Я звал вас на Москву, *вы же*, маловеры, *усомнишеся*».

— Чир: «Исповем богу единому, судящему ныне богатых и нечестивых. Писано бо: *«Во утрие избивах вся грешные земли»*.

Интересно отметить, как по мере вовлечения в язык художественной литературы и стили разговорной речи, фразеологизмы рассматриваемой группы все более порывали связь с тем церковным контекстом, из которого они выделились и начали самостоятельную жизнь в языке в качестве воспроизводимых устойчивых единиц.

Так, например, фразеологизм *прильпе язык к гортани* встречается в памятниках XIII в. со значением клятвы и, несомненно, взят из библейских текстов. В «Псалтыри Симонова монастыря» (1280 г.) он при-

водится в такой форме «*Прильпе язык мой горѣтани моемъ*» (И. С. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 3, ст. 1646). Этот фразеологизм еще в XIX в. довольно часто подавался в том «библейском» окружении, от которого он впоследствии отделился: «Дома нет, за Волгу уехала! — громко повторил Викентьев. — Да *прильпе язык твой к горѣтани*, зане ложь изрыгает!» (Гончаров. Обрыв). У современных писателей фразеологизм принимает уже совсем иное значение¹, характеризующее внутреннее состояние человека. Нередко обновляется и сама форма его глагольного компонента: «Я несколько раз собирался остановить первого встречного и заговорить с ним. И в самую последнюю минуту *язык мой прилипал к горѣтани*» (А. Чаковский. Это было в Ленинграде); «Иван сел на стул, *язык его прилип к горѣтани*, вихрем понеслись думы в голове, одна другой шальнее» (Н. Кочин. Парни).

И совсем в обновленном виде встречаем этот оборот в следующих произведениях:

«Мне бы ответить ему достойно, в качестве кого, мол, поеду, ради чего же дело бросать, а *язык будто к горлу прилип*» (В. Шапошникова. Вырвалась; «Наука и религия», 1959, № 1); «И вдруг Ксения Афанасьевна обратилась к нему с неожиданной просьбой... Тут у старика *язык присох к горѣтани*» (К. Федин. Первые радости); «Чуть начнешь намекать, — поглядит как на чужого, одним взглядом *язык к нѣбу приморозит*» (Г. Николаева. Повесть о директоре МТС и главном агрономе).

[*Вкушая*] *вкусих мало меда, еже писах — писах*, *своя своих не познаша, ничтоже сумняся* и другие фразеологические обороты тоже претерпевают различные изменения.

Так, например, фразеологизм [*вкушая*] *вкусих мало меда* в ходе постоянного употребления в речи утратил вторую часть *и се аз умираю*. Именно в такой эллиптической форме он встречается в художественной литературе.

¹ Значение этого фразеологизма во «Фразеологическом словаре» (с. 541) и в «Словаре АН СССР» (т. 11, с. 563) определяется так: «потерять способность говорить», «замолчать от неожиданности, страха или удивления».

Фразеологическое сращение *своя своих не познаша* восходит к евангельскому тексту «В мире былъ, и миръ через него началъ быть, и миръ его не позналъ. Пришелъ к своимъ, и *своя своих не познаша*». В «Войне и мире» Толстого оно уже совершенно лишено какого бы то ни было церковного колорита: «Нет, дружок,— продолжал он [князь Болконский],— вам со своими генералами против Буонапарте не обойтись, надо французов взять, чтобы *своя своих не познаша* и своя своих побиваша».

Фразеологическое сращение *еже писах — писах* — «то, что сделано, не подлежит изменению» по мере употребления в литературе все более утрачивает свою первоначальную «церковную» принадлежность и постепенно наполняется новым смыслом, например:

«Литературная жизнь писателя есть тоже своего рода жизнь человека. *Еже писах — писах*: что прожил, то прожил» (П. А. Вяземский. Автобиографическое введение); «*Еже писах — писах*. Вероятно,— в чем-то ошибся и что-то преувеличил. Но может быть, я и ошибся и преувеличил, зная, что делаю, ибо,— как известно, я человек умствующий и в некотором отношении заносчивый» (М. Горький. О М. М. Пришвине).

Фразеологические сращения *еле можахом(-у)* — «чуть жив, в состоянии сильного опьянения», *ничтоже сумняшеся (сумняся)* — «ничуть не сомневаясь, не колеблясь»¹, видимо, первоначально тоже употреблявшиеся как изречения из церковных текстов, впоследствии были широко вовлечены в произведения художественной литературы и публицистики.

Причем особенно интересен путь, пройденный фразеологизмом *ничтоже сумняшеся* от цитаты из «Послания» апостола Иакова² до употребительнейшего фразеологизма современности. Например:

«По мнению западногерманских адвокатов грязного бизнеса, любой вопрос можно решать в одностороннем порядке. И, *ничтоже сумняшеся*, они даже не потрудились пригласить на суд законных представителей народного предприятия» (Не в бровь, а в глаз; «Известия», 18.3.1964); «Тогда Мусийко снова вызвал к себе главного агронома и

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 251 и 463; Словарь АН СССР, т. 7, с. 1337.

² Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, с. 377,

предложил ему пост директора. Гонтарь, *ничтоже сумняшеся*, дал согласие...» (Правда есть; «Огонек», 1965, № 13) и др.

Фразеологическое сращение *еле можаху* (-ом) заметно уступает по частоте употребления фразеологизму *ничтоже сумняшеся*. В массовой печати оно не встречается и изредка используется в современной литературе. Например: «Домой приезжает, как говорится, *еле можаху*, но при этом делает вид, будто он чересчур утомился строительством и делами и поэтому не может даже беседовать со своей супругой» (М. Зощенко. Счастливый путь).

Современному русскому литературному языку свойственны также фразеологические единицы, удерживающие в своих глагольных компонентах архаичные формы плюсквамперфекта: *жили были* [е^сме, су^ть], *жил* (да) *был* [ес^мъ, е^сть]¹.

Приведем примеры употребления этих фразеологизмов в художественной литературе XIX—XX вв.:

«*Жила была* вдова, тому лет восемь, бедная старушка, с одною дочерью» (Пушкин. Домик в Коломне); «Во время оно *жил да был* в Москве боярин Михаил, прозванием Орша» (Лермонтов. Боярин Орша); «*Жил был* пескарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку Ардовы веки в реке прожили» (Салтыков-Щедрин. Премудрый пескарь); «А вот в соседнем районе почище был случай! Как говорится, *жили были* муж да жена — водой не разольешь, такая парочка!» (Е. Мальцев. От всего сердца).

Фразеологизмы этого типа, очевидно, еще нельзя отнести к устаревшим. Возникнув как формулы сказочного зачина, в дальнейшем своем употреблении они «отрываются» от сказочного контекста и проникают не только в язык художественной литературы, но и в публицистический стиль. Так, например, в языке газет встре-

¹ Согласно общепринятой точке зрения, словосочетание *жили были* относится к реликтовой форме плюсквамперфекта в современном русском языке. А. П. Евгеньева в статье «Сочетание *жили были* в сказочном зачине», опубликованной в сборнике ЛГУ «Памяти академика Л. В. Щербы» в 1951 г., предложила иное объяснение происхождения этого словосочетания, считая, что «в основе сочетания *жил был* лежит синонимичность двух слов, а отнюдь не окаменевший остаток старой глагольной формы...» (с. 172). Однако с этим трудно согласиться.

чаем: «Жили были Александр Александрович да Екатерина Петровна. Он возделывал хлопок, а она пряла пряжу и растила-лелеяла любимое чадо-дочурку» (фельетон «Проказы Лукавого»; «Правда», 25.8.1963); «Жил был художник Александр Ананьин. Все у него было: и краски, и кисти... Не было у него только своей темы» (фельетон «Спасибо горы!»; «Известия», 6.9.1967).

§ 2. Фразеологические единицы с архаичными формами глаголов настоящего и будущего времени

Рассмотрим фразеологические единицы, содержащие в своих компонентах архаичные формы глаголов настоящего и будущего времени: [*предел положен*] *его же не преjdeши, сим победиши, камо грядеши, ныне отпущаеши, гой еси, бог весть что, нивесть что, несть им числа, не бог весть какой* и др.

Если фразеологические сращения *его же не преjdeши, сим победиши, ныне отпущаеши, камо грядеши* ощущаются как устаревшие для нашего времени, то фразеологизмы со старыми формами нетематических глаголов в своей структуре типа *бог весть что, нивесть что* весьма продуктивно используются в языке художественной литературы и в разговорной речи.

Приведем примеры их употребления в художественной литературе и публицистике:

«Ох, ты, *гой еси*, царь Иван Васильевич» (Лермонтов. Песня про купца Калашникова); «Прогрессисты — люди восторженные и чувствительные. Они готовы воскликнуть: — *Ныне отпущаеши!*, но с тем, однако, чтобы их не отпустили» (Салтыков-Щедрин. Итоги); «А тут адвокатов развелось *несть числа!*» (А. Островский. Поздняя любовь); «Предел человеческий,— говорил старичок, духовное лицо, даме, подсевшей к нему и наивно слушавшей его,— *предел положен, его же не преjdeши!*» (Л. Толстой. Война и мир); «— *Ныне отпущаеши...*, владыко, люди твоя» (М. Горький. Фома Гордеев); «Звенящей болью любовь замоля, душой иное шествие чающий, слышу твое, земля: «*Ныне отпущаеши!*» (Маяковский. Человек); «— А пара-

шютный прыжок, человек с головой должен знать, это не *нивесть что* такое» (А. Первенцев. Честь смолоду); «*Бог весть чем* могла окончиться эта ссора» (Б. Горбатов. Донбасс).

Ряд фразеологических сращений рассматриваемой группы тоже церковнославянского происхождения. Они сформировались на основе распространенных цитат из церковных текстов. Так, например, *его же не преjdeши* восходит к библейскому выражению «каждому предел положен, предел человеческий, его же не преjdeши». Любопытно варьирование первой части этого оборота, которая постепенно выпадает из его структуры:

«Есть люди, которые только что и делают, что изыскивают мельчайшие несходства и противоречия личные, общественные и международные... чтобы ставить между ними грани, столбы и предел, *его же не преjdeши*» (П. А. Вяземский. Автобиографическое введение); «Для каждого есть предел его возможностей, как говорится, *его же не преjdeши*, и плохо людям, не знающим масштабов своих способностей» (М. Горький. Мои университеты).

Фразеологические сращения *сим победиши* (о правильности избранного пути и вере в успех дела) и *ныне отпущаеши* (о достижении чего-либо долго ожидавшегося)¹ восходят к евангельским легендам.

Из приводившихся ранее примеров употребления этих фразеологизмов видно, что они давно утратили всякую связь со своим первоначальным контекстом и прочно вошли в язык художественной литературы.

Фразеологизмы *бог весть что*, *нивесть что*, *бог весть какой*, *гой еси* возникли в народной речи и являются разговорно-бытовыми по своей стилистической принадлежности.

Фразеологическое сращение *гой еси* (а в диалектной речи оно встречается и с другими архаичными глагольными формами: *гой есте*, *гой естя*) в литературном языке обычно используется с факультативными междометными и местоименными компонентами: *ох (ой)*, *ты (вы)* *гой еси!* и предполагает обращение к кому-либо. Значение этого народнопоэтического устойчивого приветствия находит свое этимологическое объяснение в слове *гой* (повелительной форме от глагола *гойть* — «здороветь»,

¹ Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова, с. 381 и 499.

«хорошо жить», «здоровствовать»), т. е. буквально — «здоровей!», «будь здоров!».

Из народнопоэтической речи это фразеологическое сращение входит в язык художественной литературы как яркое средство стилизации: «Ты *гой еси*, удал млад богатырь, могучий!» (Державин. «Добрыня»); «Ой, ты, *гой еси*, Кирибеевич!» (Лермонтов. Песня про купца Калашникова).

Сравним употребление этого фразеологизма в русских былинах и сказках: «*Гой еси* ты есми, царь Саул!.. А кому ты меня, царицу, приказываешь» (Из песен Олонецкого края, собранных Киреевским, т. 3); «*Гой еси* ты, суровец-мблodeц, еще Суроженин» (Т а м же); «*Гой еси* ты, Илья Муромец! Ой, вы *гой еси*, бурлаки люди вольные!» (Т а м же); «*Гой еси*, братец, ясен сокол, лети ко мне скоро-наскоро, время-на-время!» (Из сказок, собранных Афанасьевым, т. 6).

Форма глагола *еси* в этом фразеологизме, как видно из примеров, не осознается как форма единственного числа 2-го лица настоящего времени. Она используется как «универсальная» форма для обоих чисел: единственного и множественного.

Архаичные формы глаголов 2-го лица настоящего и будущего времени в XIX в. еще изредка встречались в литературном языке в свободном употреблении как средство стилизации текста; например, у Салтыкова-Щедрина: «Земля *еси* и в землю *отыдеши*» или у Л. Островского в «Дмитрии Самозванце»: «Ты млад *еси...*».

В советской литературе их можно встретить разве лишь в эпиграфах, содержащих цитаты из древнерусских произведений, например у О. Гончара в «Знаменосцах»: «Ой, ты, русская земля, уже ты за шеломенем *еси*».

Фразеологические сращения *бог весть что*, *бог весть какой*, *бог весть куда*, *бог весть где*, *нивесть что*, *нивесть какой*, *нивесть куда*, *нивесть где* и другие, синонимичные в современном русском языке неопределенным местоимениям и местоименным наречиям *что-то*, *какой-то*, *куда-то*, *где-то* и т. п., а также — *коим несть числа*, *несть им числа* (о множестве лиц или предметов) удерживают в своем составе архаичные формы 3-го лица нетематических глаголов *весть* и *несть* (из сочетания *не есть*).

Эти фразеологизмы широко употребительны в русском литературном языке:

«Я, брат ты мой, не люблю, когда у людей *не-весть откуда* деньги появляются» (П. Адамов. Черная моль); «Было что-то сильное, покорное и самоотверженное в наивной молитве этих серых тружеников, собравшихся *бог весть откуда*» (Куприн. Молох); «*Несть числа* примерам хорошей работы пионерских дружин, отрядов и звеньев» («Комсомольская правда», 15.3.1957).

Фразеологические сращения *бог весть что*, *невесть что*, *невесть откуда*, *невесть куда*, *бог весть как* и подобные по выражаемым значениям, несомненно, богаче синонимичных им неопределенных местоимений и местоименных наречий *что-то*, *куда-то* и др. Им присущи особая экспрессия и эмоциональная окрашенность, которых лишены местоимения и наречия.

Старые формы спряжения нетематических глаголов в свободном словоупотреблении удерживались в русском языке с его древнейших пор (например, в летописной литературе: *несть неправды въ немъ*, *несть истины въ немъ*, *несть света въ немъ*) вплоть до конца XVIII в. (например, в «Путешествии» Радищева встречаются: *веси*, *есмь*, *есте* и др.).

Они встречались также в вышедших из употребления некоторых пословичных выражениях, еще бытовавших в языке XVIII — начала XIX в., как например: *есть емъ*, *а дела не вемъ* и др.

Эти глагольные формы в художественной литературе и публицистике конца XIX — середины XX вв. можно обнаружить лишь в структуре фразеологических единиц: *несть им числа*, *их же имена ты, господи*, *веси*, *коим несть числа* (выражающих понятия об очень большом количестве кого-, чего-либо). В свободных же словосочетаниях они давно перестали употребляться.

Приведем несколько примеров:

«Посыпались сперва проекты разных моршанско-сызранских, оренбургско-козломских, тамбовско-виленских и всяких иных банков, *их же имена ты, господи, веси*» (С. Терпигорев. Оскудение); «А пока сижу в Москве и принимаю посетителей, *им же несть числа*» (Чехов. Письмо А. С. Суворину, 1899); «*Несть им числа*, этим незримым помощникам маленького человека, сидящего за инструментом» (Ю. Нагибин. Сын),

§ 3. Фразеологические единицы с архаичными формами причастий и деепричастий

Рассмотрим еще одну группу фразеологических единиц с архаичными формами причастий, перешедших в деепричастия: *имя рек, кто кого смога* [тот того в рога], *ревма (ревмя) ревет, лежма (лежмя) лежит, ливмя льет, сломя голову, сложа руки, скрепя сердце, положила руку на сердце, высуня язык, очертя голову, жить припеваючи*.

В перечисленных фразеологических единицах представлены факты разной степени архаичности и по своему характеру, и по давности употребления в языке. Так, например, наряду с древнерусскими формами типа *имя рек* (причастие муж. р., ед. ч.) или *кто кого смога* (без смягчения согласного основы причастия исчезают начиная с XIII в.), формы типа *сломя* или *припеваючи* еще в XVIII и начале XIX в. встречались в свободном употреблении (ср. у Крылова: «И *ощетиня* шерсть...»). Ослабевает продуктивность не только форм деепричастий совершенного вида на *-а*, *-я*, но и деепричастий на *-ючи*, *-ючи*.

Необходимо иметь в виду особый характер архаичности суффиксов *-а*, *-я* деепричастий совершенного вида настоящего времени типа *спустя, положила, скрепя, очертя*, сохранившихся во фразеологических сращениях современного литературного языка: *спустя рукава, положила руку на сердце, скрепя сердце, очертя голову* и т. п.¹

Сами по себе эти суффиксы как морфемы слов не выпали из системы современного глагольного словоизменения, но сейчас они используются для образования деепричастных форм несовершенного вида настоящего времени типа *лежа, стоя, читая*.

При образовании деепричастий совершенного вида в системе современного глагольного словоизменения используются суффиксы *-в*, *-вши*: *спустив, положив, скрестив, очертив* и т. п. или *спустивши, положивши* и т. п. — с разговорно-просторечным оттенком.

Образования деепричастий совершенного вида с помощью суффиксов *-а*, *-я* во второй половине XIX в. полностью «уступили место формам на *-в*» [6, 131].

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 449, 338, 429, 307, 433; Словарь АН СССР, т. 14, с. 605; т. 13, с. 680, 1053; т. 8, с. 1803.

В настоящее время они удерживаются лишь в структуре фразеологических сращений русского языка.

По степени семантической слитности, по наличию архаичных глагольных форм в компонентном составе, усиливающих немотивированность значений рассматриваемых фразеологических единиц, большинство из них являются фразеологическими сращениями. Для примера укажем на значения некоторых фразеологизмов данной группы, а именно: *имя рек* — название или собственное имя, подлежащее обозначению или подразумеваемое, «такой-то, такая-то, такое-то»¹ (образовалось из церковнославянского выражения *имя рекъ*, т. е. «назвавши имя»; оно употреблялось в юридических актах и молитвах на месте, где должно было быть поставлено собственное имя), *ревмя (-а) реветь* — «очень сильно плакать»², *очертя голову* — «безрассудно, не думая о последствиях», *сломя голову* — «стремительно, опрометью» (бежать, мчаться, скакать и т. п.), *сложив руки* — «ничего не делая, не затрачивая каких-либо усилий, чтобы исправить положение дел», *скрепя сердце* — «с большой неохотой; принуждая себя, вопреки желанью» (делать что-либо), *спустя рукава* — «небрежно, кое-как» (делать что-либо).

Значительно меньше среди фразеологизмов с архаичными формами деепричастий (возникших из кратких причастий) содержится единиц, которые можно было бы отнести к другим структурно-семантическим разрядам, а именно: к фразеологическим единствам, где общее значение фразеологизма сохраняет мотивировку в компонентном составе (например, *положив руку на сердце* — «чистосердечно, искренне...» сказать, заявить и т. п.), к фразеологическим сочетаниям, где лишь один из компонентов подвергается семантическому преобразованию, получая фразеологически связанное значение (ср. *жить припеваючи* — «жить в свое удовольствие, пользоваться всеми благами жизни»), и, наконец, к фразеологическим выражениям, обладающим коммуникативностью, т. е. представляющим собой по структуре законченные предложения (например, *кто кого смога, тот того в рога* — «кто кого сможет одолеть (окажется сильнее), тот того возьмет в оборот»).

¹ Словарь АН СССР, т. 5, с. 332.

² Словарь АН СССР, т. 12, с. 1088.

Анализируемые фразеологические единицы в большинстве своем относятся к разговорно-бытовому стилю (*спустя рукава, сложа руки* и т. п.). Книжному стилю принадлежит фразеологическое сращение *имя рек*. Фразеологическое выражение *кто кого смога, тот того в роги* (употребляется и в эллиптическом виде, с сокращением его второй части) по своей стилистической принадлежности является просторечным.

Перечисленные фразеологизмы широко употребляются в языке художественной литературы, современной массовой печати и публицистики. Приведем примеры:

«Домой-то без матушки горько вернуться: дорогой ребятушки — *ревма ревели*, а тятка молчал» (Некрасов. Кумушки); «Отработаем! — сказал Кирила. — Отпусти! С голодудохнут [дети]! *Ревма ревут*, ваше благородие!» (Чехов. Темнота); «На их месте я бросился бы в свое будущее *очертя голову*, без раздумий» (Леонов. Русский лес); «Однажды привел их, предварительно отмыв щеткой с мылом так, что они *ревмя ревели*» (В. Кетлинская. Дни нашей жизни); «И прораб Лютое не такой человек, чтобы позволить кому-то сидеть *сложа руки*» (А. Рекемчук. Молодо — зелено); «И вот ты представь себе эту картину: в военное ведомство, где свои ведь законы, врываюсь я и начинаю говорить, что прапорщик флота такой-то, *имя рек*, ни в чем не виновен...» (Сергеев-Ценский. Утренний взрыв); «Милитаризм и неонацизм все еще пытаются оседлать идею реваншизма, дать ей шпоры и понестись, *сломя голову*, вскачь. Только куда они доскачут?» (Н. Полянов. Идеалы, которые не возвращаются; «Неделя», 1967, № 21).

Рассмотренные в данной главе фразеологические единицы, сложившиеся в языке отчасти из распространенных цитат церковнославянских текстов, отчасти из пословиц и поговорок, в силу своей устойчивости и образности пережили породившую их эпоху и донесли до наших дней старые формы своих глагольных компонентов.

В систематизированном виде фразеологизмы русского языка с архаичными глагольными формами древнерусской системы словоизменения можно представить для большей наглядности в виде таблицы:

ГЛАГОЛЫ

Единственное число

Множественное число

Аорист

1 лицо	<i>Вкус-и-х мало меду, еже пис-а-х, пис-а-х</i>	—
2 лицо	—	—
3 лицо	<i>прильп-е язык к гортани, волею божией помр-е</i>	<i>погибо-ша аки обри, своя своих не позна-ша, последняя бы-ша горше первых</i>

Имперфект

1 лицо	—	одним махом семерых убив-а-хом, еле мож-а-хом
2 лицо	—	—
3 лицо	<i>ничтоже сумня-ше-ся вы же усомни-ше-ся</i>	<i>еле мож-а-ху</i>

Плюсквамперфект

1 лицо	жил-был (есмы)	жили-были (есмы)
3 лицо	жил-был (есть)	жили-были (суть)

Настоящее и будущее время

1 лицо	<i>ем, а дела не вем,</i>
2 лицо	<i>гой еси, его же не прейде-ши сим победи-ши, их же имена ты, господи, веси</i>
3 лицо	<i>бог весть что, им же несть числа</i>

ПРИЧАСТИЯ

Мужской или средний род

Женский род

Настоящее время

<i>кто кого смог-а, тот того в рога, слом-я голову, высун-я язык, скреп-я сердце</i>	<i>жить припева-ючи, делать игра-ючи</i>
--	--

Прошедшее время

<i>имя рек</i>	<i>не солоно хлеба-вши</i>
----------------	----------------------------

Заключенные в устойчивые словосочетания формы слов перестают быть самостоятельными элементами языковой системы. С течением

времени они все больше теряют соотнесенность как с однотипными формами словоизменения, так и с вновь образующимися, а потому неизбежно «отстают» от продолжающего свое развитие грамматического строя языка.

Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что довольно значительное количество фразеологических единиц русского языка, рассмотренных в этой главе, «сумело» сохранить в своем компонентном составе многие формы настоящего, прошедшего и будущего времени древнерусской системы глагольного спряжения, а также старые формы причастий и деепричастий.

Таким образом, фразеологические единицы с архаичными элементами в своей структуре являются неизбежным результатом развития языка и используются в качестве яркого стилистического средства в его письменной и устной разновидностях.

Глава 7

Фразеологические единицы с архаичными синтаксическими особенностями в своей структуре

Фразеологическому составу современного русского языка присущ ряд фразеологизмов, в структуре которых отражен архаический характер синтаксических связей между словами. Большинство таких фразеологизмов является фразеологическими сращениями или единствами, т. е. фразеологическими единицами высшего порядка, отличающимися большой степенью семантической слитности своих компонентов. «Семантическое единство фразеологического сращения,— пишет В. В. Виноградов,— часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами [9, 25; Выделено нами.— Р. П.]».

То, что сказано В. В. Виноградовым о природе фразеологических сращений, в значительной мере присуще и фразеологическим единствам. Архаический характер синтаксических связей иногда можно обнаружить и среди фразеологических единиц низшего порядка, а именно фразеологических сочетаний и выражений, но таких случаев немного.

§ 1. Фразеологические единицы с архаичным управлением в своей структуре

Архаичные явления глагольного и приименного управления нашли свое отражение в составе следующих фразеологических единиц: *шутка сказать* — выражение искреннего удивления по поводу значительности чего-либо; *что (нечего, чего) греха таить* — «пезачем скрывать, нужно признаться»; *нашего полку прибыло* — о росте, увеличении единомышленников, равных по положению, по роду занятий людей; *очутиться (оказаться) между двух огней* — «попасть в такое положение, когда опасность угрожает с двух сторон»; *об эту (о сю) пору* — «так рано; до сих пор»; *бок о бок* — «совсем

рядом, близко»; «вместе» (жить, работать, бороться и т. п.); *рука об руку, идти об руку* — «взявшись за руки» (идти); «вместе, как единомышленники» (жить, действовать); *палка о двух концах* — «то, что может повлечь за собой и положительные и отрицательные последствия»; *конь о четырех ногах, да (а) и тот спотыкается* — «каждый может оказаться в затруднительном положении»¹; *(не) о двух головах* — «неосмотрительно смелый, рискующий жизнью»; *о семи жизнях (головах)* — «не боящийся смерти, наказания, жестокой расправы»; *христа ради* — «обращение за милостыней, подаванием; выражение усиленной просьбы, мольбы; из милости жить, существовать и т. п. или делать что-либо»; *бога ради* — «очень прошу, пожалуйста»².

Среди перечисленных фразеологических единиц, как видим, встречаются не только фразеологические сращения и единства, например *шутка сказать, о двух головах, нашего полку прибыло, палка о двух концах* и др., но и фразеологические сочетания *идти об руку, пройти об руку* и фразеологические выражения *конь о четырех ногах, да и тот спотыкается*.

Фразеологические единицы с архаичными синтаксическими особенностями в своей структуре представляют для нас особую ценность в том отношении, что они являются в своем большинстве живым свидетельством синтаксиса разговорной речи прошлых столетий. Почти все указанные выше фразеологизмы возникли именно как устойчивые формулы речи, носят характер народных присловий и поговорок.

Если анализ древнерусских памятников письменности дает представление прежде всего о синтаксических особенностях письменных стилей, о синтаксисе книжного языка, то систематизация данных фразеологии может создать представление именно об особенностях разговорного синтаксиса минувших эпох. В этом отношении значение данных фразеологии трудно переоценить, так как, по существу, те устойчивые словосочетания, которые сложились в древнерусский период раз-

¹ См.: Словарь русских пословиц и поговорок. Сост. В. П. Жуков. М., 1966, с. 187.

² Фразеологическим словарем не отмечены такие фразеологизмы, как *об эту (о сю) пору, о семи головах, о семи жизнях*. Толкование их значений предложено нами. Значения других фразеологизмов приведены по данному словарю (см. с. 41, 113, 353 и 511).

вита языка и сохранились до наших дней, являются единственным первоисточником, показывающим в чистом виде особенности древнерусского разговорного синтаксиса без письменных и книжных наслоений.

Архаические особенности управления, отраженные в структуре указанных выше фразеологизмов, заключаются в следующем.

Во фразеологизмах *бок о бок*, *рука об руку* сохранена конструкция «предлог *о (об)* + винительный падеж имени», использовавшаяся в древнерусском языке для обозначения совместного пребывания двух предметов, а во фразеологизме *о сю (об эту) пору* — аналогичная конструкция со значением указания на определенное время; причем обе они давно вышли из употребления и перестали встречаться в свободных словосочетаниях.

Во фразеологическом сращении *шутка сказать* сохранена архаичнейшая черта древнерусского грамматического строя — сочетание инфинитива глагола с существительным в именительном падеже (ср. современные диалектные формы: *баня ходить*, *печка топить*). В древнерусском языке сочетания такого рода являлись принадлежностью преимущественно северо-западной группы говоров. В письменных памятниках древненовгородского наречия встречаются такие примеры: «Уставиша [сыновья Ярослава] *взяти гривна* коунъ за соромъ» (Русская Правда, по сп. XV в. Новгородской летописи); «Дай богъ *исправити правда* новгородская» (1-я Новгородская летопись, по Синодальному сп. XIV в.).

В более позднее время конструкция «инфинитив + именительный падеж существительных женского рода» получила распространение и в других говорах. С древнего времени она была известна московскому наречию. Так, в Уложении 1649 года говорится: «И того казнити, *отсечь рука...*». Здесь эта конструкция держалась до начала XVIII в. Изредка она встречается еще в «Письмах и бумагах Петра Великого»: «*Давать* из адмиралтейства в год *пара рубахъ*, а *шуба* — в три».

Фразеологизм *шутка сказать* является в современном русском литературном языке «единственным представителем» этой давно отмершей синтаксической конструкции [см. 24, 476]. Причем живучести его содействовало прежде всего то, что словосочетание это наполнилось новым междометно-модальным значением (одобрительная оценка чего-либо в соединении с искрен-

ним удивлением), которое вытеснило прежние конкретные значения его компонентов.

Во фразеологизмах *что греха таить*, *ничего греха таить* глагол *таить* управляет не винительным падежом существительного, как в современном литературном языке (ср. *таить грех*), а родительным падежом.

Во фразеологическом сращении *нашего полку прибыло* глагол *прибыло* имеет беспредложное управление, в то время как в свободном словосочетании подобной структуры ему свойственно управление предложное (ср. *прибыло в полк пополнение*).

Во фразеологическом единстве *очутиться между двух огней* предлогу *между* свойственно управление родительным падежом, в то же время в свободных словосочетаниях современного русского языка он обычно употребляется с творительным падежом (ср. *между окнами, между столбами*)¹.

Фразеологические единицы *палка о двух концах, о двух головах, о семи жизнях, конь о четырех ногах, да и то спотыкается* удерживают в своем составе конструкцию «предлог *о* + сочетание числительного с существительным в предложном (местном) падеже множественного числа», которая является архаичной и не характерной для современной грамматической системы. В этой конструкции у предлога *о* сохранена одна из его старых функций — выражать обозначение признака предмета по количеству его частей (ср. устаревшие свободные словосочетания *о шести окнах, о пяти столбах* и подобные, встречающиеся в фольклорных произведениях и в художественной литературе в целях стилизации)².

Во фразеологизмах *бога ради, христа ради* сохранено архаичное для современной грамматической системы постпозитивное употребление предлога *ради* (после управляемого слова). Оба фразеологизма имеют значение «из милости» (во имя чего-либо) и отмечаются словарями как устаревшие³. То же архаичное явление свойственно фразеологизму *чего ради*, обладающему

¹ Управление родительным падежом данного предлога отмечается как непродуктивное и устаревшее в «Словаре АН СССР» (см. т. 6, с. 781) и в других словарях и справочниках.

² См.: Словарь АН СССР, т. 8, с. 7.

³ См.: Словарь АН СССР, т. 12, с. 57, а также «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, т. 3 (М.—Л., 1940, с. 121).

эмоционально-экспрессивным значением несогласия с чем-либо, предлагаемым данному лицу.

Оценка устаревших явлений синтаксиса, отраженных в устойчивых словосочетаниях (так же, как и в морфологии и лексике), опирается на их синхронное сопоставление с нормами сочетаний слов в их свободном употреблении. Сам процесс «устаревания» тех или иных синтаксических явлений обусловлен непрерывным развитием языка, в результате которого эти явления становятся необратимыми, а потому архаичными. Для древнерусского языка, например, сочетание слов *чего (того) ради* было нормативным и потому, очевидно, не воспринималось как нечто необычное и «экзотичное» в синтаксическом строе.

Иное дело — современное состояние языка, где в ряду свободных сочетаний слов *ради отца, ради матери* и т. д. словосочетания *бога ради, чего ради* воспринимаются как «осколок» прежней синтаксической системы.

Сказанное нами можно схематически представить следующим образом при оценке данного синтаксического явления в плане синхронии (его описания и рассмотрения в современной системе языка) и в плане диахронии (его описания и рассмотрения в прежней, более древней языковой системе).

Синхрония	<i>Ради чего</i> (Норма в современном языке)	<i>Чего ради</i> (Синтаксический архаизм)
Диахрония		<i>Чего ради</i> (Норма в старом языке)

Отраженные во фразеологических единицах особенности предложного и беспредложного управления, воспринимающиеся как грамматические архаизмы на фоне действующей современной системы, для древнерусского языка были нормативными и обязательными. Они соблюдались и являлись закономерными при построении свободных словосочетаний в древнерусский период развития нашего языка.

Регулярно использовалась, например, в свободных словосочетаниях для обозначения совместного пребывания двух предметов конструкция «предлог *о (об)* + винительный падеж имени»: «По глагоলেখъ же сихъ възнесеся на небеса и седе *о десную* бога отца» (Чтение о житии и о погублении блаженного стратотерца Бори-

са и Глеба, черноризца Нестора; по Сильвестровскому сп. XIV в.); «*Сташа об ону страну Оке*» (1-я Новгородская летопись, по сп. XV в.); «*Ста Володимиръ об онъ полъ города*» (Лаврентьевская летопись, по сп. XIV в.).

При дальнейшем развитии языка круг имен, употреблявшихся в этой форме, значительно сократился.

В современном литературном языке оборот «предлог *о (об)* + винительный падеж имени» в данном значении сохранился лишь во фразеологических единицах: *бок о бок, рука об руку* и подобных.

По наблюдениям Т. П. Ломтева, эта конструкция имеет еще достаточно большую употребительность в диалектах [16, 294], т. е. круг имен, которые сочетаются в этой форме с другими словами, гораздо многообразнее, ср. «*речка протекает об усадьбу*»; «*о кладбище идет канава*»; «*соседи об стену*» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2, с. 581).

Для обозначения указания на определенное время употреблялась омонимичная конструкция «предлог *о (об)* + винительный падеж имени». Состав имен существительных, употреблявшихся в указанной конструкции, был довольно обширен. Он включал в себя названия частей суток, наименования праздников, обозначения частей дня по жизненному распорядку и т. п. Ср. «*Обночь вьсю труждьшесея, ничега же не яхомъ...*» (Остромирово евангелие, 1056—1057 г.); «*О се час [в то же время.— Р. П.] же седяста 2 брата въ монастыри*» (Лаврентьевская летопись, по сп. XVI в.); «*Мъстиславъ же, о свет заутра, видевь лежащие сечены от своих Северъ Варягы Ярославле...*» (Лаврентьевская летопись, по сп. XIV в.).

В современном русском литературном языке оборот «предлог *о (об)* + винительный падеж имени с обстоятельственным временным значением» сохранен лишь во фразеологических единицах: *о сию пору, об эту пору*.

В говорах же русского языка конструкция «предлог *о (об)* + винительный падеж имени со значением времени» обнаруживает большую живучесть и встречается весьма часто в свободных словосочетаниях; например, «*О кажный праздник рядится в иной наряд*» (Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия); «*Мы о пасху уедем, а в Покров воротимся*» (Там же).

Архаичная для нашего времени конструкция «предлог *о* + сочетание числительного с существительным в

местном падеже множественного числа со значением количественного определения» (чего-либо) в древнерусском языке была нормативной и использовалась для построения свободных словосочетаний. Ср. «Убиша их [къметовъ.—Р. П.] не о трехъ стехъ» (1-я Новгородская летопись, около 1470 г.). Современному русскому литературному языку эта конструкция известна лишь во фразеологических единицах: (*не*) *о двухъ головахъ, палка о двухъ концахъ* и др.

Способность управлять родительным падежом, наряду с творительным, у предлога *между* (*меж*) в древнерусском языке была ничем не ограниченной. Ср. «А межю Тверью и Новагорода розъездъ по давной пошлине» (Договорная грамота Тверского князя Михаила Ярославича и Новгорода, 1302 г.). В современном русском языке у предлога *между* свойство управлять родительным падежом сохранилось лишь в конструкции фразеологической единицы *очутиться* (*попасть, ...*) *между двухъ огней*, а у предлога *меж* в произведениях песенно-фольклорного жанра (ср. «*Межъ крутыхъ бережковъ Волга-речка течет...*»).

Конструкции типа *полку прибыло, таить греха*¹ (с беспредложным управлением при глаголах родительным падежом имени существительного), ограниченные в современном русском языке фразеологически связанным употреблением, в древнерусском языке являлись нормативными и широко распространенными (ср. *бежать греха, просити полку, дати полку* и т. д.). Например:

«Наши же... *дождашася* того великого *полку* и поехаша противу себе» (Лаврентьевская летопись, по сп. XIV в.); «А Игорева храброго *полку* не *кресити*» (Слово о полку Игореве, по сп. XVI в.); «Не лзе бы Изяславу... *полку* имъ *дати*» (Ипатьевская летопись, по сп. XIV в.); «А князь съ Новъгородьци посылахоу къ нимъ, *просяще пълкоу...*» (Новгородская первая летопись, по сп. XIV в.); «*Греха бежи* яко ратьника гоубящего душу твою» (Изборникъ, 1076 г.).

¹ Словосочетания *таить греха, бежать греха* были свойственны церковнокнижному стилю древнерусского языка, в то время как словосочетание *полку прибыло* характерно для народного, разговорно-бытового стиля. В современном литературном языке оба фразеологизма и *нашего полку прибыло, и нечего греха таить* свойственны разговорно-бытовому стилю.

Постоянным употреблением предлога *ради*, ограниченное в современном русском языке фразеологическими единицами типа *христа ради*, *бога ради*, *чего ради*, для древнерусского языка являлось его характерной особенностью и встречалось в свободных словосочетаниях (ср. *красоты ради*, *страха ради*, *успеха ради*, *субботы ради* и т. п.), например:

«Суббота человека ради бысть, а не человекъ *субботы ради*» (Остромирово евангелие, 1056—1057 г.); «Пояль бо ю Ярополк себе жену *красоты ради* лица ея» (Псковская первая летопись, по сп. XVI в.); «Никын же оубо... глаголаша о нем *страха ради* Иоудейскааго» (Остромирово евангелие, 1056—1057 гг.).

Рассмотрим функционирование в литературном современном языке указанных выше фразеологических единиц, содержащих в своей структуре архаичные синтаксические особенности.

Среди фразеологических сращений и единств с архаичными явлениями управления в своем компонентном составе большинство являются разговорно-бытовыми по своей стилистической принадлежности. Они широко используются не только в художественной литературе, но и в массовой печати (в статьях и корреспонденциях газет и журналов), а также в эпистолярной и публицистической литературе. Мы имеем в виду такие фразеологизмы, как *шутка сказать, что греха таить*, *нашего полку прибыло*, *нечего греха таить*, *чего ради*, *христа ради*, *бога ради*, *очутиться (оказаться...) между двух огней*, *рука об руку*, *бок о бок*.

Приведем примеры из художественной литературы XIX и XX вв., а также из эпистолярной и публицистической литературы.

[Пугачев:] «Был тулуп, да *что греха таить*, заложил вечер у целовальника» (Пушкин. Капитанская дочка); «*Нечего греха таить* — все мы очень плохо знаем Россню» (Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями); «Помню только, я чуть под кровать не забился от них — *что греха таить!*» (Тургенев. Собака); «*Что греха таить!*.. Графинюшка мудрила с Верой, — сказал граф. — Ну, да что уж!» (Л. Толстой. Война и мир); «Услышав, что Нежданов — студент, Галушкин промолвил: «Славно! *Нашего полку прибыло*» (Тургенев. Ночь); «— В брак изволите вступить? А... доброе

дело: *нашего полку прибудет*. Я также женатый человек» (Писемский. Хозаров); [Билибин:] «... И вы с вашей армией провели бы дурную четверть часа *между двух огней*» (Л. Толстой. Война и мир); [Туробоев:] «Как же ты, душка, будешь жить *между двух огней?*» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «В Кандалах... *бок о бок* с богомольцами гнездились ломовые извозчики — озорной, тяжелый народ» (К. Федин. Города и годы); [Борзова:] «Ты с ним полтора года работал *бок о бок*, должен был изучить человека» (В. Овечкин. Трудная весна); «Она [Звягина] теперь, наверно, знает, откуда мы пришли, и чувствует, что *оказалась* вдруг *между двух огней*» (П. Нилин. Жестокость); «*Шутка сказать*, в такой громадине — единое электрическое хозяйство, как бы одной рукой направляемое» (В. Кетлинская. Дни нашей жизни); [Ковров:] «А здесь [в каменоломнях Керчи] — в каждой дивизию можно спрятать. *Шутка сказать*: десять верст в квадрате да туннели по версте — вниз, в землю» (И. Овчаренко. Путь к свободе);

Продуктивность употребления в современном русском языке этих фразеологизмов подтверждается фактами использования их в массовой печати. Например:

«*Бок о бок* с нами, на земле неповторимой, своеобразной красоты, живет талантливый, трудолюбивый народ» (В. Николаев. Соседи и друзья; «Огонек», 1968, № 15); «Все братские отряды нашей многонациональной литературы давно работают *рука об руку*, взаимно обогащая друг друга» (М. Слуцкис. Хранить традиции Гайдара; «Литературная газета», 9.9.1954); «Григорий Ефремович, привет! — закричал, заметив Ларцева, коренастый, тучный, лысый человек. — Никак *нашего полку прибыло?*» (Л. Шейнин. Сердце не выходит в отставку; «Известия», 9.4.1961) и др.

Несколько меньшей продуктивностью употребления в современном литературном языке характеризуются фразеологизмы *палка о двух концах* и *(не) о двух головах*. Частотность их использования в художественной литературе XX в. по сравнению с литературой XIX в. идет на убыль. Примеры употребления в публицистике немногочисленны.

«— Бунтовщик ты, злодей проклятый... Аль о двух головах ты родился?» (Пушкин. Песни западных славян); «Да он о двух головах что ли?— крикнул Разумихин, вскакивая со стула и уже готовясь расправиться» (Достоевский. Преступление и наказание); [Остюкович:] «Но ведь психология, господа, хоть и глубокая вещь, а все-таки похожа на палку о двух концах» (Достоевский. Братья Карамазовы); «— Разве, может он не дать паспорта?.. Не об двух головах! И над ним тоже начальство есть» (Мельников-Печерский. В лесах); «Вы о двух головах, что позволяете себе писать и печатать такие письма!... (Короленко. История моего современника); «Только о двух головах какой-нибудь сумасшедший мог решиться без надежных спутников ехать лесами от Вязьмы до Смоленска» (А. Толстой. Петр Первый).

В рассматриваемой группе фразеологических сращений и единств (с архаичными синтаксическими особенностями в своей структуре) следует признать устаревшими оба варианта фразеологического единства *о семи головах (о семи жизнях)*. Примеры употребления их в современном литературном языке единичны: «— Тото и горе, родимая, что отзовется: не за тебя одное убиваюся. Эка что творят, ровно *о семи жизнях*» (Леонов. Русский лес); «— Что он *о семи головах*, чтобы сразу изучить три специальности?» (Г. Севуц. Тегеран).

Малоупотребительными являются также фразеологические сочетания *идти об руку, об эту пору*. Причем последнее имеет вариант *о сию пору*, где помимо синтаксического архаизма есть еще и лексический (устаревшее указательное местоимение *сия* в винительном падеже).

Фразеологическое выражение *конь о четырех ногах, да (а) и то спотыкается* иногда встречается в эллиптической форме, с «усеченной» второй частью.

Приведем примеры употребления этих фразеологических единиц в художественной литературе XIX—XX вв.

[Савельич:] «— А что с ним случись такая оказия, то былъ молодцу не в укор: *конь и о четырех ногах, да спотыкается!*» (Пушкин. Капитанская дочка); «И долго еще определено мне чудной властью *идти об руку* с монми странными героями» (Гоголь. Мертвые души); «— Разве я мог бы

тогда попасть к Вам об эту пору?» (Гончаров. Обрыв); «С эгоизмом об руку идет гордая надменность» (Герцен. Дилетантизм в науке); «— Не знаю я, сколько в этом доблести, что мы с [ними] о сию пору возимся» (Лесков. Соборяне); «Говорят, что конь, хоть и о четырех ногах, а спотыкается,— осторожно вставил Давыдов» (Шолохов. Поднятая целина).

§ 2. Фразеологические единицы с архаичными явлениями паратактического сочетания слов в своем компонентном составе

Во фразеологических единицах нашли свое отражение многочисленные случаи архаичного паратактического сочетания слов, присущие синтаксису разговорной речи древнерусского языка и представляющие большой интерес для исторической грамматики. Это прежде всего отраженные во фразеологизмах древнейшие случаи сочетания существительного с атрибутивным существительным, которое предшествовало появлению в языке прилагательных; к ним можно отнести следующие: *рубаха-парень, простыня-человек, жар-птица, бой-баба, жох-баба* и др.

«То обстоятельство, что и в славянских языках некогда существовали способы выражения определения-прилагательного, свойственные турецкому языку,— писал Л. П. Якубинский,— доказывается нашими архаичными по структуре приложениями, определениями-существительными типа *жар-птица, душа-человек, царь-девица* и другими. Здесь в качестве определения выступает имя существительное, поставленное перед другим существительным и не склоняемое: *жар-птица, жар-птицы, жар-птице* и т. д.» [32, 211; Выделено нами.—Р. П.]. Существительные этого типа представляют собой архаичный пережиток, свидетельствующий о тенденции ко все большему разграничению частей речи в процессе развития языка.

«Признак, выдвинутый в атрибуте,— писал А. Л. Потебня,— закрепляется за ним так, что существительное без нового суффикса с течением времени становится качественным словом, или так, что исключительная качественность отмечается новым суффиксом. Пока атрибутивное существительное мыслится как совокупность признаков, оснований для присоединения его к определяемому может быть

столько же, сколько мыслится признаков... Многозначность прилагательных, образованных от существительных, может восходить к различию оснований, по которым первообразное существительное присоединялось, как атрибут, к определяемому. Например, *кремень человек* может значить «человек непоколебимого характера», и, стало быть, хороший, или же скупой, жестокий, безжалостный» [21, 82].

Связь обычного существительного с атрибутивным, по замечанию А. А. Потебни, «предполагает сочетание двух существительных, при этом сочетание паратактическое, ибо подчинение одного из существительных другому, хотя и не устраняет двойственности субстанций, но направлено к их объединению» [21, 280]. Так, например, паратактическое сочетание *церковь Богородица*, проводимое А. А. Потебней, представляет сочетаемые понятия равноправными, что, однако, может не исключать временного перевеса одного над другим. Оно «располагает мысль, стоящую в уровень с таким построением, к смещению признаков остальных вещей: церкви, как строению, приписываются свойства священного лица и наоборот» [21, 213].

Отсюда в языке возникает потребность усовершенствовать, улучшить способ выражения признака предмета, создать ему особую, отличную от других, языковую форму, что мы и наблюдаем на примере образования сначала нечленных, а позднее членных прилагательных, которые приходят на смену атрибутивным существительным.

Следы паратактического сочетания слов более всего сохранились в устном народном творчестве и почти не встречаются в древнейших памятниках письменности. В современном русском литературном языке они обнаруживаются главным образом во фразеологических единицах.

Современному фразеологическому составу известен ряд фразеологических сочетаний, сохраняющих в своей структуре атрибутивные существительные при определяемом слове человек, например: *простыня-человек* — «человек простой, прямодушный»¹, *душа-человек* — «человек добродушный, прямой, сердечный»², *дрянь-человек* — «человек плохой, ничего не стоящий»³, *золото-человек* — «неоценимый, бесценный»⁴. Они широко используются в произведениях художественной литературы и публицистики. «— Я, брат, *простыня-человек*, старых приятелей не забываю. Вот ты так спесив стал; и не заглянешь, даром что кум» (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «— Вот *душа-человек!* Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет» (А. Островский. Козьма Минин);

¹ Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 710. «Фразеологическим словарем» не отмечен.

² Там же, с. 210. Во «Фразеологическом словаре» отсутствует.

³ Там же, с. 205.

⁴ Там же, с. 203.

«— Вот у меня служит Пряничников, славный человек, *золото-человек*, разве он пойдет на экзамены?..» (Л. Толстой. Война и мир); «И родитель был *душа-человек*, а этот и того лучше; всякому доступен, всякого по силе возможностей милует...» (Мельников-Печерский. В лесах); «— Доктор здесь для нашего брата, рабочих, *душа-человек*» (С. Подъячев. Мытарства); [Тихонов:] «— Ничего не скажешь, наш полуротный — *душа-человек*» (М. Марич. Северное сияние); «И про Костю Окуня говорят — *душа-человек*» (Душа-человек; «Учительская газета», 5.9.1957).

С атрибутивными существительными к определяемому слову *парень* известны следующие фразеологизмы: *рубаха-парень* — «общительный, бескорыстный, простой в обращении человек»¹, *орел-парень* — «отважный, смелый человек», *уха-парень* — «ловкий, лихой, удалой человек»².

[Сатин:] «Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. *Рубаха-парень*... плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей... славно!» (М. Горький. На дне); [Григорий:] «— Нет, тут совсем открыто пришел и сразу — на вот, вот он я!.. Эдакой-то *рубаха-парень*, а?» (М. Горький. Супруги Орловы); [Нежданов:] «Но если вместо него будет *рубаха-парень*, но некудышный учетчик, то бюрократизма не будет, но и учета тоже не будет» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Редактор Бучко — совсем другого рисунка. Поглядеть на него: сокол ясный, лихач-кудрявич, *рубаха-парень*...» (В. Панова. Времена года); [Ксенофонт Харитонович:] «— Пускай едет: герои у нас новые растут. В том же Тамаркином колхозе есть Володька Ромашок — *орел-парень!*» (С. Антонов. Девушка из Полесья); «И у продавщиц, и у танкистов, и у других людей оставалось об Осипе самое лучшее впечатление: *рубаха-парень*, обаятельный, душа нараспашку (Бегу и возвращаюсь; «Юность», 1965, № 11).

Атрибутивные существительные к определяемому слову *баба* встречаются в компонентном составе фразео-

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 393; Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 605.

² См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 931; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4, с. 1032.

логизмов: *бой-баба*, *жох-баба* — о решительной, разбитной, бойкой женщине¹.

«Худого за ней [Маланьей] и тогда, до этого случая не было ничего, только веселая была *бой-баба*» (Л. Толстой. Идиллия); «Свахой ехала двоюродная сестра Ильиничны, *жох-баба*, вдовая тетка Василиса» (Шолохов. Тихий Дон); «Бойкая, живая, веселая, за словом в карман не полезет и без излишней скромности. *Бой-баба*. Народу нашему прихалась она ко двору». (Не жить мне без тебя, Юсте; «Неделя», 1968, № 27).

Атрибутивные существительные при определяемых существительных *девка*, *девица* свойственны следующим фразеологизмам: *бой-девка*, *пожар-девка* — о смелой, бедовой девушке — и *царь-девица*, *душа-девица* — о самой красивой девушке, имеющей преимущество перед другими².

«— Вы ведь помните, какая я в свое время веселая была. *Бой-девка!*» (Тургенев. Живые мощи); «Отыщу я до зарницы перстень красной *царь-девицы*» (Ершов. Конек-горбунок); «— А теперь *душа-девица*, на тебе хочу жениться» (К. Чуковский. Муха-цокотуха); «*Пожар-девка!*— сказал Орлов.— Так вот шумит, а молодец, строгая...» (А. Первенцев. Честь смолоду); «Круглолицая, румяная, крепкая такая, с виду *бой-девка*, она [Валя] улыбнулась Осипу робко, чуть растерянно, всю радость от его появления уместив в глубину зрачков...» (Бегу и возвращаюсь; «Юность», 1967, № 11).

Атрибутивные существительные к определяемому слову *птица* сохранились в структуре фразеологизмов: *жар-птица* — мифологическая, сказочная птица Сирин, с ярким золотым оперением³, *царь-птица* — сказочное название орла⁴.

«— Что, ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица, ведь ты была б у нас *царь-птица*» (Крылов. Ворона и Лисица); «*Царь-птица*

¹ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 237; Словарь АН СССР, т. 1, с. 232; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1, с. 73.

² См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь, с. 52, 971.

³ Там же, с. 224.

⁴ Там же, с. 972.

отдыхать садится на овин» (Крылов. Орел и куры); «Мачты, реи, капаты снастей... Повеяло от них сказкой на Андрея. Вот-вот прилетит из-за моря *жар-птица* и сядет на одну из серебряных жердочек, колеблющихся в вышине, и осветит его, андрейкину, жизнь ярким золотистым светом» (В. Костылев. Иван Грозный); «А Саша лежал, не шевелясь, и видел ее — как она вошла и стоит в комнате, загорелая и румяная, в платье огненных цветов, вся пестрая, как *жар-птица*» (В. Панова. Времена года); «Среди работ графика Бориса Крылова... есть такая сказочная *жар-птица* в невиданном золотом оперении» (Такая жар-птица; «Комсомольская правда», 15.4.1967).

Подобно фразеологизмам *царь-птица*, *жар-птица* и словосочетание *баба-яга* — «злая волшебница, людоедка»¹ имеет фольклорно-сказочное происхождение. Мы не останавливаемся на нем потому, что сфера его употребления в отличие от приведенных фразеологизмов ограничена только лишь произведениями фольклорного характера. Кроме того, его первый компонент подвергается падежному словоизменению, что не характерно для атрибутивных существительных (ср. *у бабы-яги*, но *у жар-птицы*).

Отличие атрибутивного существительного, связанного по способу паратактического сочетания с определяемым словом, от обычных приложений как в свободных словосочетаниях, так и во фразеологических, в том и состоит, что оно не подвергается падежному словоизменению. Ср., с одной стороны, *жар-птицы*, *жар-птице*, *жар-птицу* и т. п., а с другой — *герой-летчик*, *героя-летчика*, *герою-летчику* и т. п. или *резать правду-матку*.

Этим же самым отличаются фразеологизмы, построенные на основе паратактического сочетания, и от так называемых парных наименований предметов типа *хлеб-соль*, *путь-дорога* (ср. *хлеба-соли*, *пути-дороги*, по *бой-девки*, *жох-бабы*).

Во фразеологических сочетаниях типа *душа-человек*, *простыня-человек*, *рубаха-парень* атрибутивные существительные *душа*, *простыня*, *рубаха* потенциально могут подвергнуться падежному словоизменению, но на самом деле этого не происходит, так как данные фра-

¹ Словарь АН СССР, т. 1, с. 233.

зеологизмы обычно выступают в роли либо сказуемого, либо подлежащего.

По мнению Овсяннико-Куликовского, «атрибутивные существительные во многих (если не во всех) сочетаниях типа *дуб-стол*, *шуба-соболь*, *птица-орел* и т. п. первоначально имели предикативное значение, отголосок которого до сих пор еще чувствуется в выражениях *душа-человек*, *дрянь-человек* и т. п. Это были сперва предложения архаичного типа, в которых атрибутивное существительное выступало в роли сказуемого (без глагола). С течением времени эта предикативность шла на убыль и превращалась в атрибутивность, т. е. из первоначальных предложений возникали атрибутивные словосочетания» [17, 28].

Нужно отметить, что в подобных словосочетаниях определяющие слова могли быть употреблены первоначально только в единственном числе и в именительном падеже. По поводу атрибутивных существительных, находившихся, как правило, перед определяемым словом и являвшихся более отвлеченными по своему значению, чем определяемые ими слова, А. А. Потебня писал: «...при препозитивности отвлеченного определительного, ведущей к слиянию его с определяемым в одно слово, это отвлеченное может стоять только в единственном числе: *каприз-баба*, *бой-девка*, *дрянь-человек* и *дрянь-люди* (никак не *дряни-люди*, *капризы-бабы*, *бои-девки*)» [21, 153].

Индифферентность, неизменность, «несогласуемость» атрибутивных существительных по отношению к определяемым ими словам в структуре фразеологических сочетаний *жар-птица*, *царь-девица*, *царь-птица* можно проиллюстрировать такими примерами использования их в художественной литературе:

«И что за статья/кротам мешаться сметь в дела *царь-птицы*» (Крылов. Орел и крот); «*Царь-девицу!*— все кричали:/О царях мы уж слышали» (Ершов. Конек-горбунок); «Но так же, как трудно поймать *жар-птицу*, так трудно на земле добиться и жизни прекрасной, правдивой» (В. Костылев. Иван Грозный); «Теплой болотной тинкой попахивало там, под сводами, с пылающими *жар-птицами* на падающих стенах и другими, погреховнее, сюжетам самого Бориса Григорьева» (Леонов. Русский лес).

Как видим, несмотря на различные падежные формы определяемого слова и изменение категории его числа, атрибутивное существительное остается неизменным, т. е. остается в форме единственного числа именительного падежа (ср. *царь-птицы, жар-птицу, жар-птицами* и т. д.).

Редкие случаи употребления атрибутивных существительных в форме множественного числа в структуре рассмотренных фразеологических единиц воспринимаются как фразеологические неологизмы, как отклонения от нормы (ср. *рубахи-парни, жары-птицы*). Такие примеры из художественной литературы буквально единичны:

«Вот сюда-то до зарницы/прилетают *жары-птицы*» (Ершов. Конек-горбунок); «Ваши *рубахи-парни* не любят теперь вспоминать грехи анархической их юности и смеются над ними с высоты государственной мудрости...» (И. Бабель. Солнце Италии).

В зависимости от степени семантической слитности компонентов отдельные из рассмотренных фразеологических единиц обладают тенденцией к лексикализации и не только сами превращаются в самостоятельные слова, но служат также базой образования новых слов. Таковы, например, фразеологизмы *жар-птица, царь-птица*, каждый из которых обозначает одно понятие и приближается в этом отношении к обычному слову. Оба они являются базой роста для новых слов. На их основе образуются прилагательные *жар-птицын, царь-птицын, жар-птичий* и даже *жароптицев*. Ср. «Любезные царевичи, я рад, сердечно рад *жар-птицыну* перу» (Языков. Жар-птица).

Синтаксические архаизмы, сохранившиеся в структуре рассмотренных в этой главе фразеологических единиц, неоднородны по своему характеру и по давности своего употребления в грамматическом строе русского языка.

Неотъемлемой чертой древнерусского синтаксиса являлось, например, паратактическое сочетание существительных, сохранившееся в структуре фразеологических единиц типа *жох-баба, жар-птица*, которые отличаются от современных приложений тем, что у них атрибутивное существительное не имеет тенденции к словоизме-

нению (ср. *бой-баба*, *бой-бабы* и т. п., но *великан-утес*, *великана-утеса* и т. д.).

Отраженные во фразеологизмах архаичные явления предложного и беспредложного управления тоже в большинстве своем относятся к древнерусскому периоду в развитии нашего языка (*шутка сказать, о двух головах* и др.).

Помимо учета архаичных синтаксических особенностей в структуре фразеологизмов, для определения собственной их давности существования в русском языке важно учитывать характер лексем, из которых состоят компоненты (например: *жар-птица*, *жох-баба*, *конь о четырех ногах (копытах), да спотыкается*), так как сам лексемный состав фразеологизма говорит о многом, и в частности, об историческом времени.

Фразеологические единицы с архаичными синтаксическими явлениями в своей структуре, созданные на ранних этапах развития русского языка, позволяют полнее представить его прежний синтаксический строй.

Большинство фразеологизмов, несмотря на архаичные синтаксические явления в своей структуре, составляет живую ткань современного русского литературного языка, очень часто встречается в художественной и публицистической литературе, являясь разговорно-бытовыми по своей стилистической принадлежности.

Глава 8

Воздействие современной системы языка на лексические и грамматические архаизмы в компонентном составе фразеологических единиц

§ 1. Обновление устаревших элементов в структуре фразеологических единиц

Слова, входящие в состав фразеологических единиц, несмотря на их существенно ослабленные лексические значения, все же не поглощаются бесследно тем новым, отвлеченным и общим значением, которое свойственно всему фразеологизму в целом. У слов, являющихся компонентами фразеологических единиц, вполне определено выражены их фонетические и грамматические свойства (акцентологическая и грамматическая раздельно-оформленность, наличие тех или иных грамматических значений). Они мало чем отличаются в этом отношении от обычных слов, употребленных в свободном словосочетании. Конечно, во фразеологизмах мы можем встретить те или иные видо-временные и предложно-падежные формы слов в изоляции от их прежних парадигм, но это не нарушает представления о компонентах как о словах.

Компоненты фразеологических единиц сохраняют свой лексемный характер не только потому, что в лексической системе языка им могут соответствовать омонимичные слова свободного употребления (ср. *кот наплакал* — «имеется очень мало» и *кот* — «домашнее животное, ловящее мышей и крыс»), но и потому еще, что они испытывают воздействие со стороны лексической и грамматической систем языка.

Благодаря тому что компоненты фразеологических единиц сохраняют свой лексемный характер, они подвергаются воздействию со стороны лексической и грамматической систем языка даже в том случае, если содержат в своем составе лексические и грамматические

архаизмы, а не только слова активного словаря в нормативных словоформах.

Лексемный характер компонентов фразеологических единиц ощущается с большей полнотой среди фразеологических выражений и сочетаний, где существует менее тесная связь между их слагаемыми, и проявляется в более завуалированном виде на уровне фразеологических единств и сращений.

Фразеологические сращения, образующиеся на основе фразеологических единств в результате их различных структурно-семантических трансформаций (например, *на сон грядущий* вместо прежнего *на сон грядущим*, т. е. «отходящим ко сну»), а не на основе свободных сочетаний слов, естественно, накапливают в своей структуре больше лексических и грамматических архаизмов, чем в других разрядах фразеологических единиц.

Очевидно, можно признать наличие лексических и грамматических архаизмов в структуре фразеологических сращений их существенной особенностью. По этой причине фразеологические сращения менее других фразеологизмов поддаются нормализующему воздействию современной системы языка. Давление системы языка «может натолкнуться на значительное сопротивление со стороны языковых единиц не только разных уровней, но и различной структуры, занимающих иерархически различное место в системе языка» [40, 51]. По своей структурно-семантической организации фразеологические сращения являются наиболее сложными единицами по сравнению с фразеологическими единствами, сочетаниями и выражениями. И все же, наряду с другими разрядами фразеологизмов, фразеологические сращения, содержащие лексические и грамматические архаизмы, испытывают давление современной системы языка и нередко «обновляют» свои компоненты.

Важно отметить сосуществование в современном русском литературном языке фразеологических единиц как с обновленными формами своих компонентов, так и с архаичными, в связи с чем во фразеологической системе увеличивается количество вариантов одних и тех же фразеологизмов.

Давлением грамматической системы языка можно объяснить «выравнивание» падежных окончаний в именных компонентах, например, таких фразеологических единиц, как *воздать кесарево кесареви, а божие богови,*

довлеет дневи злоба его (с архаичными формами дательного падежа единственного числа); *быть* (*находиться, ...*) *между жизнью и смертью* (с архаичными формами творительного падежа единственного числа); *опочить в бозе* (с архаичной формой местного падежа единственного числа); *упаси боже, не приведи боже, боже мой, избави боже* (с архаичными формами звательного падежа); *пока (поколе) бог грехом терпит, по делом вору и мука* (с архаичными формами дательного падежа множественного числа); *явиться (прийти, ...)* *со чады и домочадцы* (с архаичными формами творительного падежа).

Наряду с употреблением данных фразеологизмов, сохраняющих грамматические архаизмы, в современном литературном языке встречаются их варианты, где в именных компонентах падежные формы соответствуют действующей грамматической системе. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что компоненты фразеологических единиц не выпадают окончательно из системных языковых отношений и сохраняют не только облик слова, но и многие его существенные черты, а именно в определенной мере — грамматические значения. Причем эту закономерность можно обнаружить даже во фразеологических сращениях, не говоря уже о фразеологических единствах, сочетаниях и выражениях.

Приведем примеры употребления вариантов фразеологических сращений и единств с «обновленными» падежными формами своих именных компонентов: *каждому (всякому) дню довлеет злоба его, богу божье (богово), а кесарю кесарево, между жизнью и смертью, опочить в боге, упаси бог, бог мой, не приведи бог, пока (поколе) бог грехам терпит, по делам вору и мука, со чадами и домочадцами (явиться, прийти и т. п.)*.

«И там, под шум родного моря, в горах среди цветущих вилл, чтоб отдохнуть от зол и горя, прилег и в боге опочил...» (Полонский. Памяти С. Я. Надсона); «А может, это* пустое, ад-то?.. Живи, пока бог грехам терпит. Эх-ма!» (С. Подъячев. Мытарства); «По делам вору и мука,— возразила Мария Спиридоновна,— не лезь в чужой карман» (А. Рыбаков. Екатерина Воронина).

Интересно отметить во фразеологизмах *темна вода во облацех* и *притча во языцех* особую роль архаичной

формы местного (предложного) падежа существительных (*во облацех, во языцех*), которая является настолько важным элементом их структуры, что почти не поддается «выравниванию», замене новой формой. Всякие изменения в употреблении компонентов, содержащих данную форму, приводят к нарушению тождества фразеологизмов, а нередко и к их полному разрушению, например: «В имении в Яропольце властвовала маменька, Наталия Ивановна Гончарова, опустившаяся, развращенная помещица, *бывшая* на склоне лет *притчей у соседей*» (В. Вульф. Наталья Николаевна Пушкина; «Неделя», 1966, № 35).

Устойчивость структуры фразеологизма и свойственная ему тенденция к сохранению архаичных грамматических элементов, сталкиваясь с давлением языковой системы, вызывающей устранение архаизмов в его компонентном составе, может привести к созданию противоречивых вариантов фразеологической единицы (иногда даже алогичных в грамматическом отношении). Так, во фразеологизме *воздать кесарево кесареви, а божье богovi*, с одной стороны, сходство звукового состава архаичных форм существительных в дательном падеже *кесареви, богovi* с притяжательными прилагательными *кесарево, богovo*, а с другой стороны, вытеснение старых падежных форм новыми формами приводят к самым необычным трансформациям его компонентов в речевом употреблении. Например: «— Как теперь мы, так сказать, *воздали богу богovi*, то позвольте, дабы музыканты *воздали кесарю кесарево*» (М. Горький. Фома Гордеев). Здесь в первой части фразеологизма, а именно *воздать богу богovi*, образуется «стечение» двух падежных форм: новой *-у* и старой *-ови*. Иногда именные компоненты этого фразеологизма употребляются в других падежных формах (с окончаниями родительного падежа) — «Отец Иоанн холодно говорил: «*У кесаря кесарево, у бога божье*. Не нашего ума дело» (В. Озоров. Слуга царя небесного).

Говоря об устранении архаичных падежных форм в составе фразеологических единиц, несмотря на устойчивость их структуры, смысловую неразложимость и тесную спаянность компонентов, следует отметить вместе с тем национальный, внутренний характер этого явления.

Многие архаичные элементы, сохранившиеся в со-

ставе фразеологических единиц современного русского языка, подверглись нормализации во фразеологизмах родственных славянских языков и наоборот. Если, например, в русском, белорусском, украинском и польском языках во фразеологическом употреблении сохранена архаичная форма винительного падежа единственного числа: *выйти замуж, выйсьці замуж, вийти заміж, wyjs'c'za mąż*, то в сербском форма именного компонента в составе фразеологизма уже соответствует современным нормам системы склонения существительных: *итчи за мужа, удати се за мужа*. Архаичная флексия творительного падежа единственного числа *-ию*, которую мы встречаем в именном компоненте фразеологического единства русского языка *находиться (быть) между жизнью и смертью*, в украинском и белорусском, а также и в польском языках вытеснена нормативными для их грамматического строя окончаниями: *між життям і смертю, паміж жыццём і смерцю, między życiem a śmiercią*. Впрочем, и в русском языке иногда наблюдается замена архаичной флексии нормативным окончанием: *между жизнью и смертью*. Если во фразеологических единицах русского языка *с плеч долой, гора с плеч свалилась* сохраняется старинное нулевое окончание родительного падежа множественного числа, то, например, в белорусском мы уже находим в именном компоненте аналогичных фразеологизмов нормативное падежное окончание: *з плячэй далоу, гора звалілася з плячэй*.

Фразеологические единицы родственных славянских языков с архаичными и нормативными падежными формами в структуре именных компонентов можно представить в виде таблицы (см. стр. 144).

Тенденция к «обновлению» старых форм в компонентах фразеологических единиц, несмотря на свой общий характер, проявляется с большим своеобразием в каждом национальном языке. Кроме того, нужно иметь в виду длительный период сосуществования в языке новых и старых вариантов, так как фразеологизмам свойственно стремление к устойчивости и постоянству их лексического состава и грамматической структуры.

Па- деж	Язык					
	русский	украин- ский	бело- русский	польский	чешский	сербский
Вин.	<i>Выйти</i> (отдать) <i>замуж</i>	<i>вийти</i> <i>заміж</i>	<i>вийсці</i> <i>замуж</i>	<i>pojs'c'za</i> <i>mǫż</i>	<i>vydat'</i> <i>sa</i>	<i>итчи за</i> <i>мужа,</i> <i>удати</i> <i>се за</i> <i>мужа</i>
Тв.	<i>Между</i> <i>жизнию</i> <i>и смер-</i> <i>тию</i>	<i>між</i> <i>жизнню і</i> <i>смертню</i>	<i>паміж</i> <i>жыццём</i> <i>смерццю</i>	<i>międz</i> <i>życiem</i> <i>a śmier-</i> <i>cią</i>	<i>medzi</i> <i>životom</i> <i>a smrt'ou</i>	<i>лебдети</i> <i>измежу</i> <i>живота</i> <i>и смер-</i> <i>ти</i>

§ 2. Взаимодействие компонентов фразеологических единиц с лексической системой языка — необходимое условие устранения архаизмов

Воздействие лексической системы на компоненты фразеологизмов лишний раз подтверждает то обстоятельство, что компоненты фразеологических единиц не утрачивают лексемного характера и сохраняют свою связь прежде всего с лексической, а через ее посредство и с грамматической системами языка.

Покажем эту закономерность на фразеологических единицах, содержащих собственно лексические архаизмы: существительные *око*, *пята*¹; глаголы *обряцете*, *имут*; местоимения *кой*, *сей*; служебные слова *иже*, *яко* и др. Вместо этих архаичных слов в свободных словосочетаниях употребляются слова живой активной лексики русского языка: *глаз*, *пятка*, *найдете*, *имеют*, *какой*, *этот*, *который*, *как*, *словно* и др.

Воздействие нормативных лексем современной лексической системы на компоненты указанных выше фразеологизмов приводит к возникновению в современном литературном языке новых вариантов фразеологических

¹ В «Словаре АН СССР» *пята* определяется как устаревшее слово с тем же значением, что и слово *пятка* — «задняя часть ступни человека и животного», которое является нормативным для современной лексической системы (см. т. 11, с. 1818 и 1832).

единиц с устраненными лексическими архаизмами в их структуре: *беречь как зеницу глаза (ока)*; *с головы до пяток (до пят)*, *ищите и найдете (и обрящете)*, *мертвые сраму не имют (не имут)*, *ни в каком (коем) случае, ни в какой (коей) мере, блажен [тот] муж, который (иже) не идет на совет нечестивых; как (яко) тать в нощи (ночью), которым (коим) нет числа*. В художественной литературе, в эпистолярном стиле XIX и XX вв. можно встретить десятки случаев использования указанных фразеологизмов в их новых вариантах.

«Погибнем, мертвым срама нет!» — гремит перед дружиной» (Жуковский. Певец во стане русских воинов); «Земляница, малина, смородина — на все попушник найдется. *Искать, сударь, надо — и найдется*. Толцые, и отверзется» (Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо); «Не сказал никому ни слова, взял с собою часослов древний да тулупчик и скрылся из дому, *словно тать ночью*» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); «Подлая болезнь, незаметно разрушая организм, подкралась *как тать в нощи*, совершенно внезапно» (Шишков. Угрюм-река); «— И по писанию, *блажен тот муж, кто к нечестивым на совет не ходит*» (А. Островский. Козьма Минин); «Кирпич ни с того, ни сего, — внушительно перебил неизвестный, — никому и никогда не свалится. Вам он *ни в каком случае* не угрожает» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); «— И нам *беречь тебя надо, как зеницу глаза*» (В. Кожевников. Щит и меч); «За него дрожу, *как за зеницу глаза*» (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин).

Подобно тому, как вытесняются собственно лексические архаизмы, в структуре фразеологических единиц может происходить обновление компонентов, содержащих лексико-фонетические и лексико-словообразовательные архаизмы, например: *златой телец* и *золотой телец*, *от (с) младых ногтей* и *от (с) молодых ногтей*, *златая цепь* и *золотая цепь*, *продать за тридцать сребренников* и *продать за тридцать серебряников*, *по градам и весям* и *по городам и весям*, *яко тать в нощи* и *словно тать ночью*, *недреманное око* и *недремлющее око*, *семи пяденей во лбу* и *семи пядей во лбу*, *глас вопиющего в пустыне* и *голос вопиющего в пустыне*.

Как видим, в именных компонентах неполногласные

сочетания *-ла-, -ра-, -ре-* старославянского происхождения вытесняются русскими полногласными сочетаниями *-оро-, -оло-, -ере-*; в слове *ночь* (старославянское *нощь*) старославянский звук *щ* вытесняется русским *ч*. В первом варианте фразеологической единицы *недреманное око* причастие имеет иное суффиксальное оформление, соответствующее современной системе глагольного формообразования: *недремлющее око*. В более новом варианте фразеологической единицы *семи пядей во лбу* существительное *пядь* лишено прежнего суффиксального оформления (ср. *пядень*), хотя тоже является устаревшим для современной лексической системы.

Таким образом, старые и новые варианты фразеологизмов сосуществуют в современном литературном языке, и пока еще не наблюдается преобладающего употребления новых вариантов данных фразеологизмов над старыми. Приведем примеры:

а) «*Продаст за тридцать сребреников, глазом не моргнув*» (Достоевский. Село Степанчиково); «— Кто из моих людей смеет обижать сироту?— закричал он.— *Будь он семи пядень во лбу*, а от суда моего не уйдет» (Пушкин. Капитанская дочка); «— *Будь он хоть семи пяденей во лбу*, но я почувствовал бы к нему... сожаление» (Белинский. Письмо В. П. Боткину, 14.3.1842); «— Уже и предостережение мне было, смертный же час, *яко тать в нощи*, приближается» (Тургенев. Степной король Лир); «— Я не ошибся в моих надеждах на благодетельный случай: он не заставил себя долго ожидать и явился *яко тать в нощи*» (Лесков. Смех и горе); [Посреди толпы] «...*недреманным оком* бодрствовал неустрашимый штаб-офицер» (Салтыков-Щедрин. История одного города); «А я со времен *младых ногтей* моих морали терпеть не мог» (М. Горький. Проходимец);

б) «Не сказал никому ни слова... и скрылся из дому, *словно тать ночью*» (Салтыков-Щедрин. Губернские очерки); «— Прочь из этой растленной страны, где господствует *золотой телец* и его жрецы-банкиры и фабриканты» (Г. Серебрякова. Похищение огня); «Отраслевое и территориальное планирование — это одна неразрывная и нерасторжимая *золотая цепь*» (Златая цепь; «Известия», 15.11.1967); [Мерцалов] «... с *младых ногтей* меч-

тал о революции» (Федин. Необыкновенное лето); «В школе действует «Союз неравнодушных» — это наше *недремлющее око...*» (из газет); «Ростов будет центром радиальных маршрутов *по городам и весям* Ярославщины» (Город на озере Неро; «Известия», 30.5.67); «Слух [об этом событии в школе] прошел *по городам и весям*. Не миновал и Семеновки» (фельетон «Пуганая ворона»; «Комсомольская правда», 25.11.1967).

Приведенные примеры показывают «равновесие» в употреблении вариантов фразеологических единиц с лексико-фонетическими и лексико-словообразовательными архаизмами и «нормализованными» компонентами. Варианты фразеологических единиц, содержащих архаизмы, не следует квалифицировать как устаревшие, не изучив предварительно частотность их употребления и сферу распространённости.

§ 3. Утрата компонентами фразеологизмов системных связей и отношений с единицами лексической системы — необходимое условие их «консервации»

Важно отметить, что нормализующему воздействию современной грамматической системы прежде всего подвергаются те архаические словоформы в компонентах фразеологических единиц, которые сохраняют определённую соотнесённость с теми или иными лексемами активного словарного запаса. Так, например, архаические словоформы *в бозе* и *в человецех* (формы существительных местного падежа множественного числа), являющиеся компонентами фразеологических сращений *опочить в бозе* — «скончаться, умереть» и *мир на земле, в человецех благоволение* — «всеобщее благоденствие», очевидно, сохраняют системную соотнесённость с лексемами *бог* и *человек* и по этой причине подвергаются нормализации.

Параллельно со старыми вариантами этих фразеологизмов в современном литературном языке употребляются новые варианты, где компоненты, о которых идет речь, употреблены в нормативных словоформах: *опочить в боге, мир на земле, в человеках благоволение*.

Причем давление современной надежной системы и системы числа оказывается настолько сильным, что форма предложного падежа множественного числа у лексемы *человек* образуется не супплетивным путем (*в людях*), характерным для свободного нормативного словоупотребления, а наиболее «регулярным» путем, от той же основы слова, что и в единственном числе (ср. *в человеке* и *в человеках*), как это свойственно подавляющему большинству слов русского языка. В процессе нормализации во фразеологизме словоформы *в челове́цах* (*в челове́ках*) как бы устраняется ущербность и нерегулярность супплетивного формообразования в русском языке.

Примеры употребления в современном русском языке новых вариантов фразеологических единиц с архаичными словоформами *в бо́ге* и *в челове́ках* немногочисленны: «И вот часовня на дороге. Тут с давних лет *почиет в бо́ге* какой-то князь, теперь святой, убитый мстительной рукой» (Лермонтов. Демон); «Наука была одним из важнейших факторов, способствовавших водворению *на земле мира, в человеках благоволения*» (К. А. Тимирязев. Соч., т. 9, с. 201).

Если бы компоненты фразеологических единиц полностью утрачивали «взаимоотношения с другими словами» [49, 193], то были бы невозможны случаи нормализующего воздействия на них современной системы языка. Было бы невозможно возникновение новых вариантов фразеологических единиц с обновленными формами своих компонентов. Но поскольку компоненты фразеологизмов сохраняют системную соотнесенность с определенным лексическим пластом современного словарного состава, они не могут быть «застрахованы» от различных изменений, диктуемых системой языка.

Полную изоляцию от системы языка и невосприимчивость к идущим от нее нормализующим импульсам получают лишь те компоненты, которые действительно утрачивают системные отношения с другими словами.

Примерами фразеологических единиц, компоненты которых потеряли соотнесенность с современной лексической системой, могут служить *турусы на колесах*, *гол*, *как сокол*, а также *погибоша аки обри*; *овому талант*, *овому два* и некоторые другие. Как видим, это такие фразеологизмы, в структуре которых содержатся исто-

ризмы *турусы*, *сокол*, *обри* (наименование полностью истребленного, вымершего племени), *талант* (давно вышедшая из употребления денежная единица). Утрата компонентами данных фразеологических единиц системных отношений с пластами лексики современного языка предопределила их консервацию в структуре фразеологизмов.

Изоляция тех или иных слов в определенных архаичных словоформах, их «отрыв» от современной грамматической системы в структуре устойчивых словосочетаний — процесс нескорый, длительный и многоступенчатый. Постараемся проследить его на примере фразеологического сращения *притча во языцах*.

Во фразеологическом сращении *притча во языцах*, построенном по способу морфологической детерминации, архаичная словоформа *(во) языцах* (местный, или предложный, падеж существительного мужского рода *язык* во множественном числе) не подвергается нормализующему воздействию современной системы падежных окончаний, присущих данному слову в свободных словосочетаниях.

Этому препятствует то обстоятельство, что слово *языцы*, употребленное в данном фразеологизме, ранее обладало таким значением, которое ему не свойственно теперь в современной лексической системе. Слово *языцы* со значением «народы, народности» не вошло в современную лексическую систему и никак не соотносится с лексемой *язык*, обозначающей особый орган речевого аппарата человеческого организма. Не соотносится оно и с другими значениями этой лексемы, определяющими *язык* как «систему словесного выражения мыслей, обладающую определенным звуковым и грамматическим строем и служащую средством общения в человеческом обществе» или как «разновидность речи, обладающую теми или иными характерными признаками»¹ и т. д.

До тех пор пока значение слова *языцы* — «народы, народности» еще входило в систему «живых» значений, свойственных данному слову, словосочетание *притча во языцах* могло осознаваться как свободное, или переменное (ср. *есть притча во языцах*, т. е. «есть сказание (пословица, предание) у народов», *нет притчи во языцах* —

¹ См.: Словарь АН СССР, т. 17, с. 2050, 2057.

«нет склепки (половины, предания) у народов и т. п.). Но как только это значение оказалось утраченным, выпало из совокупности значений, присущих слову *язык*, оно оказалось изолированным в данном словосочетании от системы живых современных значений, свойственных данному слову. Словоформа (*во*) *языцех* в семантическом аспекте потеряла соотнесенность с лексемой *язык*.

Наполнение словосочетания *притча во языцех* новым обобщенным и метафорическим значением «предмет всеобщих пересудов», которое происходит одновременно с утратой реалии, отвлечением от первоначального конкретного применения данного оборота речи, приводит к тому, что в словоформе (*во*) *языцех* утрачивается старое значение — «у народов». В связи с этим данное словосочетание в целом становится неразложимым, семантически слитным.

Изоляция словоформы *во языцех* от лексемы *язык*, потеря семантической соотнесенности с нею приводят к тому, что она застывает в неизменном виде, а потому, естественно, «отстает» от развивающихся и изменяющихся падежных окончаний лексемы *язык*, от уходящей все далее грамматической системы языка в целом.

В конце концов словоформа *во языцех* становится архаичной не только в лексико-семантическом отношении, но и в морфологическом. Таким образом, утрата компонентами фразеологических единиц системной соотнесенности на лексическом уровне языка предопределяет их изоляцию и на морфологическом уровне, приводит к постепенному накоплению в структуре фразеологизмов архаических словоформ и препятствует воздействию на них современной морфологической системы.

Путь, который проходят обычные переменные словосочетания от свободных до идиоматических, характеризующихся высокой степенью устойчивости, оказывается очень долгим: прежде всего формируется семантическая слитность и целостность значения данного словосочетания, позже всего складывается его грамматическая неразложимость, в результате которой появляются морфологические и иные архаизмы.

Совершенно инертными к давлению системы языка (на его фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях) остаются те компоненты фразеологизмов,

которые полностью выпадают из системных связей и отношений. Таковы, например, *сокол* — «стенбитное орудие», *турусы* — «башни для осады крепостей», которые полностью вышли из употребления и современному литературному языку свойственны лишь в составе устойчивых словосочетаний. Поскольку эти слова окончательно выпали из современной лексической системы (утратили всякие связи с другими словами), они не могут подвергаться какому-либо ее воздействию и в структуре фразеологизмов. Фразеологические сращения *гол как сокол* — «очень беден» и *турусы на колесах* — «чепуха, вздор, нелепость» в речевой практике именно по этой причине не подвергаются каким бы то ни было изменениям.

Таким образом, нормализующему воздействию подвергаются компоненты, не порывающие системных отношений с различными уровнями языка и прежде всего с лексическим. Напротив, инертными к воздействию языковой системы остаются компоненты фразеологизмов, выпадающие из системных связей на различных языковых уровнях и прежде всего на лексическом.

§ 4. Переоформление видов зависимости между компонентами фразеологических единиц в связи с вытеснением лексических и грамматических архаизмов

Зависимость одних компонентов от других в структуре фразеологизмов может осуществляться не только на лексико-семантическом уровне, но и на других языковых уровнях, поскольку язык, помимо семантического и лексического уровней, имеет еще целый ряд других: фонетический, морфологический, синтаксический.

По характеру зависимости между компонентами фразеологические единицы, состоящие из слов активной лексики современного русского языка, резко отличаются от тех фразеологизмов, в структуре которых содержатся различные архаизмы. Отношения зависимости на морфологическом или морфолого-синтаксическом уровне возможны только между компонентами таких фразеоло-

гизмов, в которых содержатся грамматические архаизмы.

Что касается фразеологизмов, состоящих из слов активной, неархаичной лексики, то здесь отношения зависимости компонентов (или друг от друга, или одного от другого) возможны только на лексическом уровне. Так, например, фразеологические единицы *ударить по рукам* — «заключить соглашение», *убить бобра* — «обмануться в расчетах», *сбиться с ног* — «устать от хлопот», *втереть очки* — «обмануть кого-либо, представить что-либо в искаженном виде»¹ обладают взаимной лексико-семантической детерминацией², так как присущее им неразложимое значение создается семантической взаимозависимостью компонентов. Фразеологическим единицам *с открытым сердцем* — «без предубеждений, искренне, доверчиво», *руки коротки* — «о недостаточности власти, прав, возможностей», *зло берет* — «охватывает злость», *с легким сердцем* — «без всякой тревоги, без опасений» свойственна лексико-семантическая детерминация, так как особые оттенки значений прилагательных *открытый*, *короткий*, *легкий* и глагола *брать* предполагают наличие в этих фразеологизмах соответствующих лексем: *руки*, *зло*, *сердцем*.

Что касается видов зависимости между компонентами на морфологическом уровне, то они возможны только среди фразеологических единиц, содержащих в своей структуре архаические словоформы: *еле можахом* (форма имперфекта), *среди бела дня* (краткое прилагательное в родительном падеже), *сказаться в нетех* (местный падеж имени существительного во множественном числе), *и прочая, и прочая* (форма полных прилагательных во множественном числе среднего рода) и др.

Если архаическая словоформа содержится в одном из компонентов фразеологической единицы, то она предопределяет одностороннюю зависимость между компонентами, т. е. морфологическую детерминацию, напри-

¹ См.: Фразеологический словарь, с. 37, 87, 409, 487.

² Термины *детерминация*, т. е. односторонняя зависимость компонентов, *взаимная детерминация* (двусторонняя зависимость) и *индетерминация* (отсутствие зависимости между компонентами) введены в научный оборот В. Л. Архангельским в его книге «Устойчивые фразы в современном русском языке» (Ростов-на-Дону, 1964).

мер: *сказаться в нетех*. Здесь архаическая словоформа *в нетех* предполагает лексему *сказаться*.

Если архаические словоформы содержатся в обоих компонентах фразеологической единицы, то они определяют двустороннюю взаимную зависимость компонентов, т. е. взаимную морфологическую детерминацию, например: *и прочая, и прочая*.

Фразеологическим единицам с лексическими и грамматическими архаизмами в своей структуре могут быть присущи только отношения лексической и морфологической детерминации или взаимной детерминации. Фразеологизмам с архаическими элементами индетерминация не свойственна.

По мере обновления компонентов фразеологических единиц в результате нормализующего воздействия современной системы языка существенно преобразуются виды зависимости между ними.

Если взять, например, старые варианты фразеологизмов *прильпе язык к гортани* и *об одеждах его меташа жребий*, для компонентов которых характерна морфологическая детерминация, так как архаические словоформы *прильпе* и *меташа* определяют наличие других лексем, и сравнить их с новыми вариантами *прилип язык к гортани* и *об одеждах его метали жребий*, то мы увидим, что последние имеют иную структурную организацию. Детерминирующими элементами здесь являются не архаические словоформы, как было прежде, а сочетания лексем *прилип язык* и *метали жребий*. Детерминация здесь осуществляется только на лексическом уровне.

Поскольку в новых вариантах фразеологических единиц *прилип язык к гортани* и *об одеждах его метали жребий* все компоненты состоят из лексем, свойственных активному запасу современной лексической системы языка, постольку усиливается мотивировка общего переносного значения, характерного для этих фразеологизмов: *прилип язык к гортани* — «замолчал от неожиданности, удивления или страха» (кто-либо) и *об одеждах его метали жребий* — «преждевременно делили чье-либо наследство, спорили о нем».

Если старые варианты фразеологизмов *прильпе язык к гортани* [моей] и *об одеждах его меташа жребий* из-за наличия в них архаических словоформ воспринимаются как единицы с неразложимым и немотивирован-

ным значением и относятся к фразеологическим сращениям, то новые варианты являются уже фразеологическими единствами. То же самое можно сказать о фразеологизмах *отверзошася (разверзлись) хляби небесныя, вкусих (вкусил) мало меду* и многих подобных.

Аналогично «выравниванию» архаичных глагольных форм могут приводиться в «соответствие» с современной грамматической системой языка старые падежные формы, сохранившиеся в компонентах многих фразеологических сращений. В этом случае также можно проследить перестройку внутривидовых отношений между компонентами и переход новых вариантов фразеологизмов в разряд фразеологических единств, если у них нет других архаичных элементов.

Так, во фразеологических сращениях *поколе (пока) бог грехом терпит* и *поделом вору и мука* детерминирующими элементами являются архаические словоформы *грехом* и *поделом* (формы дательного падежа множественного числа) и зависимость между компонентами определяется как морфологическая детерминация. Архаические словоформы поддерживают неразложимость значений этих фразеологизмов, «препятствуют» их мотивировке, например: «— Слава богу, живем, *пока бог грехом терпит*» (А. Островский. Не в свои сани не садись); «— Видать, сударь, узнали вашего раба? — спросил дородный вельможа Демидова.— *Поделом вору и мука!*» (Е. Федоров. Каменный пояс).

В новых вариантах данных фразеологических единиц детерминирующими элементами являются уже не архаические словоформы, как было прежде, а лексемы *грехам* и *по делам* в словоформах, соответствующих современной грамматической системе, и зависимость между компонентами определяется как лексическая детерминация (возможно, даже не по одному, а по нескольким первым компонентам): *пока бог грехам терпит* — «до тех пор, пока жив (живы)»; *по делам вору и мука* — «понести наказание за свои поступки» (о ком-либо). Здесь уже имеет место мотивировка значений фразеологизмов, и последние переходят в разряд фразеологических единств, например: «— Ну, да в картах сам виноват, сам и наказан: *по делам вору и мука*. А в женитьбе непременно с собою топишь еще человека» (Герцен. Кто виноват?); «— Ничего [живу], Игнат Исаевич. *Пока бог грехам терпит*» (В. Панова. В старой Москве).

Вместе с тем, хотя в структуре фразеологической единицы *сказаться в нѣтех* архаическая словоформа *в нетех* (местный падеж множественного числа) может оказаться вытесненной и замененной формой, соответствующей современной грамматической системе (например, *в нетях*), значение нового варианта данной фразеологической единицы не станет в результате этого ни разложимым, ни мотивированным. Переходу нового варианта фразеологической единицы *сказаться в нетях* в разряд фразеологического единства препятствует не только морфологический архаизм, но и лексический, а именно устаревшее слово *нѣти* — «не находящиеся налицо». По этой причине оба варианта данной фразеологической единицы являются фразеологическими сращениями с немотивированным для нашего времени значением: «отсутствовать, быть неизвестно где». Например: «Помещиков он не любил и скоро отвадил их от себя, *сказываясь в нетех*» (И. Новиков. Пушкин в изгнании); «Если кто, соскучась без толку шагать по дорогам, *сказывался в нетях*, таких били батогами» (А. Толстой. Петр Первый).

§ 5. Фразеологические единицы с несколькими архаизмами в своих компонентах

Фразеологические единицы, которые содержат не один, а несколько лексических и грамматических архаизмов или историзмов, отличаются большой спаянностью и взаимозависимостью своих компонентов.

Внутриструктурная зависимость между компонентами, содержащими архаизмы, в составе одной и той же фразеологической единицы имеет свою специфику. В связи с различным характером архаизмов (лексико-фонетических, лексико-семантических, лексико-словообразовательных, собственно лексических, морфологических, синтаксических) и историзмов взаимозависимость между компонентами осуществляется на разных языковых уровнях.

Поясним это положение на таких примерах. Во фразеологизме *погибоша аки обри* архаическая словоформа *погибоша* предполагает компоненты *аки обри* (морфологическая детерминация). В свою очередь *аки обри* (лексический архаизм и историзм) определяют компонент *погибоша* (лексическая детерминация). Как

видим, и направление, и уровень односторонней зависимости во втором случае иные по сравнению с первым. В целом же компоненты этого фразеологизма связаны двумя «перекрестными» видами зависимости, которые сообщают ему большую прочность и устойчивость структуры.

Во фразеологизме *дневи довлеет злоба его* архаическая словоформа *дневи* предполагает последующие компоненты (морфологическая детерминация). В свою очередь лексико-семантические архаизмы *довлеет злоба (его)* предсказывают первый компонент *дневи* (лексико-семантическая детерминация). Как видим, компоненты фразеологизма опять-таки оказываются взаимозависимыми, хотя эта зависимость и происходит на разных языковых уровнях.

Во фразеологических сращениях *ничтоже сумняшеся, камо грядеши, все печешися, сим победиши* содержащиеся в первых компонентах собственно лексические архаизмы *камо* — «куда», *все* — «напрасно, тщетно», *сим* — «этим», лексико-словообразовательный архаизм *ничтоже* — «несколько» обеспечивают лексическую детерминацию, так как предполагают последующие компоненты. Вместе с тем архаические глагольные словоформы, находящиеся в структуре вторых компонентов этих фразеологизмов, а именно *сумняшеся, печешися, грядеши, победиши* — образуют морфологическую детерминацию, так как предполагают наличие архаичных лексем в первых компонентах.

Взаимозависимость компонентов может быть и на одном языковом уровне, если содержащиеся в них архаизмы однородны. Так, например, во фразеологизмах (*явиться,...*) *яко тать в нощи* и (*беречь,...*) *как зеницу ока* компоненты содержат лексические архаизмы, которые обеспечивают их взаимную детерминацию на лексическом уровне. Архаические глагольные словоформы *положиша* (вместе с лексико-семантическим архаизмом *живот* — «жизнь») и *не познаша* во фразеологических единицах *положиша живот за други своя* и *своя своих не познаша* предполагают наличие других архаичных словоформ. В свою очередь архаические именные и местоименные словоформы *за други своя* и *своя своих* предполагают устаревшие глагольные словоформы. Таким образом, взаимная детерминация компонентов в этом случае осуществляется на морфологическом уровне.

Компонентам некоторых фразеологических единиц свойствен «многоярусный» характер содержащихся в них архаизмов, а именно в одном и том же компоненте могут оказаться архаизмы разных уровней языка. Так, например, компоненты фразеологизмов *в бозе* (*опочить в бозе*), *в руце* (*в руце божией*), *во облацех* (*темна вода во облацех*), *во пророцех* (*Еда и Саул во пророцех*) содержат не только грамматические архаизмы (формы местного падежа), но и связанные с ними фонетические архаизмы (смягчение заднеязычных в основе слов перед гласными переднего ряда: *г — з; к — ц*). Если же взять фразеологическое сращение *притча во языцех*, то его компонент *во языцех* содержит помимо грамматического и фонетического архаизмов еще и семантический, а именно устаревшее значение слова *язык* — «народ, народность».

Естественно, такой многослойный характер архаизмов, встречающийся в компонентах отдельных фразеологизмов, придает им особую колоритность и содействует тому, что они выступают в качестве детерминирующих элементов фразеологической единицы. Такие компоненты препятствуют мотивировке значения фразеологизма и потому поддерживают его идиоматичность.

«Насыщенность» фразеологической единицы различными архаичными элементами языковой структуры еще не определяет, однако, степени ее устарелости во фразеологическом составе языка.

В предшествующих главах данной книги при рассмотрении фразеологических единиц, содержащих в своей структуре грамматические и лексические архаизмы, мы отмечали различную стилистическую принадлежность этих единиц и встречали их как среди межстилевых фразеологизмов (ср. *ни кола, ни двора, сидеть сложа руки*) и разговорно-бытовых (ср. *точить лясы, бить баклуши*), так и среди фразеологизмов книжного характера (ср. *златой телец, в мгновение ока*).

Фразеологические единицы, содержащие в своем компонентном составе один или несколько архаизмов, могут быть в такой же мере продуктивными по степени своей употребительности и устаревшими, в какой это свойственно и другим фразеологизмам, состоящим, например, из слов активной лексики и не имеющим архаических словоформ в своей структуре. Такие фразеологические единицы, как *ничтоже сумняшеся, притча во языцех*,

как *зеницу ока*, *боже упаси* и другие, хотя и содержат по несколько архаичных языковых элементов, тем не менее являются очень продуктивными по степени своего употребления. Напротив, можно привести немало примеров устаревших фразеологических единиц, состоящих из слов активной лексики языка: *барашек в бумажке* — «взятка», *бить поклон* — «почтительно кланяться, приветствуя кого-либо» и т. п.

Как видим, наличие или отсутствие архаичного языкового элемента в структуре фразеологизма не связано непосредственно с его стилистической принадлежностью и употребительностью. Конечно, среди фразеологизмов, содержащих различные архаизмы, встречаются и устаревшие, малоупотребительные, но тем не менее еще не выпавшие из фразеологического состава, например: *орать на чужой телице* — «пользоваться плодами труда и усилий других», *отделять овец от козлиц* — «отграничивать вредное от полезного, плохое от хорошего», *лента вдовицы* — «посильная жертва» и некоторые другие. Однако степень их употребительности зависит не от наличия в их структуре архаизмов.

Степень устарелости фразеологизма определяется другими факторами. Во-первых, может исчезнуть то явление действительности, которое обозначалось данным фразеологизмом (например, *черта оседлости*), а во-вторых, сам он может оказаться вытесненным либо другим фразеологизмом, либо отдельным словом (ср. *горюч камень* и *сера*).

Глава 9

Словообразование на почве фразеологических единиц

Фразеологические единицы в отличие от свободных словосочетаний образуются на основе уже существующих словосочетаний в связи с особой актуальностью или экспрессивностью выражаемых ими значений.

В свою очередь фразеологические единицы могут служить базой для образования новых слов в языке. Фразеологические единицы «это не только продукт окаменения и изоляции слов, но и способ и источник рождения новых слов» [10, 122].

Важно отметить при этом, что на основе фразеологических единиц, имеющих в своей структуре те или иные архаичные элементы, точно так же, как и на основе фразеологизмов с нормативными словоформами в своем компонентном составе, могут возникать новые слова, пополняющие современную лексическую систему.

§ 1. Компоненты фразеологизмов как «потенциальные» слова в их структуре и как реальные новые лексемы в системе языка

Становясь структурными элементами фразеологической единицы, слова ослабляют и теряют свои прежние значения, с которыми они известны лексической системе русского языка. Их значения как бы «растворяются» в том общем значении, которое свойственно всему фразеологизму и которое «поглощает» значения составляющих его частей. По этой причине некоторые ученые компоненты фразеологических единиц называют лишь потенциально словами.

Но с течением времени у слов, находящихся в структуре фразеологизмов, возникают новые значения, непохожие на те, которые были им свойственны прежде. С этими новыми «внесистемными» значениями, развившимися в структуре фразеологических единиц, отдельные компоненты последних могут вновь войти в лексическую систему языка.

Наиболее специфическим способом образования новых слов в языке на основе фразеологизмов является вычленение из состава фразеологической единицы одного из ее компонентов, который получает затем самостоятельное употребление в языке и наделяется тем значением, которое раньше было свойственно всему фразеологизму в целом. В. В. Виноградов следующим образом характеризовал своеобразие этого процесса. «В самом деле,— писал он,— словосочетание нередко сжимается в одно слово, которое и воспринимает смысловую функцию целой идиомы... Так, слово *выйти* (за кого-нибудь) — о женщине в значении «стать женой кого-нибудь» — возникло, конечно, из идиомы *выйти замуж*. Это эллиптическое сжатие вызвано тавтологической излишностью наречия *замуж* при точном обозначении мужа» [10, 123].

Именно таким путем появились в лексической системе современного русского языка новые слова: *балясы* — «пустые разговоры» (ср. *точить балясы*), *сыр-бор* — «перебранка, склока» (ср. *из-за малой искры сыр-бор разгорелся*). Слова эти, как правило, имеют омонимы в современной лексической системе: *выйти* — «покинуть помещение, пределы чего-либо», *бор* — «сосновый и еловый лес» либо в лексической системе языка предшествующих периодов его развития, например: *балясы* — «резные или точеные столбики, служившие украшением на перилах или окнах», *сыр* — краткое прилагательное со значением «пропитанный влагой».

В результате вычленения того или иного компонента из структуры фразеологизма иногда наблюдаются случаи перехода слова из одной части речи в другую. Так, например, в компонентном составе фразеологизма *власти предержащие* второе слово является причастием. При «самостоятельном» же его употреблении со значением, свойственным всему фразеологизму, а именно *предержащие* — «лица, облеченные властью»¹, данное новое слово выступает уже в качестве существительного.

Потенциальные возможности для выделения из структуры устойчивого словосочетания, надо полагать, существуют у компонентов многих фразеологических единиц, однако реализуются они далеко не всегда. Регу-

¹ Словарь АН СССР, т. 11, с. 119.

лярное выделение компонентов фразеологических единиц с новыми «несистемными» значениями привело бы к образованию в лексической системе излишне большого количества омонимичных слов, что затруднило бы пользование данным языком.

По мнению О. С. Ахмановой, «распространение в речевом употреблении фразеологической единицы *делать из мухи слона* создает потенциальную возможность употребления слов *слон* и *муха* уже не только для обозначения соответствующих животных, но и для выражения отвлеченных понятий «важного», «существенного» в противопоставлении «мелкому, незначительному» [1, 170]. Однако слова *слон* и *муха* с «фразеологическими» значениями не вошли в лексическую систему русского языка, как и не произошло самого факта «вычленения» их из компонентного состава фразеологизма. Различные случаи индивидуально-стилистических трансформаций этого фразеологизма, разумеется, нами не могут приниматься в расчет (например, у Маяковского: «А теперь — буржуазия. Что делает она? Она *из мухи делает слона* и после — продает слоновые кости»).

Помимо вычленения компонентов из структуры фразеологических единиц, русскому языку свойственны еще некоторые способы словообразования на базе фразеологизмов.

Это прежде всего лексико-синтаксический способ, сущность которого заключается в том, что компоненты фразеологизма здесь соединяются в одну лексему, т. е. фразеологизм как бы «сжимается» до размеров одной лексической единицы, например: *сойти с ума* — *сумасшедший*, *сей час* — *сейчас*, *сего дня* — *сегодня* и т. д. Характерной особенностью этого способа является то, что компоненты фразеологизма соединяются в одно сложное слово в тех словоформах, в которых они находились в структуре фразеологических единиц (сравни аналогичное образование сложных существительных *горлицы*, *перекати-поле*)¹.

¹ Первые наблюдения над этим способом словообразования в русском языке были сделаны И. И. Срезневским в 1873 г. в статье «Замечания об образовании слов из выражений» («Изв. АН», 2-е отд.; т. 2, вып. 3. Спб., 1873, с. 104). В наше время этот способ словообразования исследует Н. М. Шанский в статьях: «О принципах словообразовательного анализа», «О словах, возникших на

Далее, можно выделить способ сложения основ нескольких компонентов фразеологической единицы. Чаще всего наблюдается основосложение двух компонентов фразеологизма, например: (*переливать, ...*) *из пустого в порожнее* — *пустопорожний*. Основосложение иногда может быть осложнено суффиксацией: *злоба дня* — *зл**о**бод**н**ев-н-ый*. Впрочем, суффиксация может иметь место и при лексико-синтаксическом способе, например: *сию мину́ту* — *с**ю**мин**у**т-н-ый, с**ю**мин**у**т-н-о*.

Наконец, весьма продуктивным способом «фразеологического словообразования» является образование новых слов с помощью суффиксации и префиксации на основе одного из компонентов, «аккумулирующего» в себе значение, свойственное всей фразеологической единице. В этом случае вычленение того или иного компонента из структуры фразеологизма осложняется суффиксацией или префиксацией, а иногда и тем и другим.

Рассмотрим более внимательно способы фразеологической деривации слов, которые существенно дополняют общее представление о системе русского словообразования.

§ 2. Вычленение отдельных компонентов из структуры фразеологизма

Сущность этого явления заключается в том, что у слов, входящих в состав фразеологических единиц, «возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения» [1, 170].

В современном русском литературном языке можно привести уже немало случаев «возникновения у слов новых номинативных значений путем актуализации тех потенциальных семантических возможностей, которые они приобрели в составе фразеологической единицы» [1, 170]. Так, из четырехсот фразеологических единиц, выборочно взятых нами для наблюдений над их вариантностью и словообразовательными возможностями

базе фразеологических оборотов», опубликованных в журнале «Русский язык в национальной школе» (1958, № 4; 1960, № 6), а также в кн.: Фразеология современного русского языка (М., 1969, с. 180 и сл.).

из всех томов большого академического словаря русского языка, оказалось, что у пятидесяти имеются словообразовательные тенденции, причем вычленение компонентов, не осложненное аффиксацией, характерно для десяти, а осложненное аффиксами — для восемнадцати фразеологизмов.

Слова, возникшие на почве компонентов фразеологических единиц, обогащенные новыми значениями, осознаются как омонимы по отношению к тем своим «прототипам», которые известны вне фразеологических связей. Сравним такие слова: *притча* — 1) «иносказательное выражение с нравоучительным выводом», 2) разговорное — «непредвиденное обстоятельство, случай» («Вот так притча!») ¹ и *притча* — «предмет общих разговоров, пересудов», т. е. слово, возникшее на базе фразеологизма *притча во языцех*. С этим последним, «фразеологическим», значением мы встречаем, например, слово *притча* в прозе Паустовского: «Урусов багровел от гнева, чувствуя, что этот смерд паходчивее его, князя, чье острословие стало *притчей* игорных домов» (Судьба Шарля Лонсевиля).

Слово *agneц* со значением «ягненок, барашек» ² сейчас не употребляется в свободных словосочетаниях, осознается устаревшим (ср. «Погубит он мою душу, зарежет как волк агнца»; — Гоголь. Мертвые души). Но слово *agneц* со значением «олицетворение кротости, невинности», возникшее на почве фразеологизмов *бедный agнец*, *непорочный agнец*, используется в публицистике и в современной художественной литературе.

В произведениях современной художественной литературы и в устной речи слово *телец* — «молодой бычок, теленок» ³ уже не употребляется. В то же время слово *телец* со значением «символ богатства, деньги», сформировавшееся на основе фразеологизма *золотой (златой) телец*, встречается как в литературе XIX, так и XX столетия: «Ведь это те самые, которые и завтра будут кланяться какому угодно *тельцу*, и даже не из выгод...» (Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе); «Поклонение *тельцу* — одна из характерных особенностей буржуазного общества, где все определяется величиной хищнически накопленного капитала» (из газет).

¹ Словарь АН СССР, т. 11, с. 822.

² Там же, т. 1, с. 45.

³ Там же, т. 15, с. 222.

Слова *турусы* и *балясы* означают: первое — «осадные башни для взятия крепостей»¹, второе — «резные или точеные столбики для украшения перил или окон»², но с этими значениями они давно вышли из употребления. В компонентном составе фразеологических единиц *подпускать (разводить) турусы [на колесах]*, *точить балясы (лясы)* слова эти наполнились новым значением, с которым они теперь могут выступать и вне фразеологических единиц, а именно: *турусы* — «нелепость, вздор», *балясы* — «пустые разговоры». Приведем пример: «— Сейчас столкнулись мы, тут всякие *турусы* и дельный разговор зашел про водевиль» (Грибоедов. Горь от ума); «— Да и напевай ей на ухо *турусы* сладкие» (Гоголь. Женитьба); «И *балясы* начал снова: — Молви ласковое слово!» (Ершов. Конек-горбунок).

Из состава фразеологических единиц *авилонское столпотворение*, *власть (-и) предержащая (-ие)* вычленились компоненты со значениями, свойственными всему фразеологизму: *столпотворение* — «суতোлка, суматоха, неразбериха»³, *предержащие* — «лица, облеченные властью»⁴. Каких-либо иных омонимичных лексем с другими значениями до появления этих слов на почве фразеологического словообразования в лексической системе современного русского языка не существовало. Не случайно поэтому в словарях приводятся лишь «фразеологические» значения этих слов.

Приведем примеры употребления этих слов вне структуры фразеологизмов:

«Не знаем мы теперь хорошего земского человека, сознающего разврат *предержащих* во всем ходе управления» (Г. Успенский. Письмо В. А. Гольцову, 1889); «— Я догадался, что, вероятно, и старуха, и эта красавица боятся каких-нибудь утешений со стороны *предержащих* и поспешил ее успокоить» (Куприн. Олеся); «— Такое у меня в голове *столпотворение*, что я сам не разберу, куда

¹ Словарь АН СССР, с. 1159; Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961, с. 344; Преображенский А. Этимологический словарь русского языка, вып. 2 (тело — ящур). — «Труды Института русского языка АН СССР». М.—Л., 1949, с. 21.

² Словарь АН СССР, т. 1, с. 262.

³ Там же, т. 14, с. 935.

⁴ Там же, т. 11, с. 118.

я еду» (Чехов. Счастливчик); «Он [Дик] зажмурился от *столпотворения* людей на улицах» (Дик, полюбивший Лешу; «Комсомольская правда», 1. 4. 1967).

Как видим, компоненты фразеологических единиц могут служить базой роста новых лексических единиц языка. Подобного рода факты позволяют считать компоненты фразеологизмов потенциальными словами. Но прежде чем такое слово войдет в лексическую систему языка, оно должно утратить свое прежнее значение в структуре фразеологической единицы и «наполниться» новым.

§ 3. Основосложение компонентов и объединение компонентных словоформ

От фразеологизмов, содержащих лексические и грамматические архаизмы в своей структуре, точно так же, как и от фразеологизмов, состоящих из слов активной лексики языка, возможно образование новых слов как путем основосложения нескольких компонентов (чаще всего осложненного суффиксацией), так и путем соединения компонентов в одно сложное слово в тех словоформах, в которых они находились в составе фразеологической единицы (иногда тоже с участием суффиксации).

Примерами первых могут служить такие слова, как *злоб-о-днев-н-ый* от *злоба дня*, *свет-о-преставление* от *преставление света*, т. е. «конец света» (ср. *преставился* — «скончался»), а также *шапк-о-закида-тель-ств-о* от *закидать шапками*, *очк-о-втира-тель-ств-о* — от *втирать очки* и др.

Примерами вторых являются такие слова: *христа-рад-нича-ть*¹ (ср. *христа ради*), *с-ног-сшиба-тель-н-ый* (*сшибать с ног*), *время-препровожд-ени-е* (*препровождать время*), *инако-мыслящий* (*мыслить инако*), *здраво-мыслящий* (*мыслить здраво*), *сию-минут-н-ый*, *сию-секунд-н-ый* (*сию минуту*, *сию секунду*), а также *сию-минут-н-о* и т. п.

Функционирование приведенных выше слов в литературном современном языке можно подтвердить многочисленными примерами из произведений художествен-

¹ См.: Словарь АН СССР, т. 17, с. 468.

ной литературы и публицистики: «— Сказывают, будто ты даром что ходишь в оборвышах, да *христарадничаешь*, а богаче любого из нашего брата» (Григорович. Антон-Горемыка); [Тутаринов] «... смело вмешивается в жизнь колхозов и быстро решает важные и *злободневные* вопросы» (С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды); «Вечером этого же дня Трофим Герасимович принес *сногшибательную* новость» (Г. Брянцев. По тонкому льду); «Выяснилось, что мама никак — будь хоть потоп, хоть *светопреставление!* — не сможет именно в эти числа вырваться из школы» (Б. Евгеньев. В Лондоне листопад); «Молодой мир, *сиюминутный, сиюсекундный*, — вот в чем весь Родион Щедрин» (Прозвучало впервые; «Комсомольская правда», 5. 9. 1967).

§ 4. Вычленение отдельных компонентов фразеологизма, осложненное аффиксацией

Продуктивным способом образования новых слов на почве фразеологизмов является также вычленение одного из компонентов со значением, свойственным всей фразеологической единице, с использованием суффиксации и префиксации. Непременное «участие» суффиксации и префиксации как раз и отличает этот способ оформления новых слов от первого способа, который был рассмотрен в начале главы и сущность которого заключалась в «простом» вычленении одного из компонентов фразеологизма.

От фразеологических единиц, содержащих в своей структуре историзмы, данным способом образованы следующие слова: *вздыбиться*¹ (ср. *встать на дыбы*), *баклушничать*² (*бить баклуши*), *балясничать*³ (*точить балясы*), *подспудный, подспудно*⁴ (*держат под спудом*), *канителить(-ся)*⁵ — *тянуть канитель*. Слова эти, «вобравшие» в себя значения фразеологических единиц, широко употребительны в современном литературном языке. Одним из ярких свидетельств их более позднего появления в русском языке по сравнению с фразеологизмами,

¹ Словарь АН СССР, т. 2, с. 303.

² Там же, т. 1, с. 249.

³ Там же, с. 263.

⁴ Там же, т. 10, с. 614, 615.

⁵ Там же, т. 5, с. 751, 752.

на почве которых они образовались, может служить тот факт, что древнерусскому языку они не были известны.

Приведем примеры их использования в произведениях художественной литературы и публицистики:

«— А ты лишнего-то не мели, нечего нам с тобой *канителиться*» (Мельников-Печерский. В лесах); «— Приспело время благоприятное, ну и женись, нечего *канителить*» (Чехов. Счастливчик); «С песнями и плясками *канителились* до глубокой ночи, а наутро чуть свет — выступать!» (Фурманов. Чапаев); «Тентенников быстро бегал по аэродрому, сам заводил машины, если ему казалось, что *канителей* и задерживаются шоферы» (В. Саянов. Небо и земля).

Как видно из примеров, глагол *канителить(-ся)* употребляется в различных залоговых формах.

Иллюстрации употребления других слов:

«Придешь к ним [столярам], они как раз перестанут *балясничать* и оба примутся за работу» (Н. Успенский. Старуха); [Евгения:] «Право, уж такая... совестливая и для мужа своего покорная, а тут поди, *балясничай* с ними, с охальниками» (А. Островский. На бойком месте); «Но логика не могла рассеять чувства угнетения и темной *подспудной* тревоги» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «Поднятая взрывом волна *вздыбилась* на высоту до пятидесяти футов и рухнула на корабль» (Новиков-Прибой. Цусима).

На первый взгляд казалось бы, вычленяться из структуры фразеологизма должны наиболее «экзотичные» компоненты, например слова, являющиеся историзмами или лексическими архаизмами. Однако наблюдения показывают, что тенденцией к выделению из состава фразеологической единицы в равной мере обладают и вполне «нейтральные» слова.

К таким словам можно отнести, например, глаголы *выйти* (за кого-нибудь), *тянуть* — «медлить, не решаться на что-либо», *перемывать* — «сплетничать о ком-либо», *втирать* — «лгать, обманывать», которые образовались на почве фразеологизмов *выйти замуж*, *тянуть канитель*, *тянуть волынку* (ср. *тянуть резину*, возникшее сравнительно недавно), *перемывать косточки*, *втирать очки*. Вторые компоненты этих фразеологизмов в семантическом отношении ярче первых, глагольных, которые

к тому же имеют омонимы в лексической системе языка. Они колоритнее первых и в лексико-грамматическом отношении (ср. наличие историзмов — *канитель*, *волынка*, грамматического архаизма — *замуж*, субъективно-оценочного суффикса — *косточки*). И все же способностью к вычленению из структуры фразеологизма могут обладать как те, так и другие компоненты.

На почве фразеологических единиц *тянуть канитель* и *тянуть волынку* в равной мере возможна деривация: *тянуть* — «медлить» и *канитель* и *волынка* с тем же значением. Деривационной двуправленностью обладает и фразеологизм *перемывать косточки*, на базе которого образовались глаголы *перемывать* и *костить* с близкими значениями — «поносить кого-либо; осыпать бранью» и «сплетничать о ком-либо»¹.

Что касается образования слов в результате основосложения компонентов и объединения компонентных словоформ в одну новую лексическую единицу, то этот способ лексикализации фразеологических единиц основан на одновременном «равноправном» участии двух или нескольких компонентов в создании нового сложного слова, например: *сыр-бор*, *жар-птица*, *светопрествление*, *сумасшедший* (*сойти с ума*), устаревшее *челобитчик* (*бить челом*).

Итак, в русском языке на почве фразеологических единиц отчетливо прослеживаются три способа словообразования: вычленение компонентов фразеологических единиц, не осложненное аффиксацией и осложненное; основосложение компонентов, осложненное аффиксацией и неосложненное; объединение компонентных словоформ в сложное слово без аффиксации и с помощью аффиксации.

Вновь образованные слова, восходящие к компонентам фразеологических единиц с фразеологически связанным или даже этимологически немотивированным значением, могут в свою очередь служить базой роста новых устойчивых словосочетаний (ср. *злободневный вопрос*, *сногшибательная новость*). Очевидно, специфичность и яркость значения, «унаследованного» этими словами от фразеологических единиц, оказываются столь значительными, что могут вызвать формирование воспроизводимых и постоянных соединений слов.

¹ См.: Словарь АН СССР, т. 5, с. 1518 и 1520.

Глава 10

Специфика фразеологических единиц с архаичными элементами и их особое место в системе современного языка

§ 1. Дифференциальная функция лексических и грамматических архаизмов во фразеологизмах русского языка

Первые замечания о роли архаизмов в структурной организации фразеологической единицы были высказаны швейцарским лингвистом Шарлем Балли в его книге «Французская стилистика», вышедшей в свет в 1909 г.

Характеризуя задачи изучения устойчивых комбинаций слов, он замечает вскользь о возможности сохранения в их компонентном составе устаревших фактов языка. По мнению Ш. Балли, это становится возможным потому, что сознание говорящего связывает все выражение в целом с идеей, символом которой оно является, и что эта связь заставляет забыть собственное значение каждого из элементов оборота: то теряется самый смысл слов, входящих в состав оборота, то перестают ощущаться синтаксические связи между словами.

Высказанное соображение о природе фразеологической единицы и о специфике ее восприятия в сознании говорящего и слушающего подчеркивается Ш. Балли неоднократно.

Поскольку фразеологическая единица обладает целостным значением, она воспроизводится в сознании говорящего, подобно слову, в готовом виде и воспринимается в сознании слушающего как нечто цельное и неделимое. В связи с этим становится принципиально несущественным, из каких именно словесных знаков она состоит и как они связаны между собой. Иными словами, в связи с особой структурно-семантической организацией фразеологической единицы и специфичностью

(по сравнению со свободным словосочетанием) воспроизведения ее в сознании говорящего, а также восприятия ее в сознании слушающего, становится принципиально несущественным: содержатся ли в ее компонентном составе лексические или грамматические архаизмы или они отсутствуют.

На первый взгляд кажется, что дело обстоит именно таким образом. Представляется, что в этой индифферентности обобщенного значения фразеологической единицы по отношению к отдельным словесным элементам, из которых оно слагается и действительно имеет известную степень отвлечения от них, как раз и нужно искать ключ к присутствию лексических и грамматических архаизмов в компонентном составе.

Если значение фразеологической единицы неразложимо на отдельные словесные знаки (будь оно мотивированным, как во фразеологических единствах, или немотивированным, как во фразеологических сращениях), означаемые которых слились в один новый языковой знак при сохранении членной структуры означающих, то не столь уж существенно, что представляют собою эти означающие, т. е. состоят ли они из слов современной лексической системы в нормативных словоформах (с точки зрения действующей грамматической системы) или представляют собой устаревшие слова в архаичных словоформах.

Особый характер структуры фразеологического значения не «препятствует» сохранению в компонентном составе фразеологической единицы различных архаизмов. Однако условия «консервации» архаизмов в структуре фразеологической единицы определяются не только спецификой ее значения, они во многом зависят и от особенностей ее формы, и прежде всего от устойчивости компонентного состава, что выражается в фиксированном порядке слов и неизменности их словоформ.

Было бы неправильным возводить в абсолют определенное отвлечение обобщенного значения фразеологической единицы от составляющих ее словесных элементов. Это противоречило бы марксистскому пониманию природы языковой материи.

Говоря об обобщенном, новом, целостном значении

фразеологической единицы, не являющемся простой суммой лексических значений слов, образующих данную единицу, мы не должны вместе с тем игнорировать лексико-грамматическую характеристику последних.

Несмотря на то, что означаемые нескольких словесных знаков в структуре фразеологической единицы сливаются в одно целое, все же сохраняется многочленная структура означающих этого нового знака, которая является его материальным выражением. Естественно, лексико-грамматическое своеобразие этой структуры не может не оказывать существенного давления на заключенное в ней значение, не может не «отягощать» его своей «материей».

Содержащиеся в структуре фразеологической единицы грамматические, лексические и фонетические архаизмы усиливают экспрессивность ее значения и увеличивают устойчивость, «прочность» ее лексико-грамматического состава. Они содействуют стабильности порядка расположения слов и неизбылемости их словоформ, поскольку последние теперь оказываются изолированными от современных лексической и грамматической систем. Компоненты, содержащие лексико-фонетические и лексико-словообразовательные архаизмы, тоже оказываются в изоляции от современной фонетической системы и системы словообразования, а потому выступают в компонентном составе фразеологической единицы в качестве детерминирующих элементов, «притягивающих» к себе остальные, организующих и «цементирующих» ее структуру.

Являясь постоянным свойством материальной структуры той или иной фразеологической единицы, лексические, грамматические и фонетические архаизмы выступают в качестве дифференциальных признаков этой единицы в системе современного литературного языка. В составе фразеологической единицы архаизмы являются именно той «частью, которая и выступает как собственно дифференциальный признак этой единицы»¹.

Тот или иной компонент фразеологической единицы,

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 383.

содержащий грамматический, лексический или фонетический архаизм, обладает важным свойством дифференциальной функции, сущность которой сводится к тому, что «эта функция выполняется не всей единицей этического уровня (не этической единицей в целом), а лишь ее частью»¹. В данном случае именно такой частью фразеологической единицы как раз и являются компоненты, содержащие архаизмы.

Конечно, большинство фразеологизмов построено из слов, принадлежащих активной лексике современного русского языка (ср. *протянуть руку, ударить по рукам, сон в руку, на руку не чист, связать по рукам и ногам, правая рука, тяжелая рука* и т. д.), но нельзя не брать в расчет и такие, «в лексическом составе которых наблюдаются как бы особые словесные инкрустации, вкрапления... — всякого рода устаревшие лексико-семантические факты и слова с закрепленным употреблением» [27, 91], например: *вложить персты в язвы, продать за тридцать сребреников, бить челом, подпускать туры на колесах*. Количество подобных фразеологических единиц во фразеологическом составе современного русского литературного языка достаточно велико (около тысячи), и оно заслуживает самого пристального внимания. Данные фразеологические образования с особой наглядностью показывают, что для манифестации их неразложимого и целостного значения отнюдь не безразлична форма его выражения, не безразличен лексико-грамматический состав их компонентов.

Ш. Балли видел в наличии архаизма не только дополнительные экспрессивные возможности фразеологической единицы, но и важное средство отграничения ее от свободного словосочетания. Наличие архаизма, по мнению Ш. Балли, становится признаком фразеологичности данного сочетания.

С помощью лексических, грамматических и других архаизмов устойчивые словосочетания отграничиваются от свободных, или «переменных», как их называют некоторые исследователи. В этом и заключается важная дифференциальная функция различных архаизмов, содержащихся в структуре фразеологических единиц.

¹ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 383.

§ 2. Причины немногочисленности фонетических архаизмов в структуре фразеологических единиц

Во фразеологических единицах современного русского литературного языка сохранилось столь много лексических и грамматических архаизмов, что их систематизация позволяет воссоздать многие звенья грамматического строя и словарного состава древнерусского периода.

Исследование архаичных явлений в современной системе языка всегда представляет большой интерес. Не являются в этом отношении исключением и факты фразеологии. «Языковые аномалии заслуживают того, чтобы быть использованными экспериментально: они принадлежат живому языку и косвенным путем освещают его природу и функционирование, а также направление изменений, которые он претерпевает» [2, 35].

Интересно отметить, что фонетических архаизмов в компонентном составе фразеологизмов встречается значительно меньше, чем грамматических или лексических, да и те, как правило, морфологизованы, например смягчение заднеязычных звуков в конце основы слов при образовании различных падежных форм, которые начинались с гласных звуков переднего ряда (ср. *во языцех*, *во облацех*, *в бозе*, *в руцѣ* и т. п.), что являлось в свое время характерной особенностью древнерусского языка. Указанные выше слова со смягчением заднеязычных звуков в конце своих основ сохранились в компонентном составе фразеологических единиц: *стать (сделаться) притчей во языцех*, *притча по языцех*, *темна вода во облацех*, *опочить в бозе*, *все в руце божией* и других, продуктивность употребления которых в современном литературном языке еще достаточно высока.

Относительная бедность фонетических архаизмов в структуре современных фразеологизмов отчасти объясняется очень большой устойчивостью фонетической системы (отрезок времени в одно тысячелетие слишком невелик, чтобы обнаружить в ней существенные изменения), отчасти самим фонематическим принципом организации языковой структуры (как известно, количество конститутивных единиц этой системы, а именно фонем — невелико, оно ограничено всего четырьмя десятками).

«Набор» основных единиц фонетической системы не идет ни в какое сравнение в количественном отношении с числом основных элементов морфологической системы

или, тем более, с числом единиц лексической системы, где количество слов измеряется десятками тысяч. Естественно, специфика фонетической системы сужает возможности ее архаизации, а следовательно, и возможности отражения архаичных фонетических элементов в структуре фразеологизмов существенно сокращаются.

Различная «продуктивность» сохранения грамматических, лексических и фонетических архаизмов в структуре фразеологических единиц косвенным образом отражает закономерность «неравномерного» в количественном и временном отношении изменения разных систем языка. Относительная бедность фонетических архаизмов, по сравнению с собственно лексическими и грамматическими архаизмами в структуре современных фразеологизмов, косвенным путем подтверждает наибольшую устойчивость и стабильность фонетического строя, потому что «сама сохранность тех или иных явлений на протяжении длительного периода свидетельствует о специфике их роли в системе данного языка и что их резистентность по отношению ко всякого рода воздействиям как-то обусловлена» [38, 119].

С другой стороны, сохранности фонетических архаизмов в компонентном составе фразеологических единиц современного языка препятствует опять-таки сам фонематический принцип его структурной организации. Если бы сохранились, например, во фразеологическом сращении *ничтоже сумняшеся* произносительные нормы древнерусского языка относительно шипящих звуков *ж* и *ш*, которые в XI—XIII вв. были мягкими, то это затруднило бы произношение данной единицы говорящим (а следовательно, и воспроизведение ее в его сознании), это затруднило бы в еще большей мере и восприятие ее со стороны слушающего, так как в данном случае оказалась бы нарушенной коммуникативная функция языка. Вот почему фонетическая система современного языка, состоящая из его элементарных единиц, из единиц его второго членения [41, 378], образующих его природную «звуковую материю», не допускает никаких заметных отступлений от установившегося «узуса», от современной произносительной нормы. Причем эта закономерность распространяется на все явления языка, и в том числе на такие своеобразные комбинации словесных знаков, какими являются фразеологические единицы.

§ 3. Воздействие на компоненты фразеологизмов двух противоположных тенденций: тенденции к устойчивости и тенденции к нормализации и вариантности

То обстоятельство, что в структуре фразеологических единиц грамматические, лексические и фонетические архаизмы по существу являются своеобразными живыми ископаемыми, накладывает на них особый отпечаток при функционировании фразеологических единиц в системе современного русского литературного языка.

В одно и то же время эти архаизмы являются, с одной стороны, осколками прежних грамматической, лексической и фонетической систем, а с другой стороны, воспринимаются как органический элемент структурной организации современных фразеологических единиц.

Не удивительно поэтому, что в составе фразеологической единицы архаизмы подвергаются воздействию двух противоборствующих тенденций.

Как показателям фразеологичности словосочетания им свойственна определенная тенденция к неизменяемости и, кроме того, определенная «индифферентность» по отношению к окружающим их словам речевого контекста. Так, например, во фразеологическом сращении *святая святых* архаичная форма прилагательного во множественном числе среднего рода именительного-винительного падежей ощущается как инородная для современного русского языка, омонимичная прилагательному женского рода единственного числа (*святая вода*). Индифферентность ее по отношению к словам речевого контекста проявляется в том, что, «получая» в составе того или иного предложения различные определения в разных падежных формах, данная архаичная форма никак не «реагирует» на грамматические признаки (например, на косвенные падежи) тех слов, которые к ней относятся. Ср. «Он ехал... отдохнуть... — в самой *святой святых* народа...» (Толстой. Анна Каренина); «— В какую *святой святых* всего моего существования вторглись вы!» (Бунин. В почном море).

Но поскольку фразеологические единицы находятся в системе современного литературного языка и служат целям языковой коммуникации, постольку и сами они

в целом, и их компоненты, содержащие архаизмы, испытывают сильное нормализующее воздействие со стороны современной языковой системы. Иногда это давление оказывается настолько сильным, что приводит к устранению архаичных элементов в структуре фразеологических единиц, точнее говоря, к появлению обновленных вариантов прежних фразеологизмов.

Под воздействием современной грамматической системы во фразеологических вариантах *святая святых* (более старом) и *тайная тайных* (более новом) архаичные формы прилагательных во множественном числе среднего рода вытесняются нормативными формами прилагательных, но не во множественном, а в единственном числе, а именно *святое святых* и *тайное тайных*. Например: «Мое *святое святых* — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновенье, любовь и абсолютнейшая свобода» (Чехов. Письмо А. Н. Плещееву, 11. 10. 1889); «— Именно мы с вами, советские коммунисты, и все прогрессивные миролюбивые люди особенно заинтересованы в том, чтобы раскрыть перед миром *тайное тайных* нацизма, воссоздать перед миром в мельчайших деталях всю картину нацистских преступлений...» (Б.: Полевой. В конце концов; «Знамя», 1968, № 9).

Интересно отметить, что ни лексические, ни грамматические архаизмы, находящиеся в компонентном составе как старых, так и более новых вариантов фразеологических единиц, не препятствуют тем лексемным заменам, которые могут быть осуществлены и по линии синонимических, и по линии антонимических отношений. Более того, процессу «выравнивания» архаичных форм в компонентном составе тех или иных фразеологизмов могут в равной мере подвергаться как их старые, так и более новые варианты с различным лексемным составом (ср. *святое святых* и *тайное тайных*).

Замена лексем в обоих компонентах фразеологического сращения *святая святых* — «что-либо самое сокровенное, заветное; недоступное для непосвященных»¹ может происходить как по линии синонимических, так и иных отношений (ср. *тайная тайных* и *живая живых*). Поскольку образование новых вариантов данного фразеологизма имеет моделированный харак-

¹ Фразеологический словарь, с. 416.

тер, постольку и тот и другой «сохраняют» морфологический архаизм, имевший место в структуре «базового» фразеологизма (старую падежную форму прилагательного во множественном числе среднего рода), например:

«На основе подобных экспериментов и родился труд «Опыты спасения жизни на больших высотах», который... сочли нужным хранить в своей *тайная тайных*» (Б. Полевой. В конце концов; «Знамя», 1968, № 10); «Имя Владимира Ильича, его немеркнущий образ, его идеи и заветы — это *живая живых* для нашей молодежи» (Л. Ромащенко. Следуя советам Н. К. Крупской; «Народное образование», 1965, № 2).

Хотя приведенные варианты (*тайная тайных* и *живая живых*), возможно, имеют индивидуально-речевой характер по отношению к своему структурному образцу (*святая святых*), тем более показательно, что даже в их структуре сохраняется морфологический архаизм, несмотря на большие изменения в составе лексем.

Антонимический характер имеют лексемные замены системно-языкового и индивидуально-речевого характера в компонентах фразеологических сращений *ни кола, ни двора* (*ни кола, ни угла*) и *мал мала меньше* (*бол бола больше*). Примеры употребления вариантов первого фразеологизма мы приводили ранее (гл. 3, § 3). Здесь приведем лишь примеры вариантного употребления второго фразеологизма:

«— Было у него, сударыня ты моя, двенадцать дочерей — *мал мала меньше*» (А. Н. Островский. Свои люди — сочтемся); «Другие ребяташки *мал мала меньше*, от земли не видать! На нем одном вся надежда!» (Григорович. Проселочные дороги); «Здесь — двенадцать незамужних дочерей и не *мал мала меньше*, а некоторым образом *бол бола больше*» (И. Ильф и Е. Петров. Россия — Го).

Эти примеры показывают, что ни лексический, ни грамматический архаизмы не «сковывают» свободы лексемных замен при образовании новых вариантов фразеологических единиц.

Тенденция к устойчивости структуры фразеологизма, как видим, сталкивается с тенденцией развития его вариантности, с тенденцией обновления лексем в его компонентном составе.

Взаимодействием этих двух противоборствующих тенденций, может быть, объясняется все увеличивающаяся роль моделированного образования фразеологизмов в русском языке.

На структурной основе некоторых «старых» фразеологизмов, содержащих различные архаичные элементы, создаются с достаточно высокой периодичностью все новые и новые фразеологизмы, которые не всегда имеют системно-языковой характер. Так, на основе фразеологических единиц *не хлебом единым жив человек* — «человек должен заботиться не только о материальных благах, но и о своем духовном мире», и *кесарево кесарю, а божие богу* — «кому что положено», в индивидуально-речевом употреблении были образованы такие группы фразеологизмов:

а) *не хлебом единым живы ученые; не заводом единым жив город; не работой единой жив человек; не единой «мини» живет мода; не спортом единым жив человек* и т. д.;

б) *кесарю кесарево, а слесарю слесарево; кесарю кесарево, а Гулливеру гулливерово; кесарево кесарю, а гнедичево Гнедичу* и т. п.

Приведем некоторые примеры:

«— *Кесарю кесарево, а слесарю слесарево!*» (А. Калинин. Суровое поле); «Единственный способ не дать гигантам доминировать в баскетболе — это не пускать их на площадку. Но, может, *кесарю кесарево, а Гулливеру гулливерово?* (Редакционная корреспонденция «Отставка гулливерам?»; «Известия», 18.5.1967); «*Но не работой единой жив человек.* Есть и другое, то, чего не доверишь всякому. Оно хранится в душе, только твое — интимное» («Известия», 18.2.1967); «Кстати, «мини-юбке» на фестивале был брошен вызов... Художники и модельеры доказали, что и в строгом, длинном (чуть ниже колен) костюме женщина может быть красива и современна. Так что *не единой «мини» живет мода*» (Л. Графова, В. Орлов. Мода крупным планом; «Комсомольская правда», 12.9.1967).

Возникновение и функционирование различных архаичных элементов в материальной структуре фразеологических единиц, как видим, отличается большим своеобразием. Главное их назначение сводится к тому, что они содействуют росту экспрессивности данных слово-

сочетаний и вместе с тем способствуют тенденции к регулярности их употребления и воспроизводимости в сознании говорящих на данном языке.

Фразеологизмы образуются и возникают из сочетаний слов, принадлежащих активной лексике языка (в нормативных словоформах), но далеко не все фразеологические единицы переживают породившую их эпоху. Что касается тех фразеологических единиц, которые надолго переживают период своего создания в языке, то, естественно, они постепенно накапливают в своей структуре фонетические, лексические и грамматические архаизмы, так как и словарный состав, и грамматический, и фонетический строй за это время претерпевают более или менее заметные изменения.

О постепенности накопления архаизмов и в связи с этим усиливающейся немотивированности общего значения данных единиц свидетельствуют многие примеры, которые мы рассматривали в предшествующих главах книги (см. гл. 8, § 3 и 4 и др.).

Важно отметить при этом, что возникающие в структуре фразеологических единиц архаические элементы не «сковывают» гибкости ее структуры, ее возможности к развитию своей вариантности, не ограничивают и не изменяют стилистической сферы ее использования.

Грамматические, лексические и фонетические архаизмы в структуре фразеологических единиц не препятствуют словообразовательным возможностям последних. На их основе, точно так же, как и на основе фразеологизмов с нормативными лексемами в своем составе, могут возникать новые слова, пополняющие современную лексическую систему. Они не препятствуют, таким образом, происходящей внутри языка «циркуляции» от слов к фразеологизмам и, наоборот, от фразеологизмов к словам.

§ 4. Фразеологические единицы с архаичными элементами как источник реконструкции предшествующих периодов развития языка

Систематизация данных фразеологии современного литературного языка позволяет ответить на вопрос, в какой мере и какие именно звенья прежнего грамма-

тического строя и словарного состава удерживаются в современной фразеологической системе.

Фонематический принцип организации языка препятствует накоплению фонетических архаизмов в любых его структурных образованиях, в том числе и в таких устойчивых комбинациях слов, какими являются фразеологизмы.

Именно этим объясняется сравнительно небольшое количество фонетических архаизмов в компонентном составе современных фразеологических единиц (около пятидесяти). Преимущественно это слова со старославянскими фонетическими особенностями (*град, древо, златой, младой, един, даяние, вопиют, возопиют* и т. д.), либо с морфологизованными фонетическими чередованиями звуков, прежде всего со смягчением заднеязычных в основах слов, например: *в бозе, в руце, во облацех, во языцех, во пророцех, в человецех* и т. п. Некоторые сохранили древнерусский звуковой состав и ударение: *пóлымя (из огня да в полымя)*.

Относительно невелико также количество фразеологизмов, содержащих лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы (около двухсот).

Среди лексико-семантических архаизмов преобладают существительные и прилагательные: *глагол* — «речь», *живот* — «жизнь», *злоба* — «забота», *брань* — «сражение, битва», *кол* — «надел земли», *красный* — «хороший», «красивый», *злачный* — «благодатный», *лихой* — «плохой» и т. д.

Среди лексико-словообразовательных архаизмов основную массу составляют существительные, причастия, прилагательные, числительные и наречия с архаичным префиксальным и суффиксальным оформлением: *праотец, пасынок, сумятица, пастырь, телец, агнец, столпотворение, царствие, исчадие, преткновение; взыскующий, предержащий, недреманный, неусыпный, убеленный, умудренный, указующий, ниспосланный, заблудший, непочатый, обетованный, гореванный, повинный; зазорный, нечестивый, нерадивый, закадычный, заклятый, заздравный, краеугольный, несусветный, праведный, смертный; тридевять, тридесять, сам-три, сам-пят; денно, ночью, вспячь, испокон, навзрыд, неповадно и др.*

Более трехсот пятидесяти фразеологизмов сохраняют в своем компонентном составе собственно лексические архаизмы и историзмы.

Интересно отметить, что среди собственно лексических архаизмов наблюдаются не только все знаменательные части речи, но и служебные слова древнерусского и старославянского происхождения, например: *яко тать в нощи, аки лев рыкающий; не все таской, ино и лаской; койм несть числа; и иже с ним* и т. п.

В компонентном составе трехсот двадцати фразеологизмов сохранились архаичные грамматические формы склонения существительных, прилагательных, местоимений, числительных и спряжения глаголов, а также архаичные явления в области синтаксиса.

Сравнивая древнерусскую систему склонения знаменательных частей речи с современной и привлекая данные фразеологии, можно обнаружить такую интересную закономерность. В компонентном составе фразеологизмов сохраняется примерно 60% архаичных грамматических форм из числа всех тех, которые вышли из употребления на протяжении десяти столетий развития русского языка.

Более половины парадигм древнерусского языка и сейчас составляют нормативное словоизменение в области изменяемых частей речи (с некоторыми отклонениями для разных структурно-семантических классов слов). Около 30% архаичной парадигматики не восстанавливается по данным фразеологии. Естественно, это количество старых форм бесследно «потеряно» и для современного словоизменения в свободных словосочетаниях русского языка.

Для некоторых прежних типов склонения по данным фразеологии можно восстановить почти всю парадигматику, например для склонения существительных от основ на *-о*: *опочить в бозе, боже мой, бодливой корове бог рог не дает, поделом вору и мука, поколе бог грехом терпит, со чады и домочадцы, притча во языцех, темна вода во облацех* и др. Причем «недостающие» падежные формы для данного типа склонения сохранены в нормативном современном словоизменении (например: *рог, рога, рогу, рогом* и т. д.).

Коэффициент форм падежного словоизменения, сохранившихся в нормативном употреблении в области

местоимений, прилагательных и числительных, еще выше, чем у существительных, а «недостающие» парадигмы почти полностью восстанавливаются по данным фразеологии. Так, например, склонение кратких прилагательных прослеживается в компонентном составе фразеологических единиц по всем падежам: *от малой искры сыр бор загорелся, свято место пусто не бывает, среди бела дня, по белу свету, вдохнуть жива духа* и др.

В области местоимений, где тоже большинство форм перешло из древнерусского языка в современное нормативное употребление (ср. *мне, мною; мы, нас, нами; свой, своего, своему* и т. д.), устаревшие формы сохранились в компонентах фразеологизмов: *аз (яз) есмь человек, убраться восвояси, иду на вы, никто же на ны, своя своих не познаша* и др.

В области глагольного спряжения в настоящем и будущем времени с помощью данных фразеологии восстанавливается почти вся система личных форм как у неформатических глаголов, так и у тематических, например: *аз есмь человек; есть ем, а дела не вем; гой еси; их же имена ты, господи, веси; невесть что; бог весть что, сим победиши; его же не преидеши; камо грядеши*. Большинство глагольных форм множественного числа вошло в современное нормативное спряжение (ср. *несем, несете, несут*), правда, некоторые из них удерживаются лишь в специальных стилях, например, глагольная форма *суть* в научной литературе («Треугольники *суть* равны...»).

Простые формы прошедшего времени (аорист и имперфект) как в единственном, так и во множественном числе с удивительной последовательностью и постоянством сохраняются в 1-м и 3-м лицах в компонентном составе фразеологизмов и, напротив, отсутствуют во 2-м лице. Эту особенность можно проиллюстрировать такими фразеологизмами: *еже писах — писах; прильпе язык к гортани; еле можахом; ничтоже сумняшеся; погибоша аки обри; своя своих не познаша* и т. п.

Сложные глагольные формы в компонентном составе фразеологизмов отсутствуют. Очевидно, природа аналитических форм, представляющих собою сочетание нескольких слов, настолько «пропитана» грамматическим значением, что для метафоричности и экспрессивности,

своих фразеологизмах, здесь уже не остается места. До известной степени некоторым исключением из этого положения может быть устойчивое словосочетание *жил(-и)-был(-и)*, которое рассматривается большинством ученых как трансформация древнерусского плюсквамперфекта: *жил-был* [*есть*], *жили-были* [*суть*].

Использование фразеологических единиц с архаичными элементами в своем компонентном составе для реконструкции предшествующих периодов языкового развития показывает, во-первых, что именно сохраняется во фразеологическом составе данного языка, а во-вторых, отвечает на вопрос о том, в какой мере все уровни современной языковой системы (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический) допускают реконструкцию своего исходного состояния.

§ 5. Фразеологические единицы с архаичными элементами в системе современного литературного языка

Наблюдения над употреблением фразеологических единиц с лексическими и другими архаичными элементами в своем компонентном составе показывают, что лишь очень немногие из них можно отнести к межстилевым, т. е. к таким, которые с приблизительно одинаковой продуктивностью используются в литературно-художественном, публицистическом, научном, эпистолярном, разговорно-бытовом и других стилях (например: *по многу раз, на босу ногу* и др.).

Большинство же фразеологизмов с архаичными элементами, которые придают им особую выразительность, не являются нейтральными в стилистическом отношении. Они имеют определенную стилистическую закрепленность.

Прежде всего следует отметить среди них значительную по объему группу фразеологизмов книжного характера, «основной сферой употребления которых является строго нормированная литературная речь, стили публицистических и научных произведений, язык художественных произведений...» [28, 253].

Для фразеологизмов этой группы преимущественным является употребление не в устной речи, а в письменной разновидности литературного языка. Это такие фразеологизмы, как *прильпе язык к гортани (моей)*, *своя своих не познаша*, *поделом вору и мука*, *темна вода во облацех (воздушных)* и т. п.

Некоторые устойчивые словосочетания книжного характера являются церковнославянскими по своему происхождению, но они давно «оторвались» от своих «церковных» контекстов и оказались широко вовлеченными в произведения советской художественной и общественно-публицистической литературы, например: *яко тать в нощи*, *заблудшая овца*, *не от мира сего*, *святая святых*, *трубный глас*, *во время оно* и т. п. Эту особенность многих фразеологизмов современного русского языка отмечают в своих исследованиях не только советские языковеды, но и зарубежные¹.

Фразеологизмов разговорно-бытового характера, содержащих в своей структуре лексические и грамматические архаизмы, тоже значительно больше, чем нейтральных, но они существенно уступают в количественном отношении фразеологическим единицам книжного характера. Примерами разговорно-бытовых фразеологизмов могут служить такие, как *от мала до велика*, *точить лясы*, *переть на рожон*, *бойбаба*, *не о двух головах*, *палка о двух концах*, *конь о четырех ногах*, *да и то спотыкается*, *шутка сказать* и т. д.

Продуктивность употребления фразеологических единиц, содержащих в своей структуре архаичные элементы, в разных стилях современного русского литературного языка обусловлена не чем иным, как своеобразием их лексико-грамматического состава.

В этом отношении фразеологизмы с архаичными элементами в своей структуре напоминают использование в литературном языке некоторых пластов лексики с определенным «налетом» архаичности. С помощью таких лексических средств усиливается ироническая или

¹ См.: Филкова П. Д. Църковнославянска фразеология в съветската художествена и обществено-публицистична литература. София, 1965; Бездек Я., Копецкий Л. В., Коут И., Форман М. Пособие по лексикологии русского языка. Прага, 1967, с. 150.

сатирическая характеристика того, что является предметом обсуждения и изображения. Однако между устаревшими элементами лексической системы языка и фразеологическими единицами с архаизмами в своей структуре имеется и большое принципиально важное различие, несмотря на определенное функционально-стилистическое сходство. Так, в романе А. Н. Толстого «Петр Первый» для создания исторического колорита используется немало лексических архаизмов: *челобитчик*, *застава*, *слобода*, *подклеть* и др. На фоне современной лексической системы они осознаются как устаревшие и отжившие свое время, как «внесистемный остаток» в языке, точнее сказать, в разных лексических пластах. Например: «Горожане посылают лучших людей во дворец — просить короля бросить распутство, заняться делом. *Челобитчиков* выбивают вон».

В сущности, различные виды лексических архаизмов (собственно лексические *обвы* — «тот», лексико-семантические *живот* — «жизнь», лексико-фонетические *по́лымя* — «пламя», лексико-словообразовательные *денно* — «днем») и историзмы (*просак* — «канатный веревочный стан в старом ткацком станке, где сучились нити») именно в силу своей «устарелости» находятся за пределами синхронной системы языка.

Фразеологические единицы с различными архаичными элементами в своем компонентном составе, в том числе с лексическими архаизмами и историзмами, существенно отличаются от устаревших элементов лексической системы языка, точнее сказать, от «внесистемных» лексических архаизмов и историзмов, именно тем, что они входят в современную систему языка и что само наличие архаичных элементов в их структуре является одним из характерных их признаков.

Фразеологические единицы с архаизмами в их структуре находятся в системных связях как по линии синонимии, так и антонимии с фразеологическими единицами, не содержащими архаизмов (например, *бить баклуши* — *гонять лодыря*; *нет ни полушки* — *куры не клюют*), а также с единицами лексической системы современного языка, в том числе со словами, рожденными на почве данных фразеологизмов (например, *баклушничать* — *лодырничать*; *ничего* — *много*).

Фразеологизмы современного литературного языка,

содержащие архаичные элементы в своей структуре, могут стать дополнительным источником изучения истории языка и послужить интересным материалом для преподавания многих лингвистических дисциплин и прежде всего фразеологии и лексикологии современного русского литературного языка.

Библиография

I. Учебные пособия и монографии

1. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
2. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
3. *Бодуэн де Куртене И. А.* Избранные труды по общему языкознанию [в 2-х т.]. М., 1963.
4. *Будагов Р. А.* Очерки по языкознанию. М., 1953.
5. *Будде Е. Ф.* Очерк истории современного литературного русского языка.— «Энциклопедия славянской филологии», вып. 12. Спб., 1911.
6. *Булаховский Л. А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. [Изд. 2]. М., 1954.
7. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, т. 2. Изд. 4. Киев, 1953.
8. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
9. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., 1972.
10. *Виноградов В. В.* Современный русский язык (Введение в грамматическое учение о слове), вып. 1. М., 1938.
11. *Виноградов В. В.* Словосочетания и фразеологические единицы.— В кн.: Грамматика русского языка, т. 2, ч. 1. М., 1954.
12. *Дворецкий И. Х.* Польский язык. М., 1947.
13. *Звегинцев В. А.* Семасиология. Изд-во МГУ, 1957.
14. *Копыленко М. М.* Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
15. *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Изд-во МГУ, 1953.
16. *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. Изд-во МГУ, 1956.

17. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Изд. 2. Спб., 1912.
18. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1956.
19. *Поливанов Е. Д.* Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928.
20. *Попов Р. Н.* Фразеологические единицы современного русского литературного языка с историзмами и лексическими архаизмами. [Вологда], 1967.
21. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 3. Харьков, 1899.
22. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. Изд. 4. М., 1907.
23. *Федоров А. И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 1973.
24. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
25. *Черных П. Я.* Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
26. *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд-во МГУ, 1956.
27. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. Изд. 2. М., 1969.
28. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. Изд. 2. М., 1972.
29. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Изд. 2. Л., 1941.
30. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
31. *Шмелёв Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
32. *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

II. Сборники статей, журналы, материалы конференций

3. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке.— В сб.: А. А. Шахматов. 1864—1920. М.— Л., 1947.
4. *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии.— В сб.: Труды юбилейной научной сессии ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1964.
5. *Карцевский С.* Об асимметричном дуализме лингвистического зна-

- ка.— В кн.: История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. Изд. 3. Сост. В. А. Звегинцев. М., 1965.
36. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
 37. *Курилович Е.* О методах внутренней реконструкции.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.
 38. *Кубрякова Е. Е.* О понятиях синхронии и диахронии.— «Вопросы языкознания», 1968, № 3.
 39. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов).— «Учен. зап. ЛГУ им. А. А. Жданова», 1956, № 198. Сер. филол. наук, вып. 24.
 40. *Макаев Э. А.* Понятие давления системы языка и иерархия языковых единиц.— «Вопросы языкознания», 1962, № 5.
 41. *Мартине А.* Основы общей лингвистики.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 3. М., 1963.
 42. *Ожегов С. И.* О структуре фразеологии.— «Лексикографический сборник», вып. 2. М., 1957.
 43. *Поливанов Е. Д.* О фонетических признаках социально-групповых диалектов.— В сб.: Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
 44. *Сводеш М.* Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов.— В сб.: Новое в лингвистике, вып. 1. М., 1960.
 45. *Серебренников Б. А.* О сущности внутренних законов развития языка.— В сб.: Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, вып. 5. М., 1953.
 46. *Серебренников Б. А.* Отражение развития человеческого мышления в структуре языка.— «Вопросы языкознания», 1970, № 2.
 47. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности» слова).— В сб.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952.
 48. *Солнцев В. М.* О понятии уровня языковой системы.— «Вопросы языкознания», 1972, № 3.
 49. *Телия В. Н.* О термине «фразема».— В сб.: Проблемы лингвистического анализа. М., 1966.
 50. *Толикина Е. Н.* О системе соотношения терминологического сочетания и фразеологической единицы.— В сб.: Проблемы фразеологии (Исследования и материалы). М.—Л., 1964.
 51. *Чайкина Ю. И.* Еще раз о слове *кулига*.— В сб.: Этимология, 1968. М., 1971.
 52. *Шанский Н. М.* Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху.— В сб.: Мысли о современном русском языке. М., 1969.

53. Шмелев Д. Н. О понятии «фразеологическая связанность». — «Иностранные языки в школе», 1970, № 1.
54. Янко-Триницкая Н. А. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка. — «Изв. АН СССР, сер. литературы и языка», 1969, т. 28, вып. 5.
55. Ярцева В. Н. Развитие грамматического строя языка и проблема архаизмов. — В сб.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

УКАЗАТЕЛЬ

фразеологических единиц с историзмами, лексическими, фонетическими и грамматическими архаизмами в своем компонентном составе*

- Аз** есмь человек — 182
Аки лев рыкающий — 181
Ангел во плоти — 64
Бедный агнец — 64, 65, 66, 163
 непорочный агнец
 агнец — «олицетворение кротости и невинности»
Без зазрения совести — 49, 68, 69, 71
 без *всякого* зазрения совести
Бить баклуши — 15, 48, 50, 51, 157, 166, 185
 баклуши бить
 битье баклуш
 баклушничать — «бездельничать, лодырничать»
Бить челом — 3, 15, 23, 60, 61, 62, 64, 168, 172, 185
 челом бить
 челобитчик — «проситель, истец»
 челобитье — «прошение, низкий поклон»
 челобитный(-ая) приказ, грамота и т. п.
Бодливой корове бог рог не дает — 98, 100, 104, 181
Боже мой — 89, 90, 91, 104, 141, 181
Бой-баба — 131, 134, 135, 137, 138, 184
 жох-баба
Бой-дévка — 134, 135, 136
Бок ó бок — 121, 123, 126, 128, 129.
Бряцать оружием — 49
 бряцание оружием
Будь семи пяденей во лбу — 19, 145, 146
 — будь [хоть] семи *пядей* во лбу
Быть (ходить) в пасынках — 75, 76
Быть (находиться) под пятой — 60, 62, 63
 быть под *тяжелой* пятой
Вавилонское столпотворение — 25, 53, 164, 165
 столпотворение — «очень большая суматоха, неразбериха, сутолока».
В кои веки — 96, 97
 в кой-то *веки (годы)*
[Вкушая] вкусих мало меду [и се аз умираю] — 106, 109, 119, 154
 вкусил мало меду
Вкушать [плоды] от древа познания [добра и зла] — 77, 78, 79
 вкусить от древа добра и зла

* Фразеологизмы, обладающие вариантностью, приведены как с архаичными элементами, так и с устраненными из их структуры архаизмами. Индивидуально-речевые изменения компонентного состава фразеологизмов помечены звездочкой. Слова, образовавшиеся на почве фразеологизмов, набраны жирным шрифтом. Варьирование лексико-грамматического состава обозначено курсивом. Алфавитное расположение материала в указателе — по первому компоненту. Указатель включает наиболее употребительные фразеологизмы.

Власть(-и) предержажая(-ие)
— 50, 160, 164
предержажие — «лица, об-
леченные властью»
Вложить персты в язвы — 46,
60, 62, 63, 172
вложить персты в раны
Во веки веков — 97
увековечить — «надолго со-
хранить»
Во время оно — 58, 184
Во всю Ивановскую (кричать,
шуметь) — 50
* любить во всю Иванов-
скую
[Воздать] кесарево кесареви,
а божие богови — 85,
86, 104, 140, 141, 142, 178
богу богово, а кесарю ке-
сареву
кесарю кесарево, а богу
божье
* у кесаря кесарево, у бога
божье
* кесарю кесарево, а сле-
сарю слесарево
* кесарю кесарево, а Гул-
ливеру гулливерово
* кесареви кесарево, а Гне-
дичеви гнедичево
Воздать хвалу — 69, 70, 71
Воздать сторицею(-ей) — 104.
Воспринять (принять) схи-
му — 69, 70, 71
Во цвете лет погибнуть — 88,
89
во цвете лет погубить
Врачу, исцелися сам — 104
[Всѣ] в руке божией — 77, 78,
89, 104, 157, 173
[Всѣ] это [еще] буки — 72, 73
Встать на дыбы — 166, 167
Вступить на стезю — 64, 65,
66, 67
вступление на стезю — 64,
65, 66, 67
Выйти в люди — 13, 17, 104
Выйти замуж — 5, 87, 88, 104,
143, 160, 167, 168
выйти (за кого-либо) —
«стать женой кого-либо»
Выписывать (писать) мысле-
те — 72, 74, 75
Высуня язык (бежать) — 116,
119

Геенна огненная — 68, 70, 71
Глагол времѣн — 76, 77, 78, 79
Глас вопиющего в пустыне —
19, 145
голос вопиющего в пустыне
Гой еси — 112, 113, 114, 119,
182
Гол как сокол — 3, 46, 148, 151
Голь на выдумки хитра — 40
Гора с плеч свалилась — 104,
143
Гроша медного не стоит — 49
гроша ломаного не стоит
Держать (хранить) под спү-
дом — 166, 167
подспудный — «скрытый, не
проявляющийся открыто»
подспудно — «скрытно, тай-
но»
Дневи довлѣет злоба его — 76,
77, 78, 79, 86, 87, 141, 156
довлеет дневи злоба его
* каждому дню довлеет
злоба его
* дню нашему довлѣет зло-
ба его
Дрянъ-человек — 132, 136
Душа-человек — 131, 132, 133,
135, 136
Его же (их же) царствити не
будет конца — 75, 76
Еда и Саул во пророцех — 102,
103, 157
Един как перст — 23, 60
один как перст
Еже писѣх—писѣх — 106, 109,
110, 119, 182
Еле можахом (-у) — 3, 4, 107,
110, 111, 119, 152, 182
[Есть] ем, а дела не вем —
119, 182
Жар-птица — 131, 134, 135,
136, 137, 138, 168
жар-птицын — «принадле-
жащий сказочной птице»
жар-птичий, * жароптицев
Жил(-и) — был(-и) — 111, 112,
119, 182, 183
Жить аредовы веки — 96, 97,
104
* стоять аредовы веки
Жить не по глаголу — 76, 77,
78, 79

не по глаголу жить
Жить припеваючи — 116, 117,
119

Заблудшая овца — 184

Закадычный друг — 43, 52

Заклятый враг — 43

Засуча рукава (работать) —
5, 54

засучив рукава

Здрaво мыслить — 165

здравомыслящий — «очень
трезво рассуждающий»

Земная твердь — 64, 65, 66

Земная юдоль — 77, 78

Златой телец — 5, 15, 18, 64,
65, 66, 67, 145, 146, 157, 163

золотой телец (телец зо-
лотой)

* *золотой телёнок*

телец — «олицетворение
богатства; деньги».

Злоба дня — 15, 76, 77, 78,
162, 165, 166, 168

на злобу дня

злободневный — «актуаль-
ный, своевременный, важ-
ный» (сравни *злободнев-
ный вопрос*)

Игра не стоит свеч — 15, 98,
100, 104

Идти об руку — 122, 130, 131

Идти (следовать) по пятам —
62, 63

Идти (следовать) по стопам —
60, 61, 62, 63

Избави боже — 49, 89, 141
избави бог

Избиение младенцев — 25, 75,
76

Имя рек — 116, 117, 118, 119

Инако мыслить — 165

инакомыслящий — «дума-
ющий не так, как все»

И иже с ним — 18, 181

И прочая, и прочая — 152, 153

И разодраша ризы его [и об
одеждах его меташа жре-
бий] — и об одеждах его
метали жребий — 106, 153

Исчадие ада — 25

Их же имена ты, господи,
веси — 115, 119, 182

Ищите и обряцете — 145
ищите и найдёте

Как зеницу ока хранить (бе-
речь) — 3, 18, 60, 61, 62,
64, 145, 156, 158

* *беречь как зеницу глаза*

Камо грядёши — 112, 156, 182

Камень преткновения — 25, 68,
70, 71

Каяться в своих прегрешени-
ях — 75, 76

Козел отпущения — 25, 68, 70,
71

Коим несть числа — 114, 115,
145, 181

котрым несть числа

Конь [и] о четырех ногах, да
(а) и то спотыкается —
112, 124, 130, 131, 138, 184

конь [хоть] и о четырех
ногах, да и *тог* спотыка-
ется

конь о (на) четырех *копы-
тах*, да спотыкается

Кричит как оглашённый — 50

* *вертится* как оглашённый

Кромешная тьма — 16, 40

беспросветная тьма

Кто кого смога, тот того в
рога — 116, 117, 118, 119

К черту на кулички отпра-
вить (-ся) — 66

Лезть на рожон — 184

переть на рожон

Лёпта вдовицы — 75, 76, 158

Лечь костьюми — 3, 101, 102, 104

Ливмя льёт — 116

Мал малá меньше — 177

* *бол бола больше*

Между двух огней очутиться
(попасть) — 121, 124, 127,
128, 129

Между жизнью и смертью
оказаться (находиться) —
87, 88, 141, 143

быть между *жизнью* и
смертью

Мёртвые сраму не имут — 145
мёртвые сраму не *имют*

* *мёртвым* срама нет

[Мир на земле] благоволение
в человецех — 102, 103,
104, 147, 148

на земле мир и в челове-
цех благоволение

мир на земле, в *человских*
 благоволение
 Мору на них (вас) нет — 68,
 69, 70
 На босу ногу — 183
 На лоно(-е) природы — 60, 61,
 62, 64
 На поле брани — 76, 77, 78, 79
 на поле *битвы*
 На смертном одре (быть, на-
 ходиться, лежать) — 5, 26,
 68, 70, 71
 Начинать с азов — 72, 73, 74
постигать с азов
 Нашего полку прибыло — 14,
 52, 121, 122, 124, 127, 128,
 129
 Нашему теляти да волка пой-
 ма́ти — 85
 Не бог весть что — 112
 Не бог весть какой — 112
 Невесть что — 182
нивесть что
 Невесть куда (как, откуда,
 где) — 115
 Не видеть ни зги — 56, 64, 65,
 66
 зги не видеть
 ни зги *не видно*
 Не видеть ни бельмеса — 56
 Не всё таской, йпо и лаской —
 181
 Надреманное око — 19, 145,
 146, 147
 око *недреманное*
недремлющее око
 Не миновать глаголя — 72, 74,
 75
 Не на живот, а на смерть —
 5, 57, 76, 77, 78
 не на *жизнь*, а на смерть
 [Не] о двух головах — 122,
 124, 127, 129, 130, 138, 184
 [Не] о семи головах — 122,
 124, 130
 не о семи *жизнях*
 Не от мира сего — 25, 184
 Не отличить от йжицы аза —
 72
 Не поминать лихом — 69, 68,
 70.
 Не хлебом единым жив чело-
 век — 20, 178
 не *работой* единой жив
 человек

* не *спортом* (заводом,
 танцами и т. п.) единым
 жив человек
 * не единой «*мини*» живет
мода
 Несть [им] числа — 112, 114,
 115, 119
 им же несть числа
 им же *нет* числа
 Нет худа без добра — 69, 70
 Не четá ему (нам) — 69, 70
 Не щадя животá своего — 57,
 76, 77
 не *жался* живота своего
 не щадя своей *жизни*
 [Ни] аза [в глаза] не видеть
 (не знать) — 72, 73, 74
 Ни боже мой — 90, 91
 Ни в едином гла́зе — 88, 89
 Ни в кои ве́ки — 96
 Нивесть что (какой, куда,
 где) — 112, 113, 114, 115
 Ни в коем случае — 145
 ни в *каком* случае
 Ни в коей мере — 145
 ни в *какой* мере
 Ни кола, ни двора — 18, 50,
 54, 55, 157, 177
 ни кола, ни двора [ни ку-
 риного пера]
 ни кола, ни двора [ни ми-
 лого живота]
 ни кола, ни *угла*
 Ни синь(-я) поро́ху(-а) — 52,
 82, 83, 84
 ни синь *порох*
 Ничто́же сумня́шеся — 3, 4,
 46, 107, 109, 110, 111, 119,
 156, 157, 174, 182
 ничто́же *сумня́ся*
 Ныне отпу́щáеши — 112, 113
 Об эту (о сию) пору — 121,
 122, 123, 126, 130, 131
 Овому талант, овому два —
 148, 149
 Одним ма́хом семерых уби-
 ва́хом — 107, 119
 одним *махом всех побива́-*
хом
 Око за око [перелом за пере-
 лом, зуб за зуб] — 60, 61,
 62
 Опочить (почить) в бо́зе —
 77, 78, 89, 104, 141, 147,
 148, 157, 173, 181

- Опустить очи долу — 86
 опустить *глаза* долу
- Орать на чужой тѣлице — 158
- Орел-парень — 133
- Отверзошася хляби небесные — 64, 65, 66, 67, 108, 154
отверзлись хляби небесные
разверзлись хляби небесные
растворились хляби небесные
- Отделить твердь от хляби — 64, 65, 66
- Отделять овец от козлиц — 158
- От ижицы до аза (постигать, учить) — 72, 74, 75
 от аза до ижицы
- Отправить(-ся) к праотцам — 75, 76
- От (с) младых ногтей — 18, 145, 146, 147
 от (с) *молдых* ногтей
- От мала до велика — 184
- От малой искры сыр-бор загорелся — 53, 160, 168, 182
из-за чего весь сыр-бор загорелся
сыр-бор — «перебранка перазбериха».
- Очертя голову — 29, 38, 55, 116, 117, 118
- Палка о двух концах — 122, 124, 127, 129, 130, 184
- Перст указующий (божий) — 46, 60, 62, 63
 перст *провидения*
- Питаться акридами [и диким мѣдом] — 64, 65, 66, 67
- Плести словеса — 96, 98
плетение словес
- Плоть от плоти — 60, 62, 64
- Поборник правды — 75, 76
- По бѣлу свету — 182
- Погибоша аки обри(-ы) — 46, 106, 107, 119, 148, 155, 182
погибли яко обры
 * погибнем яко обри в *пустыне*
- По градам и вѣсям — 18, 19, 145, 147
 по *городам* и вѣсям
 по *разным* городам и вѣсям
- Поделом вору и мука — 100, 101, 104, 141, 154, 181, 189
 по *делам* вору и мука
- Поделом ему (вам) — 100, 101
- Поднять сумятицу — 75, 76
внести сумятицу
- Подпускать (разводить) турысы [на колѣсах] — 3, 164, 172
 подпускать (разводить) *всякие* турысы
- Пожар-девка — 134
- Показать вобчию — 92, 95
- Покинуть земную юдоль — 77, 79
- Поклоняться златому тельцу — 66, 67
- Покѣле (пока) бог грехом [моим] терпит — 100, 101, 104, 141; 153, 181.
 шоколе (пока) бог *грехам* терпит
 * пока бог *грехи* терпит
- Ползти на карачках — 60, 61, 62, 63
- Положа руку на сердце — 29, 52, 116, 117
- Положиша [свой] живот [за други своя] — 76, 77, 78, 79, 156
 положить *животы свои*
- По мановению руки — 68, 70, 71
 по мановению *волшебного жезла* (*волшебной палочки*)
- Попасть в просак — 32
- Попасть из огня да в полымя — 77, 78, 79, 180
- Попасть как кур во щи — 64, 65, 66
 * *влопаться* как кур во щи
- [Предел положен] его же не прейдѣши — 112, 113, 119, 182
 его же не прейдѣши
- Препровождать время — 165
времяпрепровождение — «пустая трата времени; использование своего досуга»

- Преставлѣние света — 15, 165, 166, 168
светопреставлѣние
 «очень большая неразбе-
 риха; суматоха»
- Прильпѣ язык к гортани [мо-
 ей] — 46, 52, 106, 108,
 109, 119, 153, 183
прилип язык к гортани
 язык мой (его) *прилипал* к
 гортани
 * *прикнул* язык к гортани
 * язык *присох* к гортани
 * язык *к горлу* прилип
 * язык *к нѣбу* *приморозил*
- Притча во языцех — 3, 52, 77,
 78, 102, 103, 104, 141, 142,
 149, 150, 163, 173, 181
притча — «предмет общих
 разговоров, пересудов»
- Продать за тридцать сребре-
 ников — 18, 19, 145, 146,
 172
 продать за тридцать *се-
 ребреников*
сребреники — «плата за
 предательство, цена пре-
 дательства»
- Прописать ѳжицу — 72
 Простыня-человек — 131, 132,
 135
 Пуститься во вся тяжкая — 43
 [пуститься] во *всѣ тяжкие*
- Ревмá реветь — 116, 117, 118
ревмя-реветь
- Рубáха-парень — 131, 133, 135,
 137
- Рука об руку — 132, 123, 126,
 128, 129
- Руки в боки [глаза в потоло-
 ки] — 96, 98, 104
- Сбить(-ся) с панталыку — 82,
 83
- Своя своих не познаша [и
 своя своих побивáша] —
 106, 109, 110, 119, 156, 182,
 183
- Святáя святых — 25, 175, 176,
 177, 184
святоѣ святых
 * *тайная тайных*
тайное тайных
 * *живая живых*
- Свято место пусто не быва-
 ет — 182
- С головы до пят — 60, 61, 62,
 63
 от(с) головы до *ног*
 с головы до *пяток*
- Сильные мíра сего — 49
 * *великие* мира сего
- Сим победíши — 26, 112, 113,
 119, 156, 182
- Сию минуту — 15, 162, 165,
 166
сиюминутный — «очень ско-
 рый»
сиюминутно — «очень быст-
 ро»
- Сию секунду — 15, 165, 166
сиюсекундный — «очень быст-
 рый»
- Сказаться (быть) в нѣтех —
 152, 153, 155
 сказаться в *нѣтях*
- Скрепя сердце — 9, 29, 116,
 117, 119
- Сложá руки сидеть (ждать) —
 116, 117, 118, 157
- Сломя голову бежать (мчатъ-
 ся) — 29, 38, 116, 117,
 118, 119
- С миру по пítке [голому ру-
 башка] — 82, 83, 84
- Смежить очи — 43, 60, 62, 63
- Сомкнуть вежды — 60, 61,
 62
- Со чáды и дамочáдцы (прий-
 ти, явиться) — 141, 181
 со [своими] *чáдами и домо-
 чáдцами*
- Спустя рукавá (трудиться, ра-
 ботать) — 54, 117, 118
- Среди бѣла дня — 52, 152, 182
- Стать притчей во языцех —
 79, 102, 103, 141, 142, 173
 сделаться (быть) притчей
 во языцех
 * быть притчей *у соседей*
- Стоять на страже мира — 34
- Стоять (ходить) фёртом — 72,
 74
- Темнá вода во облацех [во-
 душных] — 3, 46, 77, 78,
 102, 103, 104, 141, 142, 173,
 181, 183
- Торный путь — 43

Точить балясы (лясы) — 53,
104, 157, 160, 164, 166, 167,
184

балясы (лясы) точить

балясы (лясы) — «пустые,
бессодержательные разгово-
ры»

балясничать — «заниматься
пустыми, бессодержатель-
ными разговорами»

Трубный глас — 184

Трудиться на ниве (чего-ли-
бо) — 66, 67

Трудиться в поте лица [свое-
го] — 88, 89, 104

* *сочинять* в поте лица

Турсы на колесах — 32, 33,
46, 53, 104, 148, 151, 164.

турсы — «неправдоподоб-
ные рассказы, вздор, неле-
пость»

Тянуть канитель — 166, 167,
168

канителить(-ся) — «очень
медлить, мешкать, очень дол-
го возиться»

Убедиться (увидеть) воочию —
58, 91, 95, 104

Убраться восвойси — 182

Ударить (бросить) оземь —
87, 88, 104

Узнать, почем фунт лиха —
68, 69, 70

У черта на куличках — 64,
66

Хватать (схватывать) верхи —
96, 97

Хромать на обе ноги — 92, 94,
95

хромать на оба колёна

Царь-девица — 131, 136

Царь-птица — 134, 135, 136,
137

царь-птицын — «принадле-
жащий орлу»

Царю небесный — 89, 90, 104

Чего ради — 15, 122, 124, 125,
128

Черта осёдлости — 158

Чист как агнец — 66, 67

Что греха таить — 14, 121, 124,
127, 128

чего (ничего) греха таить

Шутка сказать — 14, 121, 122,
123, 128, 129, 138, 184

шутка ли сказать

Яко тать в нощи (явиться,
прийти) — 18, 19, 77, 78,
79, 145, 148, 156, 181, 184

как тать [в нощи]

словно тать ночьюю

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Фразеологическая система языка как объект особой лингвистической дисциплины	7
§ 1. Объект изучения фразеологии (7). § 2. Межуровневое положение фразеологической системы языка (12). § 3. Отличие фразеологических единиц от единиц других систем языка (19).	
Глава 2. Формирование фразеологических единиц в системе языка и их разновидности	22
§ 1. Причины возникновения фразеологических единиц (22). § 2. Пополнение фразеологического состава языка номинативными устойчивыми словосочетаниями (26). § 3. Пополнение фразеологического состава языка экспрессивными фразеологическими единицами (29). § 4. Формирование целостного фразеологического значения в структуре устойчивых словосочетаний (30). § 5. Типы фразеологических единиц в русском языке (38).	
Глава 3. Условия сохранения в языке элементов старого качества и их особая роль в структуре фразеологизмов	44
§ 1. Определение грамматических, фонетических и лексических архаизмов. Понятие об историзмах (44). § 2. Использование фразеологических единиц для изучения истории языка (47). § 3. Лексемный характер компонентов фразеологических единиц как необходимое условие для появления архаизмов в их структуре (49). § 4. Роль архаизмов в материальной структуре фразеологических единиц (56).	
Глава 4. Фразеологические единицы с лексическими архаизмами	59
§ 1. Фразеологические единицы с архаичными существительными древнерусского и старославянского происхождения, связанные с понятиями о человеческом организме (60). § 2. Фразеологизмы, содержащие в именных компонентах вышедшие из употребления древнерусские и старославянские наименования животных, насекомых и некоторых явлений окружающей природы (64). § 3. Фразеологические единицы с устаревшими существительными древнерусского и старославянского происхождения, связанными с обозначением обрядов, поступков и чувств людей (68). § 4. Фразеологические единицы, содержащие наименования букв славянской азбуки в составе своих	

компонентов (72). § 5. Фразеологические единицы старославянского и древнерусского происхождения, содержащие в своих компонентах словообразовательные, семантические и фонетические архаизмы в структуре существительных различных тематических групп (75).

Глава 5. Фразеологические единицы с архаичными падежными формами имен существительных 81

§ 1. Фразеологизмы с архаичными падежными формами единственного числа (81). § 2. Фразеологические единицы с архаичными падежными формами двойственного числа (91). § 3. Фразеологические единицы с архаичными падежными формами множественного числа (96).

Глава 6. Фразеологические единицы с архаичными глагольными формами 106

§ 1. Фразеологические единицы с глагольными формами зориста, имперфекта и плюсквамперфекта (106). § 2. Фразеологические единицы с архаичными формами глаголов настоящего и будущего времени (112). § 3. Фразеологические единицы с архаичными формами причастий и деепричастий (116).

Глава 7. Фразеологические единицы с архаичными синтаксическими особенностями в своей структуре 121

§ 1. Фразеологические единицы с архаичным управлением и своей структуре (121). § 2. Фразеологические единицы с архаичными явлениями паратактического сочетания слов в своем компонентном составе (131).

Глава 8. Воздействие современной системы языка на лексические и грамматические архаизмы в компонентном составе фразеологических единиц 139

§ 1. Обновление устаревших элементов в структуре фразеологических единиц (139). § 2. Взаимодействие компонентов фразеологических единиц с лексической системой языка — необходимое условие устранения архаизмов (144). § 3. Утрата компонентами фразеологизмов системных связей и отношений с единицами лексической системы — необходимое условие их «консервации» (147). § 4. Переоформление видов зависимости между компонентами фразеологических единиц в связи с вытеснением лексических и грамматических архаизмов (151). § 5. Фразеологические единицы с несколькими архаизмами в своих компонентах (155).

Глава 9. Словообразование на почве фразеологических единиц 159

§ 1. Компоненты фразеологизмов как «потенциальные» слова в их структуре и как реальные новые лексемы в системе языка (159). § 2. Вычленение отдельных компонентов из структуры фразеологизма (162). § 3. Основосложение компонентов и объединение компонентных словоформ (165). § 4. Вычленение отдельных компонентов фразеологизма, осложненное аффиксацией (166).

Глава 10. Специфика фразеологических единиц с архаичными элементами и их особое место в системе современного языка 169

§ 1. Дифференциальная функция лексических и грамматических архаизмов во фразеологизмах русского языка (169). § 2. Причины немногочисленности фонетических архаизмов в структуре фразеологических единиц (173). § 3. Воздействие на компоненты фразеологизмов двух противоположных тенденций: тенденции к устойчивости и тенденции к нормализации и вариантности (175). § 4. Фразеологические единицы с архаичными элементами как источник реконструкции предшествующих периодов развития языка (179). § 5. Фразеологические единицы с архаичными элементами в системе современного литературного языка (183).

Библиография 187
Указатель фразеологических единиц 191

Ростислав Николаевич Попов

**Фразеологизмы современного русского языка
с архаичными значениями и формами слов**

Редактор *Н. А. Захарова*
Художник *А. В. Исиченко*
Художественный редактор *Н. Е. Алешина*
Технический редактор *Н. Н. Баранова*
Корректор *Е. К. Штурм*

А — 04516. Сдано в набор 30/VII 1975 г. Подп. к печати 13/II 1976 г. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 3. Объем 6,25 печ. л. Усл. п. л. 10,50. Уч.-изд. л. 10,90. Изд. № РЛ-178. Тираж 15 000 экз. Зак. 506. Цена 38 коп.

План выпуска литературы издательства
«Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1976 г. Позиция № 154.
Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»
Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
г. Свердловск, просп. Ленина, 49.